

ISSN 2079 – 0295

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

НАУЧНО – ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 4 (24) 2015
Журнал «Власть Закона» выходит ежеквартально

SALUS POPULI SUPREMA LEX

Благо народа – высший закон (*лат.*)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации –
ПИ № ФС77 – 38792 от 8 февраля 2010 г.

**Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные ре-
зультаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата
наук, на соискание ученой степени доктора наук (Распоряжение
Минобрнауки РФ от 26.01.2016 № Р – 4)**

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Учредитель и издатель:

Автономная некоммерческая организация

**«Научно – исследовательский институт
актуальных проблем современного права»**

Сайт издателя: www.niiapsp.ru e – mail: nii.pravo@gmail.com

Сайт журнала: www.vzlaw.ru e – mail: vzlaw@yandex.ru

Подписано в печать 27.01.2016. Формат 70×100 ^{1/16}. Объем 13.1 п.л. Тираж 3000 экз.

При использовании материалов данного печатного издания
обязательна ссылка на источник публикации.

Мнения, высказанные в публикациях, размещенных в данном печатном издании,
являются субъективными позициями авторов относительно рассматриваемых ими
вопросов, за которые редакция журнала ответственности не несет.

© Власть Закона, 2015

Главный редактор

Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», директор АНО «Научно – исследовательский институт актуальных проблем современного права», почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Заместитель главного редактора

Лескова Юлия Геннадьевна, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет».

Редакционный совет

Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Андреев Владимир Константинович, д.ю.н., профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО "Российский государственный университет правосудия" (РГУП), заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик РАЕН.

Белых Владимир Сергеевич, д. ю. н., профессор, директор Института права и предпринимательства ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», заслуженный деятель науки РФ.

Губин Евгений Парфирьевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. Ю. Ломоносова», заслуженный юрист Российской Федерации.

Диденко Анатолий Григорьевич, д. ю. н., профессор, профессор кафедры частно – правовых дисциплин Каспийского общественного университета (Казахстан).

Кохановская Елена Велеониновна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права АИН ВУЗ «Киевского национального университета им. Тараса Шевченко», член – корреспондент НАПрН Украины (Украина).

Кузнецова Ольга Анатольевна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Лукьянцев Александр Анатольевич, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет», заслуженный работник высшей школы РФ.

Малько Александр Васильевич, д. ю. н., профессор, директор Саратовского филиала ФГБУН «Институт государства и права РАН», заслуженный деятель науки РФ.

Муртазакулов Джамшед Саидалиевич, д. ю. н., профессор, профессор кафедры международного права ГОУ Таджикского национального университета.

Попондопуло Владимир Федорович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой коммерческого права ФГБОУ ВО «Санкт – Петербургский государственный университет», заслуженный деятель науки РФ.

Турлуковский Ярослав Владимирович, доктор права, доцент кафедры коммерческого права Института гражданского права Варшавского университета (Польша).

Цыбуленко Зиновий Иванович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского и семейного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Редакционная коллегия

Барков Алексей Владимирович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского – правовых дисциплин НОУ ВО «Московская академия экономики и права».

Вавилин Евгений Валерьевич, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», судья Высшего Арбитражного Суда РФ в отставке.

Дзидзоев Руслан Мухарбекович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет».

Долинская Владимира Владимировна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».

Емелькина Ирина Александровна, д. ю. н., доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева».

Иншакова Агнесса Олеговна, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права Института права ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет».

Мичурин Евгений Александрович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры охраны интеллектуальной собственности, гражданско – правовых дисциплин Харьковского национального университета внутренних дел (Украина).

Молчанов Александр Александрович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГКОУ ВПО «Санкт – Петербургский университет МВД РФ».

Морозов Сергей Юрьевич, д. ю. н., профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права и процесса ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный университет».

Параскевова Светлана Андреевна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет».

Рузанова Валентина Дмитриевна, к. ю. н., доцент, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ФГАОУ ВО "Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С. П. Королёва (национальный исследовательский университет)".

Серова Ольга Александровна, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского права и процесса ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта».

Тужилова – Орданская Елена Марковна, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет».

Тычинин Сергей Владимирович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридического института ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Харитонов Юлиа Сергеевна, д. ю. н., профессор, ведущий научный сотрудник Научно – исследовательского центра НОУ ВПО «Московская академия экономики и права».

Editor – in – Chief

Kamyshansky Vladimir Pavlovich, Ph. D in Law, professor, head of the chair of the civil law of FSBEI of HPE «Kuban state agrarian university», director of ANO «Scientific Research Institute of actual problems of modern law», honorary worker of higher professional education of RF, honored scientist of the Kuban

Deputy Chief Editor

Leskova Julia Gennad'evna, Ph. D in Law, professor of the chair of the civil law of FSBEI of HPE «Kuban state agrarian university».

Editorial Council

Rasskazov Leonid Pavlovich, Ph. D. in Law, professor, head of the chair of the theory and history of state and law of FSBEI of HPE «Kuban state agrarian university», honored scientist of RF, honorary worker of higher professional education of RF, honored scientist of the Kuban.

Andreev Vladimir Konstantinovich, Ph. D in Law, professor, head of the chair of the civil law of FSBEI of HPE «Russian university of justice», honored scientist of RF.

Belih Vladimir Sergeevich, Ph. D. in Law, professor, director of Institute of law and business of FSBEI of HPE «Ural State Law Academy», honored scientist of RF.

Gubin Evgenie Porfrevich, Ph. D in Law, professor, head of the chair of the business law of FSEI of HE «Lomonosov M.U. Moscow state university».

Didenko Anatoly Grigorevich, Ph. D. in Law, professor of the chair of the private law disciplines of Caspian public university (Kazakhstan).

Kokhanovskaya Elena Veleoninovna, Ph. D. in Law, professor of the chair of the civil law of ARN HEI «Kyiv National University of Taras Shevchenko», Corresponding member of the National academy of sciences of Ukraine (Ukraine).

Kuznetsova Olga Anatolevna, Ph. D. in Law, professor of the chair of the civil of FSBEI of HPE «Perm state national research university».

Lukjantsev Alexander Anatolevich, Ph. D. in Law, professor of the chair of the civil law of FSAEI of HPE «South federal university», Honored worker of higher school of RF.

Malko Alexander Vasilevich, Ph. D. in Law, professor, director of the Saratov branch of FSBIS «Institute of state and law (Russian academy of science)», honored scientist of RF.

Popondopulo Vladimir Fedorovich, Ph. D. in Law, professor, head of the chair of the commercial law of FSBEI of HE «St. – Petersburg state university», honored scientist of RF.

Turlukovskii Yaroslav Vladimirovich, (candidate) in Law, docent of commercial law of the Institute of Civil Law at Warsaw University (Poland).

Cibulenko Zinovie Ivanovich, Ph. D. in Law, professor, professor of the chair of the civil and family law of FSBEI of HPE «Saratov state law academy», Honorary worker of higher professional education of RF.

Editorial Board

- Barkov Alexey Vladimirovich**, Ph. D. in Law, professor of the chair of the civil law disciplines of NEI of HPE «Moscow academy of economics and law»
- Vavilin Evgenie Valerevich**, Ph. D. in Law, professor of the department of the Civil and International Private Law of FSBEI of HPE «Saratov state law academy», a retired judge of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation.
- Dzidzoev Ruslan Muharbekovich**, Ph. D. in Law, professor of the chair of the Constitutional law and municipal law of FSBEI of HPE «Kuban state university»
- Dolinskaya Vladimira Vladimirovna**, Ph. D. in Law, professor, professor of the chair of the civil and the family law of FSBEI of HPE «Moscow state academy of law»
- Emelkina Irina Alexandrovna**, Ph. D. in Law, docent, head of the chair of the civil law and process of FSBEI of HPE «Mordovia state university of N.P. Ogarev».
- Inshakova Agnessa Olegovna**, Ph. D. in Law, professor, head of the department of civil and private international law FSBEI of HPE «Volgograd State University».
- Michurin Evgenie Aleksandrovich**, Ph. D. in Law, professor, professor of the chair of the intellectual property, civil disciplines of The Harkov national institute of inside deals (Ukraine).
- Molchanov Alexander Aleksandrovich**, Ph. D. in Law, professor, professor of the chair of the civil law of FSOEI of HPE «St. – Petersburg university of Ministry of internal deals of RF».
- Morozov Sergey Jurevich**, Ph. D. in Law, docent, head of the chair of the civil law and civil procedure of FSBEI of HPE «Ulyanovsk state university».
- Paraskevova Svetlana Andreevna**, Ph. D. in Law, professor of the chair of the civil law of FSBEI of HPE «Kuban state agrarian university».
- Ruzanova Valentina Dmitrievna**, Ph. D. (candidate) in Law, docent, head of the chair of the civil law and business law of FSBEI of HPE «Samara state university».
- Serova Olga Alexandrovna**, Ph. D. in Law, docent, head of the chair of the civil law and process of FSAEI of HPE «Immanuel Kant Baltic Federal University».
- Tuzhilova – Ordanskaya Elena Markovna**, Ph. D. in Law, professor, head of the chair of the civil law of FSAEI of HPE «Bashkir state university».
- Tychinin Sergey Vladimirovich**, Ph. D. in Law, professor, head of the civil law and procedure of Law institute of FSAEI of HPE «Belgorod state national research university».
- Haritonova Juliya Sergeevna**, Ph.D. in Law, the senior research assistant of Scientific research center of NEI of HPE «Moscow academy of economic and law».

Содержание

<i>Камышанский В. П.</i> От силы Власти к власти Закона (Колонка редактора)	12
---	----

Актуальные проблемы современного права

<i>Тужилова – Орданская Е. М.</i> К вопросу о субъективном праве как цивилистической категории	19
<i>Рыженков А. Я.</i> Российское антимонопольное законодательство: вопросы целеполагания»	25
<i>Хужин А. М.</i> Общая теория цивилистики в контексте модернизации гражданского законодательства	34
<i>Параскевова Д. В., Параскевова С. А.</i> Особенности уступки требований по денежным обязательствам	42
<i>Цыбуленко З. И.</i> Модернизация норм Гражданского кодекса РФ об обеспечении исполнения обязательств	50
<i>Чеговадзе Л. А.</i> Договор как основа гражданско-правового регулирования	55
<i>Костенко М. А.</i> Роль юридической техники в совершенствовании коллизионного регулирования: от концепции к законодательной практике	62
<i>Карпычев М. В.</i> Техничко-юридический аспект реформирования гражданского законодательства	71
<i>Рузанова В. Д.</i> Основные тенденции модернизации современного гражданского законодательства через призму проблемы обеспечения согласованности правового регулирования	79
<i>Лисецкий С. К.</i> Современные тенденции модернизации гражданского законодательства в сфере ликвидации юридических лиц	90
<i>Поваров Ю. С.</i> Заявление участника о выходе из общества с ограниченной ответственностью: вопросы нотариального удостоверения	96
<i>Марухно В. М.</i> Недействительность завещания с пороками формы	103
<i>Рузанова Е. В.</i> Вопросы совершенствования законодательства в сфере обязательств вследствие причинения вреда с участием несовершеннолетних граждан: вопросы теории и практики	110

<i>Фомичева Н. В.</i> Актуальные вопросы удостоверения решений собраний хозяйственных обществ	121
<i>Закирова С. А.</i> Особенности правового регулирования брачного правоотношения.....	127
<i>Руденко Е. Ю.</i> Безотзывная доверенность: перспективы применения.....	135
<i>Майор И. Г.</i> Концессионный договор в гражданском праве России	141

Юридическая наука и практика стран СНГ

<i>Абдуджалилов А.</i> Современные подходы к теории гражданских правоотношений	152
--	-----

Трибуна молодых ученых

<i>Абаринова М. Д.</i> К вопросу о допустимости потестативных сделок в гражданском праве России»	169
<i>Акимова К. С.</i> Односторонний отказ от исполнения обязательств как нововведение в обязательственном праве	178
<i>Буланов М. С.</i> Проценты по денежному обязательству в новой редакции Гражданского кодекса РФ.....	184
<i>Вологина Т. В.</i> Основные направления оптимизации процесса правового воспитания современной молодежи.....	189
<i>Ершова Е. В.</i> Компенсация морального вреда как способ защиты семейных прав и мера семейно – правовой ответственности	196
<i>Тихенко Т. Ю.</i> Договор об организации перевозок и рамочный договор: соотношений понятий.....	204

Критика и рецензии

<i>Демидова Г. С.</i> Рецензия на монографию Лоренца Д. В. «Виндикация: юридическая природа и проблемы реализации» / Монография.– Москва: ИНФРА – М, 2011. – 164 с. – (Научная мысль)	212
---	-----

Contents

<i>Kamyshanskij V. P.</i> From force of power, to power of law (The editor's column).....	12
--	----

Actual problems of modern law

<i>Tuzhilova-Ordanskaya E. M.</i> To the question of subjective law as a civil law category.....	19
<i>Ryzhenkov A. Y.</i> Russian antitrust legislation: questions of goal – setting	25
<i>Huzhin A. M.</i> The general theory of civil law in the context of the modernization of civil legislation	34
<i>Paraskevova D. V., Paraskevova S. A.</i> Peculiarities of assignment of claims under liabilities	42
<i>Tsybulenko Z. I.</i> Modernization of the rules of civil code of the Russian Federation on provision of execution of obliga- tions.....	50
<i>Chegovadze L. A.</i> contract as a basis of civil – legal regulation.....	55
<i>Kostenko M. A.</i> The role of legal technique in the improvement of legal regulation of collision: from concept to the legis- lative practice	62
<i>Karpychev M. V.</i> Legal technique’s aspect of reforming of the civil legislation.....	71
<i>Ruzanova V. D.</i> The main trends of modernization of the modern civil legislation through the prism of the problem of en- suring consistency in legal regulation.....	79
<i>Lisecki S. K.</i> The current trends of modernization of the modern civil legislation in the field of liquidation of legal enti- ties.....	90
<i>Povarov Y. S.</i> The participant statement about with-drawal from limited liability company: questions of notarization.....	96
<i>Marukhno V. M.</i> The invalidity of a will with defects of the form.....	103
<i>Ruzanova E. V.</i> The questions of improving the legislation in the field of liability as a consequence of inflicting harm to un- derage citizens: theory and practice	111

<i>Fomicheva N. V.</i> Topical issues of identity – making meetings of business entities	121
<i>Zakirova A. S.</i> Features of legal regulation of marriage legal relationship	127
<i>Rudenko E. Y.</i> An irrevocable power of attorney and application prospects.....	135
<i>Major I. G.</i> Concession contract in civil law of Russia.....	141

Legal science and practice CIS countries

<i>Abdudjalilov A.</i> Modern approaches to theory civil relations	152
--	-----

Tribune of young scientists

<i>Abarinova M. D.</i> To the question of the admissibility potestative transactions in the Civil law of Russia	169
<i>Akimova K. S.</i> Unilateral refusal of execution of obligations as a novelty in the obligations law	178
<i>Bulanov M. S.</i> Interest on a monetary obligation in the new edition of the civil code of the Russian Federation.....	184
<i>Vologina T. V.</i> The main directions of optimization of process of legal education of today's youth.....	189
<i>Ershova E. V.</i> Compensation of moral harm as a way to protect family rights and the measure of family – legal responsibility.....	196
<i>Tihenko T. Ju.</i> Volume contracts and framework contract: value concepts	204

Critique and Reviews

<i>Demidova G. S.</i> Review of the monograph of Lorentz D. V., "Vindication: the legal nature and problems of implementation»" / the monograph. – Moscow: Infra – M, 2011. – 164 s. – (Scientific thought)	212
---	-----

От силы Власти к власти Закона
(Колонка редактора)

From force of power, to power of law
(The editor's column)

Уважаемые коллеги, перед Вами первый номер журнала «Власть Закона» после его включения в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых Президиумом Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по отрасли науки 12.00.00 – юридические науки. В этом номере мы начинаем публиковать результаты Всероссийской научно – прак-

тической конференции «Модернизация гражданского законодательства: проблемы теории и практики» которая прошла 27 октября 2015 года, в городе Краснодаре, в «Кубанском государственном аграрном университете».

Изначально, идеология нашего журнала была направлена на широкое обсуждение и поиск новых решений наиболее актуальных проблем науки, законотворчества и практики применения гражданского права, и выработку предложений по их решению. В 2014 году импакт-фактор журнала «Власть Закона» составил 0,436.

Ключевая тема научных дискуссий на страницах нашего журнала – это проблема соотношения Власти и Закона, соотношение законных интересов государства и свободы предпринимательства, обеспечения законности, правопорядка и гарантированного соблюдения имущественных прав и законных интересов отдельно взятого гражданина или юридического лица. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»¹ в число основных показателей, необходимых для оценки состояния национальной безопасности, включены удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, а также личных и имущественных интересов. В новой Стратегии уточнен и расширен перечень долгосрочных национальных интересов России, среди которых обеспечение незыблемости конституционного строя, укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества.

При столкновении публичных и частных интересов человек, как правило, выступает перед правоприменителями и правоохранителями слабой стороной в правоотношении и нуждается в дополнительных мерах охраны и защиты своих прав и законных интересов. Закон должен служить, в первую очередь, Человеку, Гражданину, а затем уже быть комфортным в работе для тех, кто в силу должности обязан стоять на его страже и обеспечивать его надлежащее применение.

Только Закон может определять правило поведения личности в обществе. Целесообразность – враг законности. Практикуемый в России ручной режим управления экономикой страны в условиях

¹ См.: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 31.12.2015.

кризиса, надо полагать, это вынужденная мера и он всегда будет носить известную меру субъективизма тех, кто держит в руках штурвал этого управления. Ручное управление экономикой должно уйти в историю по мере выработки системы экономических и правовых средств, позволяющих эффективно управлять экономикой страны и обеспечивать ее поступательное развитие и стабильность общества.

Проблему государственно-частного партнерства, соотношения публичных и частных интересов, поиск золотой середины между потребностями отдельно взятой личности и интересами государства, субъекта РФ и иных публичных образований продолжает оставаться важнейшей и требующей поиска новых путей ее разрешения.

Близится к завершению радикальная модернизация Гражданского кодекса РФ. Вместе с тем пока остается неопределенной судьба второго раздела ГК РФ «Право собственности и другие вещные права», который в проекте федерального закона от 27 апреля 2012 г. № 46538 – 6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также отдельные законодательные акты Российской Федерации» прошел под названием «Вещные права».

Наряду с этой ключевой задачей предполагалось и обсуждение проблем науки теории и истории государства и права, имеющих непосредственное отношение к правовому обеспечению формирования новых рыночных отношений в условиях многоукладной рыночной экономики. Особый интерес представляют исследования по истории становления и развития гражданского, предпринимательского, семейного, международного частного права. К сожалению, этим аспектам науки истории права пока уделяется недостаточно внимания в трудах молодых исследователей¹.

Мы не стремимся к распылению путей научного поиска и не ставим перед собой задачу превращения журнала в трибуну обсуждения всех без исключения проблем науки и практики гражданского права. В качестве приоритета по-прежнему остается фундаментальная проблема «Осуществление и защита имущественных прав граждан и юридических лиц». В рамках этой фундаментальной проблемы науки гражданского права продолжают

¹ Камышанский В. П. О количестве и качестве юристов в современной России // Юридическое образование и наука. – 2010. – № 4. – С. 5.

оставаться весьма интересными проблемы интеграции гражданского законодательства стран ближнего зарубежья, расположенных на территории бывшего СССР, государственно-частного партнерства, правового регулирования энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии, гражданско-правовые проблемы в сферах АПК и строительном секторе экономики и др.

Федеральный научно – практический журнал «Власть Закона» издается Научно-исследовательским институтом Актуальных проблем современного права с 2010 года. Целями издания журнала являются пропаганда и популяризация научных результатов руководителей научных юридических школ, наиболее существенных результатов исследований талантливых молодых ученых, в том числе стран СНГ ЕврАзЭС а также освещение иных достижений современной юридической науки и практики.

Журнал «Власть Закона» распространяется по подписке, рассылается в ведущие юридические центры Российской Федерации и стран СНГ, ученым-цивилистам и судьям, государственным служащим и предпринимателям, а также другим специалистам в области гражданского и предпринимательского права. Все номера журнала находятся в открытом доступе на сайте АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права» и специальном сайта журнала «Власть Закона».

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в качестве средства массовой информации с возможностью распространения на территории Российской Федерации и зарубежных стран.

22 марта 2010 года Библиографическая Секция ISSN Международного Центра (45 rue de Turbigo, 75003 Paris, France) включила научно-практический журнал «Власть Закона» в регистр ISSN, присвоив периодическому изданию номер ISSN 2079 – 0295.

Журнал включен в Каталог российской прессы «Почта России».

С 30 июня 2010 года осуществляется распространение электронной копии научно – практического журнала «Власть Закона» в базе данных Научной Электронной Библиотеки, представленной в виде научного информационного ресурса сети Интернет www.elibrary.ru.

Редакционный совет и коллегия играют координирующую роль по объединению усилий научного юридического сообщества и юристов – практиков в решении актуальных проблем правового

регулирования рыночных отношений, в том числе с учетом специфики межгосударственных отношений стран СНГ.

Редакционный совет и редакционная коллегия журнала «Власть Закона» представлены известными учеными – юристами. В состав редакционного совета научно – практического журнала «Власть Закона» входят доктора наук и профессора В. К. Андреев, В. С. Бельх, Е. П. Губин, А. Г. Диденко, Е. В. Кохановская, О. А. Кузнецова, Ю. Г. Лескова, А. А. Лукьянцев, А. В. Малько, В. Ф. Попондопуло, Я. В. Турлуковский, З. И. Цыбуленко. В состав коллегии журнала входят доктора наук и профессора А. В. Барков, Е. В. Вавилин, Г.Ф. Гараева, Р. М. Дзидзоев, В. В. Долинская, И. А. Емелькина, А. О. Иншакова, Е. А. Мичурин, А. А. Молчанов, С. Ю. Морозов, С. А. Параскевова, В. Д. Рузанова, О. А. Серова, Е. М. Тужилова-Орданская, С. В. Тычинин, Ю.С. Харитонова.

В содержание журнала входят разделы, содержащие анализ и поиск путей решения актуальных проблем современного права, в том числе проблем науки и практики стран СНГ, трибуна молодых ученых. Отдельной рубрикой журнала является раздел «Критика и рецензии», в котором представлены рецензии на современные научные труды ученых – юристов России и других стран.

**Главный редактор
журнала «Власть Закона»
доктор юридических наук,
профессор**

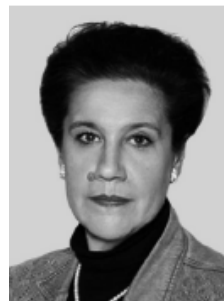
В. П. Камышанский

Раздел

Актуальные проблемы современного права

Е. М. Тужилова-Орданская
доктор юридических наук,
профессор, заведующая ка-
федрой гражданского
права Института права
ФГБОУ ВО Башкирского госу-
дарственного университета
ordanskayelena@list.ru

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТИВНОМ ПРАВЕ КАК ЦИ- ВИЛИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

TO THE QUESTION OF SUBJECTIVE LAW AS A CIVIL LAW CATEGORY

В представленной статье, автор исследует «субъективное право» как цивилистическую категорию. Отмечается сложность и дискуссионность сущности «субъективного гражданского права», приводятся позиции дореволюционных и советских цивилистов о природе столь сложного гражданско – правового явления. На основе анализа всех существенных юридических черт, предпринимается попытка сформулировать авторское определение столь сложного гражданско – правового явления.

Ключевые слова: Субъективное гражданское право; гражданская правоспособность; правовой статус; мера возможного поведения.

In this article, the author explores the "subjective right" as a civil law category. The complexity and controversial nature of "subjective civil law", given positions of the pre – revolutionary and Soviet jurists about the nature of such a complex civil – law phenomena. Based on the analysis of all significant legal hell, an attempt is made to formulate the author's definition of such a complex civil phenomenon.

Keywords: Subjective civil right; civil capacity; legal status; a measure of possible behavior.

Вопрос о понятии субъективного права и его осуществлении является дискуссионным в цивилистической науке уже много лет. Основным спорным аспектом, который приводит к разногласиям во взглядах среди ученых–цивилистов, считается вопрос определения понятия субъективного права и его

правовой природы. Учитывая системность и взаимосвязанность правовых явлений, для наиболее полного исследования понятия субъективного гражданского права как гражданско-правовой категории следует установить связь с такими родственными понятиями как правоспособность, правовой статус, правомочие.

В юридической литературе достаточно много различных определений субъективного гражданского права¹, что, по мнению некоторых ученых, связано с проблемами в современном юридическом образовании.²

Но все-таки большинство ученых придерживается «классического» подхода и определяют субъективное гражданское право как «меру возможного поведения»³.

Впервые в советской цивилистике понятие субъективного гражданского права сформулировал С. Н. Братусь, который указывал на то, что это признанная законом мера возможного поведения личности⁴. Н. Г. Александров предлагал дополнить определение С. Н. Братуся указанием не только на меру, но и на вид возможного поведения исходя из того, что категория «мера» характеризует субъективное право лишь с количественной стороны⁵. В подтверждение этого Н. И. Матузов отметил, что субъективное гражданское право, с точки зрения юридической науки, является не только возможностью субъекта действовать, но и действовать в соответствующих пределах (мера поведения) и соответствующим образом (вид поведения)⁶.

¹ Цыбуленко З. И. Проблемы осуществления субъективных гражданских прав в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 3 (98). – С. 39-46.

² Камышанский В.П. О количестве и качестве юристов в современной России // Юридическое образование и наука. – 2010. – № 4. – С. 5; Камышанский В. П. Каким должно быть юридическое образование? // Современное право. 2010. № 2. С. 3-7..

³ См.: Алексеев С. С. Общая теория права: В 2 – х т. – М.: Юридическая литература. 1981. Т. 1. – С. 92; Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. – М.: Госюриздат, 1950. – С. 9 – 13; Матузов Н. И. Субъективные права граждан СССР. – Саратов: Приволж. кн. из – во, 1966. – С. 26.

⁴ Братусь С. Н. О Соотношении гражданской правоспособности субъективных гражданских // Советское государство и право. – 1949. – № 8. – С. 33.

⁵ Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. – М.: Госюриздат, 1955. – С. 110.

⁶ См.: Матузов Н. И. Субъективное право как мера свободы и форма осуществления правовых норм / Тезисы докладов и научных сообщений всесоюз. конф. «Юридические гарантии правильного применения советских правовых норм и укреплении

Отрицая допустимость использования категории «мера» в определении субъективного права, С. Ф. Кечекьян отмечал: «Мера – понятие количественное, которое допускает соотношение размера разных величин. Между тем возможности действия, обеспечиваемые законом, очень разнообразны и абсолютно несравнимы». Поэтому он предлагает определить субъективное право как предоставленную личности обеспеченную нормами права и соответствующими обязанностями «возможность» действовать, т.е. самостоятельно определять средства для достижения собственных целей¹, в т.ч. пользоваться как средствами поведением других лиц. С этим утверждением вряд ли можно согласиться. Использование категории «мера» в определении субъективного гражданского права преследует другую цель – о мере, как правило, говорят для установления тех пределов, в которых лицо может действовать.

По нашему мнению, категория «мера» может быть применена при определении субъективного гражданского права, ведь она используется для качественной характеристики субъективного права, поскольку способствует пониманию последнего как возможности определенного поведения. Таким образом, обозначение «мера возможного поведения» вводится в определение субъективного гражданского права для его количественно качественной характеристики.

Рассматривая вопрос о субъективном гражданском праве, следует обратить внимание на его собственную внутреннюю структуру, состоящую из совокупности юридических возможностей, предоставленных субъекту правовой нормой. По мнению О. С. Иоффе, С. С. Алексеева и др. такие элементы следует называть правомочиями². При этом субъективное право надо понимать не просто как правовое образование с определенным количеством составных частей (правомочий), а как единство равнозначных возможностей.

Анализируя составляющие субъективного права правомочия, необходимо отметить, что последние в зависимости от вида субъективных гражданских прав разные. Например, правомочия,

социалистической законности» 28 – 30 октября 1970 г. – К.: Наук. думка, – 1970. – С. 94.

¹ Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. – М.: Из – во АН СССР, 1958. – С. 56.

² Иоффе О. С. Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. – М.: Госюриздат, 1961. – С. 228; Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. – Свердловск: Сред. – Урал. кн. Из – во, 1964 – Вып. 2. – С. 112.

входящие в состав субъективного права в абсолютных правоотношениях по своему материальному содержанию отличаются от правомочий, составляющих субъективное право в относительных правоотношениях. Представляется, что любое субъективное гражданское право состоит из трех правомочий – правомочия на собственное поведение, правомочия требования поведения от других лиц и правомочия защиты своего субъективного гражданского права. Поскольку именно такая структура субъективного гражданского права является наиболее полной и отображает все виды возможного поведения.

Однако в юридической литературе чаще всего встречается точка зрения, согласно которой содержание субъективного гражданского права сводится лишь к одному из содержащихся в нем правомочий, а именно правомочию требовать определенного поведения от обязанного лица. Думается, что такое понятие не охватывает содержание конкретных разновидностей субъективных гражданских прав. Оно не может быть применено к вещным правам, например, к праву собственности (поскольку не отражает правомочия владельца владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом), к правам из односторонних действий (поскольку не охватывает правомочий правовладельца на собственные позитивные действия) и некоторых другим видам прав. Следовательно, для того, чтобы определение субъективного гражданского права отображало как юридическое, так и материальное содержание обусловленного явления, оно должно фиксировать в себе правомочия на свои и чужие действия.

Относительно правомочий на чужие действия стоит отметить, что такая возможность обеспечивается силой государственного принуждения. Принудительный характер субъективного права является неотъемлемым качеством допустимого поведения, и «каждое лицо имеет возможность обратиться в необходимых случаях к принудительной силе государственного аппарата не параллельно с другими, закрепленными в субъективном праве возможностями, а присуща им самим, поскольку без этого они не были бы «юридическими возможностями», отмечал О. С. Иоффе¹. Это объясняется тем, что субъективное право предоставляется лицу с целью удовлетворения его интереса. Реализация интереса возможна

¹ Иоффе О. С. Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. – М.: Госюриздат, 1961. – С. 223.

только в результате адекватного поведения сторон общественных отношений.

Поскольку субъективное право является элементом правоотношений, то и содержание возможностей (правомочий), заложенных в субъективном гражданском праве зависит от характера опосредованных этим правом общественных отношений. Более яркий характер правомочия на собственные действия носителя права и менее заметная обязанность других лиц воздерживаться от нарушения этого права присущи правоотношениям пассивного типа. Вследствие этого формируется иллюзия отсутствия такой обязанности и, соответственно, отсутствия возможности требовать определенного поведения в содержании самого субъективного права. Поэтому возникает представление о возможности существования таких субъективных прав вне правоотношений. Но, как справедливо отмечал А. Г. Певзнер, такое суждение ошибочно, ведь субъективное право это элемент правоотношения и без правоотношения не существует и самого субъективного права¹.

В правоотношениях активного типа, элементом которых являются относительные субъективные права, напротив, на первый план выступает правомочие требования. Поэтому в содержании субъективного гражданского права иногда выделяют лишь это правомочие. Подобные представления о содержании относительного субъективного гражданского в ряде случаев можно объяснить тем, что нормы, регулирующие соответствующие общественные отношения, сконструированы по образцу обязывающих. В соответствии с этим О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский делают вывод, что в относительных правоотношениях позитивное содержание правоотношения раскрывается через обязанности, а субъективное право в данной конструкции является правомочием требовать выполнения активного долга. Соответственно, действия лица, направленные на удовлетворение собственного интереса в такого рода правоотношениях рассматриваются как средство реализации правомочия требования². Специфика такого правомочия заключается в том, его невозможно реализовать без одновременной реализации корреспондирующей ей юридической обязанности.

¹ Певзнер А. Г. Понятие и виды субъективных гражданских прав: автореферат дис. ...канд. юрид. н. – М., – 1961. – С. 5.

² Иоффе О. С. Шаргородский М. Д. Указ. соч. – С. 228.

Это свидетельствует о единстве материального содержания правомочия требования и юридической обязанности, лежащей в основе конкретно определенных действий должника.

С учетом изложенного субъективное гражданское право можно определить как предоставленную лицу нормами права меру возможного поведения с целью удовлетворения его законного интереса, который включает в себя правомочие по совершению определенного поведения самим управомоченным лицом, требование определенного поведения от обязанного лица или лиц, защиты своего субъективного гражданского права в случае его нарушения, непризнания или оспаривания.

А. Я. Рыженков

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и международного частного права ФГАОУ ВПО Волгоградского государственного университета, г. Волгоград, 4077778@list.ru

РОССИЙСКОЕ АНТИМОНОПОЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ВОПРОСЫ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ

RUSSIAN ANTITRUST LEGISLATION: QUESTIONS OF GOAL – SETTING

В статье рассматриваются легально установленные цели российского антимонопольного законодательства – обеспечение единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, свободы экономической деятельности в Российской Федерации, защита конкуренции, создание условий для эффективного функционирования товарных рынков. Подвергаются критике их формальные и содержательные характеристики.

Ключевые слова: Монополия; конкуренция; свобода; деятельность; антимонопольное законодательство; рынок.

The legally established goals of Russian Antimonopoly legislation – ensuring of unity of economic space, free movement of goods, freedom of economic activity in the Russian Federation, protection of competition, creation of conditions for effective functioning of commodity markets – are discussed in the article. Their formal and substantial characteristics are criticized.

Keywords: Monopoly; competition; freedom; activity; antitrust legislation; market.

Социальная значимость и результативность нормативно – правового регулирования в первую очередь вытекает из тех целей, которые лежат в его основании. Прямое формулирование целей в текстах законодательных актах может свидетельствовать о стремлении к прозрачности и к повышению легитимно-

сти права, в той мере, в какой понимание обществом стратегических ориентиров законодателя способствует поддержке его деятельности.

Одним из первых на проблему целеполагания в праве обратил внимание классик немецкой юриспруденции Р. фон Иеринг. Он обосновал, в частности, вывод, в соответствии с которым вся система римского права держалась именно на принципе целесообразности, и отверг идею, будто бы целесообразность каким – то образом вторгается в сферу права и ограничивает его: «По моей теории право и целесообразность, правильно понимаемые, вполне тождественны»¹.

В советской юридической науке цель понималась, в частности, как «результат осознания конкретных социальных потребностей, возникающих в определенной системе общественных отношений»². При этом выделялись как объективные факторы целеполагания в праве – наличие потребностей общественного класса и необходимость определенных условий для их реализации, – так и субъективный фактор – осознанность этих потребностей и условий³.

В современной юридической литературе обосновывается следующее определение цели в праве: «идеально предполагаемая и гарантированная государством модель какого – либо социального состояния или процесса, к достижению которой при помощи юридических средств стремятся субъекты правотворческой и правореализационной деятельности»⁴.

Принимая в целом этот подход, в качестве его недостатка отметим элемент субъективизации. В действительности, когда речь идет о целях правового регулирования, нет возможности зафиксировать реальное стремление субъекта правотворчества или правоприменение, скорее можно с уверенностью заявлять лишь о наличии официального декларирования таких целей.

Исходя из этого, под целью правового регулирования мы в данном случае будем понимать лишь тот образ желаемого социального результата, который закреплен юридически.

¹ Иеринг Р. фон. Цель в праве. – Т.1. – СПб., 1881. – С. 384.

² Орлов В. Н., Экимов А. И. Цель в норме советского права // Правоведение. – 1968. – № 5. – С. 23.

³ Там же. – С. 24.

⁴ Малько А. В., Шундилов К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. – Саратов, 2003. – С. 44.

Применительно к антимонопольному законодательству проблема целеполагания обладает тем большей актуальностью, что особенностью этого нормативного комплекса является отсутствие нормативно институционализированных принципов правового регулирования. В этой связи цели антимонопольного законодательства могут принимать на себя не только функцию общего идейного ориентирования, но и, в известных пределах, функцию восполнения пробелов и разрешения юридических коллизий в процессе правоприменения.

Ключом к пониманию целей антимонопольного законодательства может служить тот факт, что оно имеет правоограничительную направленность и представляет собой набор императивных публично – правовых мер, вкрапленных в поле диспозитивного гражданско – правового регулирования имущественных отношений.

Один из ведущих исследователей и критиков антимонопольного регулирования Д. Арментано отмечает, что оно определено не строится на таком традиционном для западных правовых систем основании, как теория естественного права: «... нельзя применять силу против чьей – либо частной собственности, нельзя насильственно вмешиваться в добровольные сделки с чьей – либо собственностью, нельзя вводить регулирование или налагать запрет на определенные виды деловых соглашений, организационных структур или делового сотрудничества»¹. Исходя из подобных представлений, деятельность государства по ограничению монополий не имеет никаких оправданий: «Такие действия государства являются нарушением права собственности и противоречат принципу свободного и добровольного обмена. Поэтому антимонопольное законодательство в той степени, в которой оно ограничивает добровольные соглашения или обмен частной собственностью, не будет соответствовать социальной системе, основанной на естественных правах»².

Таким образом, для введения законодательных мер антимонопольного характера требуется специальное обоснование. Если обратиться к опыту Соединенных Штатов Америки как страны, давшей начало антимонопольному (антитрастовскому) законодательству, то для объяснения антимонопольных ограничений там

¹ Арментано Д. Антитраст против конкуренции. – М., 2005. – С. 29.

² Там же. – С. 30.

обычно используется утилитаристская идея «общественного благосостояния»: «при наличии достаточной конкуренции свободная торговля желательна, поскольку, как утверждается, она максимизирует производство общественного продукта и минимизирует общественные издержки. Однако при наличии на рынке монополии или сговора экономическая деятельность может в интересах общества регулироваться посредством законодательства. Эта позиция ставит отношения добровольного обмена в зависимость от их предполагаемого воздействия на общественную эффективность и благосостояние, и поэтому ее можно определить как утилитарно – прагматическую»¹.

Однако для российской законотворческой практики ссылки на такую категорию, как «общественное благосостояние», в целом не характерны. Поэтому стоит обратиться к анализу целеполагания, легально закрепленного в антимонопольном законодательстве.

В ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 26 июля 2006 г. №135 – ФЗ «О защите конкуренции» сформулированы пять целей:

- 1) обеспечение единства экономического пространства;
- 2) обеспечение свободного перемещения товаров;
- 3) обеспечение свободы экономической деятельности в Российской Федерации;
- 4) защита конкуренции;
- 5) создание условий для эффективного функционирования товарных рынков².

Прежде всего обращает на себя внимание то, что первые четыре цели в этом перечне механически заимствованы из текста Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 8). Такой подход к целеполаганию заслуживает неоднозначной оценки с точки зрения юридической техники и правовой политики. С одной стороны, указание целей, уже установленных на более высоком нормативном уровне, способствует их легитимации. С другой стороны, если практически все цели антимонопольного законодательства, кроме одной, совпадают с конституционными, т.е. общеправовыми целями, это может вызвать подозрение в том, что подобное целеполагание носит формальный и искусственный характер, поскольку

¹ Там же. – С. 30.

² Федеральный закон от 26 июля 2006 г. №135 – ФЗ «О защите конкуренции» // Собр. законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31. – Ч. I. – Ст. 3434.

специфические цели, присущие собственно антимонопольному законодательству, в нем не выделены («эффективное функционирование товарных рынков» как единственная цель, не имеющая конституционного происхождения, также по своему содержанию явно выходит за рамки антимонопольных отношений).

В этой связи представляется необходимым провести проверку и оценку целей антимонопольного законодательства с точки зрения следующих критериев: 1) социальная значимость; 2) правовая определенность; 3) реалистичность, в т. ч. возможность достижения поставленных целей при помощи используемых законодателем правовых средств.

Единство экономического пространства представляет собой конституционный принцип, который, по мнению Г. А. Гаджиева, непосредственно связан с идеей «исторически сложившегося государственного единства», содержащейся в Преамбуле Конституции РФ¹. В курсе «Конституционная экономика» отмечается: «Общее экономическое пространство должно характеризоваться следующими параметрами: динамизмом, эффективностью, гармонией связующих его отношений, единством правового регулирования»². В частности, данный принцип направлен против проведения каких – либо границ внутри территории государства.

Однако к основному содержанию антимонопольного законодательства данный принцип имеет лишь косвенное отношение. В качестве мер, направленных на поддержание единства экономического пространства, могут рассматриваться, например, адресованные государственным и муниципальным органам запреты на установление незаконных требований или преференций (ч. 1 ст. 15 Закона «О защите конкуренции»). Однако основная масса запрещаемых законов действий хозяйствующих субъектов на единство экономического пространства никак не посягают. Более того, многие формы кооперации хозяйствующих субъектов, ведущие к монополизации (создание картелей, согласованные действия конкурентов и т.п.) скорее способствуют, чем препятствуют единству экономического пространства.

¹ См.: Гаджиев Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). – М., 2004. – С. 160.

² Гаджиев Г. А., Баренбойм П. Д., Лафитский В. И., Мау В. А., Захаров А. В., Мазаев В. Д., Кравченко Д. В., Сырунина Т. М. Конституционная экономика / Отв. ред. Г. А. Гаджиев. – М., 2010. – С. 163.

Свободное перемещение товаров является частью конституционного и гражданско – правового принципа (в более полном варианте – свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств), который имеет двойное содержание: во – первых, право хозяйствующих субъектов беспрепятственно менять как местонахождение, так и принадлежность различных материальных благ; во – вторых, запрет на действия, мешающие их свободному движению по территории страны¹.

Как и предыдущая цель, обеспечение свободного перемещения товаров может иметь отношение только к запрещению отдельных действий федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и т. п., например, предусмотренным п. 3 ч. 1 ст. 15 Закона «О защите конкуренции»: «установление запретов или введение ограничений в отношении свободного перемещения товаров в Российской Федерации, иных ограничений прав хозяйствующих субъектов на продажу, покупку, иное приобретение, обмен товаров». Такая цель, как обеспечение свободного перемещения товаров, по своему содержанию не может создавать никаких обязанностей для хозяйствующих субъектов, в частности, не может интерпретироваться как требующая от них осуществлять подобное перемещение, поскольку «свобода» означает наличие самостоятельности хозяйствующего субъекта в принятии решения о распоряжении своим имуществом.

Основной конфликт возникает между такими целями, как *обеспечение свободы экономической деятельности*, с одной стороны, и *защита конкуренции*, с другой. Поставив их в один ряд, законодатель не заметил того смыслового напряжения, которое существует между ними, в том числе на уровне текста Конституции РФ.

Так, согласно ч. 1 ст. 34 Конституции РФ, каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Ч. 2 той же статьи сконструирована как исключение из общего правила: «Не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию». Таким образом, защита конкуренции и обусловленная этим борьба с конкуренцией представляют собой не

¹ См.: Рыженков А. Я. Основные начала (принципы) российского гражданского законодательства и смежных отраслей права. – М., 2015. – С. 118.

проявление свободы экономической деятельности, а ее ограничение; это вытекает хотя бы из использования в ч. 1 ст. 34 позволяющей нормы, а в ч. 2 той же статьи – запрещающей.

В качестве примера обратимся к институтам монопольно высокой и монопольно низкой цены в антимонопольном законодательстве. Из систематического толкования ч. 1 ст. 6, ч. 1 ст. 7 и п. 1 ч. 1 ст. 10 Закона «О защите конкуренции» следует, что хозяйствующему субъекту, занимающему доминирующее положение, запрещается установление и поддержание как цены, превышающей сумму необходимых для производства и реализации такого товара расходов и прибыли и цену, которая сформировалась в условиях конкуренции на сопоставимом товарном рынке (монопольно высокая цена), так и цены, которая ниже суммы необходимых для производства и реализации такого товара расходов и прибыли и ниже цены, которая сформировалась в условиях конкуренции на сопоставимом товарном рынке (монопольно низкая цена). Логика такого запрета предельно ясна – монопольно высокая цена противоречит интересам потребителей, а монопольно низкая цена может использоваться для того, чтобы удалить с рынка конкурентов.

Однако каким образом данные положения способствуют свободе экономической деятельности? Они вполне определенно указывают на то, что эта свобода признается только за экономически более слабой стороной, а не за доминирующим субъектом, который не имеет права отступать от цены, установившейся на рынке. Таким образом, реальной целью этих мер является не свобода экономической деятельности, а протекционизм в отношении потребителей и экономически более слабых хозяйствующих субъектов¹.

Пункт 3 ч. 1 ст. 10 Закона «О защите конкуренции» запрещает хозяйствующему субъекту навязывать контрагентам невыгодные для них или не относящиеся к предмету договора условия. В качестве примеров указаны экономически или технологически не обоснованные, прямо не предусмотренные федеральными законами, а также иные требования. Из этой конструкции вытекает, что запрещается установление любых условий, невыгодных контрагенту. Следовательно, доминирующий на рынке субъект при заключении договора фактически обязан заботиться о выгоде своего

¹ В качестве одной из возможных целей конкурентного законодательства указывается «защита интересов мелкого и среднего бизнеса» (Варламова А. Н. Правовое обеспечение развития конкуренции. – М., 2010. – С. 54).

контрагента, что также вряд ли согласуется с идеей свободы экономической деятельности.

Наконец, не соответствуют цели обеспечения свободы экономической деятельности и предусмотренные законом многочисленные случаи вмешательства антимонопольных органов в процесс совершения сделок и иную деятельность хозяйствующих субъектов (например, в связи с осуществлением государственного контроля за экономической концентрацией на основании ст.ст. 26.1 – 35 Закона «О защите конкуренции»).

Что касается оставшейся цели, а именно *эффективного функционирования товарных рынков*, то она характеризуется ярко выраженной правовой неопределенностью. Данное понятие не имеет общепризнанного определения не только в юридической, но и в экономической науке. Как верно отмечает Д. Арментано, из понятия эффективности нельзя устранить субъективный элемент: «действия отдельных индивидов целенаправленны и сосредоточены на достижении поставленных целей путем применения схем (планов) использования ресурсов, соответствующих этим целям. Если привлеченные для выполнения намеченных задач средства соответствуют целям, то говорят, что эти средства или планы используются эффективно»¹. Использование эффективности в качестве юридического термина (как, например, в сочетании «эффективное средство правовой защиты») возможно лишь при условии нормативной конкретизации ее критериев, чего в отношении «эффективного функционирования товарных рынков» не сделано.

Таким образом, из всех сформулированных в антимонопольном законодательстве целей реально преследуется только одна, а именно защита конкуренции. Однако в связи с ней возникает другая проблема – данная цель имеет тавтологичный характер. Действительно, если учесть содержание ч. 1 ст. 1 Закона «О защите конкуренции», определяющей предмет его регулирования, то получается, что «закон определяет организационные и правовые основы защиты конкуренции» (предмет) «для защиты конкуренции» (цель). В этом случае функция целеполагания не выполняется, деятельность становится самоцелью, и ее социальная значимость оказывается под сомнением.

Можно сделать вывод, что целеполагание в сфере антимонопольного регулирования сопряжено с серьезными проблемами: цели, сформулированные в законе «О защите конкуренции», либо

¹ Арментано Д. Указ. соч. – С. 59.

не соответствуют содержанию закона (обеспечение единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, свободы экономической деятельности), либо страдают правовой неопределенностью (эффективное функционирование товарного рынка), либо являются тавтологичными (защита конкуренции). Таким образом, будучи по своему характеру лишь отсылками к Конституции РФ или к экономической политике, они не являются реальными целями правового регулирования, что, безусловно, негативным образом отражается на его социальной действенности и результативности.

А. М. Хужин

доктор юридических наук,
профессор кафедры граждан-
ского права и процесса ФГКОУ
ВО Нижегородской академии
МВД России, доцент,
alfirhuzhin@mail.ru

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ЦИВИЛИСТИКИ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ГРАЖДАН- СКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

THE GENERAL THEORY OF CIVIL LAW IN THE CONTEXT OF THE MODERNIZATION OF CIVIL LEGISLATION

В статье раскрываются основные направления развития общей теории цивилистики в контексте модернизации гражданского законодательства. Предложены конкретные научные проблемы, которые могут быть положены в основу научного исследования в области гражданского права и теории государства и права.

Ключевые слова: Юридическая наука; цивилистика; гражданское право; методология; научное направление; гражданское законодательство.

The article describes the main directions of development of the general theory of civil law in the context of the reform of civil law. Propose specific scientific problems that can be the basis for scientific research in the field of civil law and theory of law.

Keywords: Jurisprudence; civil law; civil law; methodology; scientific direction; the civil legislation.

Очевидно, что гражданское законодательство переживает период глобального реформирования. Наука гражданского права не осталась в стороне от вышеуказанного обстоятельства. Современное юридическое образование также испыты-

вает на себе влияние данных процессов, о чем неоднократно писали некоторые ученые¹. Более того, стоит заметить, что большинство законодательных инициатив, вошедших в обновленный ГК РФ, были сформированы на основе серьезной научной платформы². Сама идея реформы ГК РФ на основе опыта работы научно – консультативного совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства и выработке соответствующей концепции развития гражданского законодательства является новаторской и может служить ориентиром для других областей отечественной юриспруденции³.

Мощнейший пласт работы (научно – теоретической, практической, эмпирической, законотворческой, правоприменительной) ведущих ученых – цивилистов, направленный на совершенствование и модернизацию гражданского законодательства, должен быть предметом дальнейшего научного анализа. Казалось бы, отмечается повышенный интерес в исследовании современных проблем развития и модернизации гражданского законодательства, осмысления судебной и иной правоприменительной практики. Вместе с этим, имеется дефицит на концептуальные научные труды, анализ методологических проблем и перспектив развития гражданского права.

Одной из попыток восполнить образовавшийся вакуум, является разрабатываемая нами общая теория цивилистики. В основе данного научного направления лежит методология познания внутреннего единства теории права и гражданско-правовой науки. Нами уже были отмечены перспективные направления для общетеоретических диссертационных исследований, раскрывающие «стыковые» научные проблемы⁴. В рамках же данной статьи

¹ Камышанский В. П. О количестве и качестве юристов в современной России // Юридическое образование и наука. – 2010. – № 4. – С. 5; Камышанский В.П. Каким должно быть юридическое образование? // Современное право. – 2010. – № 2. – С. 3-7.

² Камышанский В. П. Обновление Гражданского Кодекса Российской Федерации становится реальностью // Власть Закона. – 2013. – № 1 (13). – С. 10-11.

³ См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. – № 11. – 2009.

⁴ См.: Хужин А. М., Ершов Н. Н. Цивилистический ресурс общетеоретических диссертационных исследований / А. М. Хужин, Н.Н. Ершов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России, – 2015. – № 1 (29). – С.

хотелось бы показать, что сам процесс реформирования гражданского законодательства позволяет развивать концепции и идеи цивилистики. Попытаемся на основе общего анализа подвергнутых модернизации системных институтов современного гражданского законодательства отметить перспективные направления теоретического научного познания.

1. *Раскрытие понятий и категорий, имеющих потенциал для теоретического анализа.* Современное гражданское право изобилует множеством устоявшихся понятий и категорий, которые находят свое применение не только в сфере гражданско-правового оборота, но и иных отраслях права. Как верно отмечал С. С. Алексеев, такие категории частного права, как «договор», «диспозитивность», «защита», «реституция», изначально складывались и реализовались в сфере частного права, проникая со временем в публично-правовую сферу посредством кардинального общетеоретического анализа¹.

Динамичное развитие вновь возникающих в гражданско – правовом лексиконе категорий и понятий, набирающих масштабы общеупотребительного порядка, несомненно, требуют научного познания. К ним следует отнести: «добросовестность», «обход закона», «корпоративные правоотношения», «корпорации», «членство», «преимущество» «вторичные права», «организационные правоотношения», «ограниченные права», «обременение», «бездокументарность», «удостоверение», «решение собраний», «безотзывность», «согласование», «рамочные отношения», «опцион», «номинальные отношения», «эскроу», «ноу-хау», «орудие», «фальсификат».

Считаем, что потенциал для всестороннего теоретического самостоятельного анализа вышеуказанных юридических категорий и понятий, позволит вывести их на более основательный и общеупотребительный уровень. Вместе с этим, необходимо учитывать, что отношение к терминологическому аппарату, как цивилистики, так и теории права, выражаясь словами Б. М. Гонгало

33 – 37; Хужин А. М., Ершов Н. Н. Актуальные проблемы общей теории цивилистики // Актуальные проблемы развития гражданского права и процесса на современном этапе: Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно – практической конференции, 12 февраля 2015 г. / А. В. Герасимова, М. В. Жаботинского. – Краснодар: Краснодар. университет МВД России, – 2015. – С. 296 – 303.

¹ Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М., 1999. – С. 585.

«должно быть трепетным», иначе возникает соблазн непонимания самого явления «стоящего» за тем или иным термином¹.

2. *Анализ основных положений о гражданском законодательстве и правоотношениях.* Реформа общих положений гражданского законодательства в части установления отдельных его принципов, корректировки источников и оснований возникновения, осуществления и защиты гражданских прав и обязанностей, относится к системообразующим преобразованиям современного гражданского права. В частности, огромный интерес представляет собой введенный на законодательный уровень в гражданский оборот *принцип добросовестности*². Если на уровне анализа отдельных норм гражданского законодательства и практики его применения в отношении реализации принципа добросовестности уже появились весьма интересные научные изыскания³, то говорить о концептуальных методологических исследованиях данного принципа и его влияния на развитие правоприменительной практики пока не приходится.

Аналогичная ситуация складывается и с анализом проблем *злоупотребления правом*. Имеющиеся разработки теоретического характера не отражают всю ту суть этого правового явления, которую заложил законодатель в его более широкое понимание⁴. В

¹ Гонгало Б. М. Мысли и речи о науке гражданского права / Б. М. Гонгало // Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 2. – М., 2002. – С. 13.

² Камышанский В. П., Ветер Н. Ю. Обход закона и злоупотребление правом: общее и особенное // Власть закона. – 2013. – № 4 (16). – С. 19.

³ См.: Кабанова И. Е. Некоторые аспекты реализации принципа добросовестности и недопустимости злоупотребления правом в правоотношениях с участием органов публичной власти и их должностных лиц // Гражданское право. – М.: Юрист, 2014, – № 5. – С. 23 – 26; Богданова Е. Е. Принцип добросовестности и эволюция защиты гражданских прав в договорных отношениях: монография / Богданова Е. Е. М.: Юрлитинформ, – 2014. 344 с.; Вердиян Г. В. Реформа гражданского законодательства и принцип добросовестности в общих положениях Гражданского кодекса Российской Федерации // Новый юридический журнал, – 2014, – № 1. – С. 90 – 98; Кондрат Е. Н. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: от толкования к законодательному закреплению // Вестник Московского университета МВД России, – 2015, – № 5. – С. 58 – 62.

⁴ Волков А. В. Возмещение убытков в качестве санкции за злоупотребление правом // Гражданское право. – М.: Юрист, – 2015, – № 3. – С. 3 – 5; Чуприна Я. С. Понятие и признак злоупотребления правом в новеллах гражданского законодательства // 20 лет Конституции России: актуальные проблемы развития правового государства: Сборник научных трудов. Иркутск, – 2014. – С. 439 – 444; Гавва А. А. Проблемы злоупотребления правом в гражданских правоотношениях

связи с этим огромный интерес представляют проблемы общего познания как самой обновленной категории «*злоупотребление правом*», так и составляющих ее элементов. Если вопросам намеренного причинения вреда (шикане) посвящены отдельные научные труды¹, то таким проблемам, как «*действия в обход закона с противоправной целью*»², а также иное «*заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав*» внимание недостаточно.

Относительно источников гражданского законодательства, безусловно, научного переосмысления требует вместо имевшего «обычая делового оборота» теперь «*обычай*» с его более широким содержанием. Возможно, и сама *иерархия источников гражданского права* в части установления приоритета международных договоров над внутренним гражданским законодательством, с учетом современных политических реалий, требует общетеоретического анализа и обоснования.

Безусловный интерес представляет такое научное направление, как пределы действия нормативных правовых актов и иных источников права, а равно, – проблемы недействительности данных юридических форм. С позиций цивилистического ресурса здесь могут быть использованы примеры практической реализации действия актов в процессе модернизации законодательства, их оспаривания и признания недействительными в судебном порядке. Хочется отметить, что исследовательский интерес к изучению проблем недействительности юридических актов, уже проявлен в рамках развития научного направления общей теории цивилистики³. Без внимания не должны оставаться и иные проблемы оснований возникновения, осуществления и защиты гражданских прав и обязанностей.

// Актуальные вопросы злоупотребления правом в российском законодательстве: теория и практика: научные очерки. – Уфа, – 2014. – С. 24 – 37.

¹ См.: Семенова И. Ю. Шикана как правовая категория в гражданском праве России: актуальные вопросы // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: Сборник материалов 3 – й Международной научно – практической конференции (Чебоксары, 12 декабря 2013 г.). Чебоксары, – 2013. – С. 204 – 208; Губарь А. С. Шикана как особая форма злоупотребления гражданским правом // Вестник Пермского университета, – 2012, – № 4 (18). – С. 64 – 72.

² Камышанский В. П., Ветер Н. Ю. Обход закона и злоупотребление правом: общее и особенное // Власть Закона. – 2013. – № 4 (16). – С. 19-23.

³ См.: Шухарева А. В. Методологические предпосылки к исследованию проблемы недействительности юридических актов // // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015, – № 1. (29). – С. 37 – 39.

3. *Исследования в области общей теории юридических лиц.* Кардинальные изменения гражданского законодательства в отношении юридических лиц, безусловно, отразились на всплеске научного интереса к этим участникам гражданского оборота¹, особенно некоммерческих юридических лиц². Вместе с тем, следует отметить, что вектор познания ориентирован, прежде всего, на анализе, как пробелов законодательного регулирования, так и откровенных неточностей нормативного правового закрепления ряда положений, а также проблем практического воплощения отдельных норм о юридических лицах³. Остро ощущается недостаток цельных теоретических научных исследований, начиная от самой современной *концепции юридического лица и его видов*, заканчивая отдельными разработками *правового положения и статуса участников (учредителей) юридического лица и их внутрикорпоративных взаимоотношений*.

4. *Анализ иных проблем в контексте реформы общей части гражданского права.* Массив законодательных инициатив в реформировании общих положений гражданского законодательства повлек за собой необходимость теоретического осмысления его отдельных институтов и субинститутов.

В рамках объектов гражданских прав своего новейшего исследования требуют проблемы *оборотоспособности отдельных вещей* (оружия, лекарственных средств, частных летательных аппаратов и т.п.). Такие объекты, как *единый недвижимый комплекс, безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права, результаты работ и оказание услуг* ожидают серьезного теоретико-цивилистического анализа.

Появление самостоятельного института *решения собраний* уже выявил исследовательский интерес среди цивилистов⁴. Полагаем, что и общетеоретический анализ такого специфического

¹ Лескова Ю. Г. Некоммерческие корпоративные организации: особенности правового статуса // Вестник Академии права и управления. – 2011. – № 24. – С. 70-77.

² Лескова Ю. Г. К вопросу о правовом положении государственных (муниципальных) учреждений: новеллы законодательства // Российская юстиция. – 2010. – № 10. – С. 65-68.

³ Цыбуленко З. И. Новое в гражданском законодательстве России о юридических лицах // Власть Закона. – 2014. – № 3 (19). – С. 82-92.

⁴ См.: Карпычев М. В. Решения собраний – новый юридический факт в гражданском законодательстве Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород, – 2013, – № 23. – С. 63 – 67; Андреев В. К. Решения собраний // Цивилист, – 2013, – № 3. – С. 63 – 72.

вида юридических фактов, его сущности и специфики также весьма актуален.

Пристального познания с позиции общей теории цивилистики в рамках общих положений, безусловно, требуют обновленные институты *недействительных сделок и их правовые последствия, институт представительства и доверенности, сроков и исковой давности.*

5. *Исследования в области общих положений об обязательствах и договоре.* Сфера общих положений обязательственного права также подверглась реформированию. Проблемы исполнения обязательств, включая особенности *исполнения альтернативных и факультативных* его разновидностей, обновленные *способы обеспечения обязательств*, а также специфика *гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств* нуждаются в теоретико-цивилистическом исследовании.

Безусловно, в развитии идей ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, должна получить, разработанная нами теория невиновного поведения¹. В частности, с позиции исходного цивилистического базиса, общетеоретическому анализу должны быть подвергнуты проблемы повышенной юридической ответственности, мер защиты, компенсационной функции юридической ответственности. Своего исследователя ждут отдельные виды невиновного поведения, которые также имеют «цивилистические корни», как казус (случай); непреодолимая сила (в том числе форс – мажорные оговорки); добросовестное заблуждение. Аналогичному познанию необходимо подвергнуть меры государственно – принудительного характера, не находящие внимания со стороны исследователей в области общей теории права. Так, меры пресечения, предупреждения, оперативного воздействия и процессуального обеспечения должны стать предметом самостоятельного общетеоретического анализа.

Теоретического анализа требуют и новые формы технико – юридического согласования и исполнения договора, с учетом обновленных механизмов (Ст. 429.2 ГК «Опцион на заключение договора», 431.2 «Заверения об обстоятельствах») и видов (Ст. 429.1 ГК «Рамочный договор», 429.4 ГК «Договор с исполнением по требованию (абонентский договор).

¹ Хужин А. М. О развитии учения о невиновном поведении в праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 3 (27). – С. 47 – 50.

В рамках данной статьи нами обозначены лишь некоторые, наиболее значимые, законодательные воплощения в нормах гражданского законодательства, которые должны быть подвергнуты скрупулезному научному познанию, с применением методологии общей теории цивилистики. Надеемся, что в ближайшее время мы сможем констатировать факт всплеска интереса к такого рода исследованиям в целях обогащения и дальнейшего развития, как науки гражданского права, так и теории права.

Д. В. Параскевова

кандидат юридических наук,
доцент кафедры граждан-
ского и арбитражного про-
цесса НОО ВО «Кисловодский
гуманитарно – технический
университет»

С. А. Параскевова

доктор юридических наук,
профессор кафедры граж-
данского права ФГБОУ ВПО
«Кубанский государственный
аграрный университет», про-
фессор
svet_andr@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ УСТУПКИ ТРЕБОВАНИЙ ПО ДЕ-
НЕЖНЫМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ**

**ОСОБЕННОСТИ УСТУПКИ ТРЕБОВАНИЙ ПО ДЕ-
НЕЖНЫМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ**

В статье исследуются особенности уступки денежных требований. Автор анализирует осуществленную в результате реформы гражданского законодательства дифференциацию правового режима сделок цессии денежных и неденежных требований и обращает внимание на ошибки, допускаемые судами при применении норм обновленного гражданского законодательства.

Ключевые слова: Денежное обязательство; уступка требования; оспоримые сделки; согласие должника на уступку требования; гражданское правоотношение.

The article examines the features of assignment of a monetary claim. The author analyzes carried out the reform of the civil legislation the differentiation of legal regime of the assignment of monetary and non-monetary requirements and drew attention to mistakes made by the courts in applying the updated norms of the civil legislation.

Keywords: Monetary obligation; assignment of claims; voidable transactions; the debtor's consent to the assignment requirements; a civil relationship.

Денги представляют собой весьма специфический и значимый объект гражданских правоотношений. Под правоотношением в данном случае мы понимаем не материальные явления общественной жизни, а идеальную сущность, сформированную в психике человека¹. Это обусловлено теми функциями, которые они выполняют в экономическом обороте. Деньги выступают в качестве меры стоимости, масштаба цен, средства обращения, платежа, сбережения и накопления, международного покупательского средства. Специфика денег как предмета обязательства «приводит к тому, что денежные обязательства во всех правовых системах выделяются в законодательстве, судебной практике и доктрине в самостоятельную правовую категорию и регулируются нормами, применимыми только к данному виду обязательств»².

Вместе с тем до недавнего времени российское гражданское законодательство не делало каких – либо исключений и не предусматривало каких – либо особых правил для случаев уступки требований по денежным обязательствам. В проекте Концепции совершенствования общих положений обязательственного права России по этому вопросу отмечалось, что правила гражданского законодательства о переходе прав кредитора другому лицу не содержат норм, отражающих особенности уступки прав по денежным обязательствам, тогда как именно такие права наиболее ликвидны, зачастую используются в коммерческих сделках и обладают рядом особенностей, требующих нормативного отражения (например, делимость, отсутствие тесной личной связи между кредитором и должником). Несмотря на то, что указанные особенности вытекают из природы денежного обязательства, отсутствие соответствующих нормативных положений оказывает негативное влияние на судебную практику и создает неопределенность в отношениях участников гражданского оборота.

Исправить эту ситуацию разработчики указанной концепции предлагали путем дополнения гражданского законодательства правилами о том, что уступка требования на получение денежного

¹ См.: Камышанский В. П. Конституционные ограничения права собственности // Юрист. – 2004. – № 5. – С. 5

² Васильев Е. А., Зайцева В. В., Костин А. А. и др. Гражданское и торговое право капиталистических государств / под ред. Е. А. Васильева – М., – 1993. С. 293.

платежа имеет силу, несмотря на соглашение первоначального и нового кредитора, ограничивающее или запрещающее уступку. При этом совершение названной уступки в нарушение установленного соглашением запрета или ограничения не исключает ответственности первоначального кредитора перед должником за такую уступку¹.

В основе указанного предложения лежит стремление привести российское законодательство в соответствие с наметившейся в европейском договорном праве тенденцией к обособлению правил, отражающих особенности уступки прав на получение платежа и прав на получение иного исполнения. В частности, статья 9.1.9 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 закрепляет следующее правило применительно к уступке требования по денежному обязательству: «Уступка права на платеж денежной суммы имеет силу, несмотря на соглашение cedenta и должника, ограничивающее или запрещающее такую уступку. Тем не менее cedent может нести ответственность перед должником за нарушение договора». Что же касается уступки требований по неденежным обязательствам, то здесь действуют иные правила: «Уступка права на получение иного исполнения не имеет силы, если она совершена вопреки соглашению cedenta и должника, ограничивающему или запрещающему такую уступку. Тем не менее уступка имеет силу, если в момент уступки цессионарий не знал и не должен был знать о таком соглашении. Тогда cedent может нести ответственность перед должником за нарушение договора».

Таким образом, в случае совершения уступки требования по неденежному обязательству вопреки установленному соглашением запрету или ограничению приоритет отдается интересам должника: такая уступка признается не имеющей силы и лишь в случае, когда в момент уступки цессионарий не знал и не должен был знать о таком соглашении, уступка считается имеющей силу, а должник приобретает возможность привлечь cedenta к ответственности за нарушение соглашения. Напротив, уступка требования по денежному обязательству признается имеющей силу вне зависимости от соглашения cedenta и должника об ограничении или запрете такой уступки. В этом случае приоритет отдается интересам кредитора.

¹См.: Проект Концепции совершенствования общих положений обязательственного права России. – М., 2009. – С. 33, 38.

Предложения разработчиков Концепции совершенствования общих положений обязательственного права России получили воплощение с вступлением в силу с 1 июля 2014 года масштабных изменений, внесенных в институт перемены лиц в обязательстве Федеральным законом от 21.12.2013 № 367 – ФЗ. В ныне действующей редакции гражданское законодательство следующим образом регламентирует уступку требования при ее ограничении или запрете соглашением cedента и должника.

Общие на первый взгляд правила по рассматриваемому вопросу сосредоточены в пункте 2 статьи 382 ГК РФ, согласно которому, что для перехода к другому лицу прав кредитора не требуется согласие должника, если иное не предусмотрено законом или договором. При этом, если договором был предусмотрен запрет уступки, сделка по уступке может быть признана недействительной по иску должника только в случае, когда доказано, что другая сторона сделки знала или должна была знать об указанном запрете¹.

Вместе с тем с учетом положений пункта 3 статьи 388 ГК РФ становится очевидным, что предусмотренная пунктом 2 статьи 382 ГК РФ оспоримость сделки цессии требования, совершенной вопреки установленному договором запрету или ограничению на уступку, распространяется лишь на случаи уступки требований по неденежным обязательствам.

Применительно же к денежным обязательствам законодатель предусматривает иные правила: согласно пункту 3 статьи 388 ГК РФ соглашение между должником и кредитором об ограничении или о запрете уступки требования по денежному обязательству не лишает силы такую уступку и не может служить основанием для расторжения договора, из которого возникло это требование, но кредитор (цедент) не освобождается от ответственности перед должником за данное нарушение соглашения.

Приведенной нормой законодатель предусмотрел особый правовой режим для сделок цессии денежных требований, исключив возможность их оспаривания по мотиву их совершения в обход договорного запрета или ограничения. Примечательно, что изначально в пункте 3 статьи 388 ГК РФ речь шла лишь о денежном

¹ Тужилова-Орданская Е. М. Теоретические проблемы защиты прав на недвижимость в гражданском праве России // диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва, 2007.

обязательстве, связанном с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности. Однако вступившим в силу с 1 июня 2015 года Федеральным законом от 08.03.2015 № 42 – ФЗ названная оговорка была исключена и правила пункта 3 статьи 388 ГК РФ распространены на любые денежные обязательства.

Таким образом, юридическая сила совершенной с нарушением договорного запрета или ограничения уступки требования по денежному обязательству в отличие от уступки требования по неденежному обязательству не ставится в зависимость от актуальной или потенциальной осведомленности цессионария о наличии указанного запрета или ограничения. Сделка цессии денежного требования не может быть признана недействительной на том основании, что цессионарий знал или должен был знать о достигнутом цедентом и должником соглашении, запрещающем или ограничивающем уступку. При этом в целях защиты интересов должника по денежному обязательству законодатель позволяет ему привлечь неисправного кредитора, уступившего требование в условиях действующего соглашения о запрете или ограничении уступки, к ответственности за нарушение такого соглашения. Кроме того, на совершившего подобную «антидоговорную» уступку денежного требования кредитора могут возлагаться иные предусмотренные договором неблагоприятные последствия.

Следует отметить, что российское гражданское законодательство и ранее предусматривало случаи, когда сделка уступки требования признавалась действительной даже при наличии соглашения первоначального кредитора и должника о ее запрете или ограничении. Речь идет о так называемых «факторинговом» и «комиссионном» исключениях из общего правила о недопустимости уступки, совершаемой с нарушением договора цедента и должника. В частности, согласно статье 828 ГК РФ уступка финансовому агенту денежного требования является действительной, даже если между клиентом и его должником существует соглашение о ее запрете или ограничении. При этом указанное правило не освобождает клиента от обязательств или ответственности перед должником в связи с уступкой требования в нарушение существующего между ними соглашения о ее запрете или ограничении. Комиссионное исключение сформулировано в пункте 3 статьи 993 ГК РФ, допускающем уступку комиссионером прав по заключенной им с третьим лицом и неисполненной последним сделке комитенту независимо от соглашения комиссионера с третьим лицом, запрещающего или ограничивающего такую уступку, и содержащим

оговорку о том, что приведенное правило не освобождает комиссионера от ответственности перед третьим лицом в связи с уступкой права в нарушение соглашения о ее запрете или об ограничении.

В современных условиях приведенные исключения в той части, в которой они касаются уступки требований по денежным обязательствам, являются излишними, так как полностью охватываются правилами пункта 3 статьи 388 ГК РФ. В связи с этим в целях последовательной реализации принципа нормативной экономии целесообразно статью 828 ГК РФ исключить из гражданского законодательства, а положения пункта 3 статьи 993 ГК РФ – скорректировать с учетом правил пункта 3 статьи 388 ГК РФ.

Анализ практики применения норм гражданского законодательства, отражающих особенности уступки требований по денежным обязательствам, показывает, что суды далеко не во всех случаях учитывают изменение подхода законодателя к квалификации совершенных с нарушением договорного запрета или ограничения сделок уступки требований по денежным обязательствам и верно применяют соответствующие положения гражданского законодательства.

Так, установив факт совершения сделки уступки прав (цессии) по договору подряда в без получения предусмотренного условиями этого договора предварительного письменного согласия должника на передачу права требования задолженности, суд первой инстанции, руководствуясь статьями 168, 174, 382 ГК РФ, признал договор уступки прав (цессии) от 23.01.2015 недействительным, удовлетворив тем самым встречный иск должника, и отказал в удовлетворении иска цессионария о взыскании с должника уступленной задолженности. Апелляционный суд оставил указанное решение суда без изменения, указав, что положения пункта 3 статьи 388 ГК РФ не лишают заинтересованного лица права на обращение с иском об оспаривании договора уступки требования. Отменяя состоявшиеся по делу судебные акты, суд кассационной инстанции обратил внимание на то, что положения пункта 3 статьи 388 ГК РФ являются исключением из общей нормы пункта 2 статьи 382 ГК РФ о последствиях запрета на уступку. По спорному договору уступки прав (цессии) передано денежное требование. При таких обстоятельствах предъявление должником в рамках встречного иска требования о признании недействительной

сделки уступки денежного требования не соответствует законодательству¹.

Оставляя в стороне вывод кассационного суда о соотношении пункта 2 статьи 382 ГК РФ и пункта 3 статьи 388 ГК РФ как общей и специальной нормы, следует согласиться с тем, что по смыслу пункта 3 статьи 388 ГК РФ должник не вправе оспаривать сделку уступки денежного требования, совершенную вопреки соглашению cedenta и должника о запрете или ограничении такой уступки, и наделен лишь возможностью привлечь кредитора (цедента) к гражданско – правовой ответственности (потребовать возмещения причиненных уступкой требования убытков, взыскать предусмотренную в договоре на этот случай неустойку и пр.).

В другом деле апелляционный суд отменил определение суда первой инстанции об отказе в удовлетворении заявления о процессуальном правопреемстве, мотивированное ничтожностью договора уступки требования от 21.07.2014, обусловленной заключением этого договора с нарушением условия договора поставки о получении поставщиком письменного согласия покупателем на уступку требований по договору. При этом суд апелляционной инстанции сослался на положения статей 166, 168, пункта 3 статьи 388 и статьи 173.1 ГК РФ и указал, что с учетом этих норм отсутствие согласия влечет только оспоримость сделки и сделка без согласия не будет ничтожной. Поскольку у суда первой инстанции не имелось оснований для признания сделки уступки требования недействительной по собственной инициативе, не оспоренная сторонами уступка не лишена силы и может являться основанием для процессуального правопреемства. Суд округа поддержал выводы апелляционного суда².

Вместе с тем выводы судов об оспоримости сделки уступки денежного требования, совершенной с нарушением установленного соглашением сторон условия о получении кредитором согласия должника на уступку, с учетом изложенных выше рассуждений о смысле закрепленных в пункте 3 статьи 388 ГК РФ положений представляются ошибочными. Уступка требования по денежному обязательству имеет силу вне зависимости от того, что при ее

¹ См.: постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.11.2015 по делу № А45 – 7167/2015.

² См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.02.2014 по делу № А40 – 94447/2014.

совершении цедентом не получено согласие должника, обязательность получения которого предусмотрена заключенным ими договором. С учетом этого определение суда первой инстанции подлежало отмене с иной мотивировкой: поскольку в силу пункта 3 статьи 388 ГК РФ соглашение между должником и кредитором об ограничении или о запрете уступки требования по денежному обязательству не лишает силы такую уступку, спорный договор уступки требования от 21.07.2014 является действительным и в соответствии с частью 1 статьи 48 АПК РФ может выступать основанием для процессуального правопреемства.

Таким образом, главной особенностью уступки требований по денежным обязательствам, отличающей ее от уступки прав на получение иного (неденежного) исполнения является то, что такая уступка не лишается силы в случае ее совершения в нарушение установленного соглашением должника и цедента запрета или ограничения и не может быть оспорена по этому основанию. Поскольку дифференциация правового режима сделок уступки денежных и неденежных требований в российском гражданском законодательстве произведена сравнительно недавно, суды в некоторых случаях не учитывают изменение подхода законодателя к квалификации совершенных с нарушением договорного запрета или ограничения сделок уступки требований по денежным обязательствам и допускают ошибки при применении соответствующих норм.

З. И. Цыбуленко

доктор юридических наук,
профессор кафедры граждан-
ского и семейного права,
ФГБОУ ВО «Саратовская госу-
дарственная юридическая
академия», профессор
cybulenko@bk.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ИСПОЛНЕ- НИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

MODERNIZATION OF THE RULES OF CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION ON PROVI- SION OF EXECUTION OF OBLIGATIONS

В статье анализируются некоторые изменения, внесенные ФЗ от 08.03.2015 г. № 42 – ФЗ в главу 23 ГК РФ, регулируемую способы обеспечения исполнения обязательств; высказывается мнение автора по ним.

Ключевые слова: Модернизация; неустойка; поручительство; банковская гарантия; обеспечительный платеж.

The article analyzes some changes to the Federal Law of 03.08.2015, № 42 – FZ of chapter 23 of the Civil Code, which regulates means of ensuring the performance of obligations; It expresses the author's opinion on them.

Key words: Modernization; penalty; surety; a bank guarantee; security deposit.

Как известно, в настоящее время проводится модернизация норм гражданского законодательства России в соответствии с Концепцией развития гражданского законодательства Российской Федерации от 07.10.2009 г. В связи с этим в ГК РФ вносятся изменения и дополнения, направленные на улучшение гражданско – правового регулирования общественных отношений, повышение уровня защиты прав и законных интересов участников гражданских правоотношений. Соответствующие изменения внесены ФЗ от 08.03.2015 г. № 42 – ФЗ в главу 23 ГК, регулиующую обеспечение исполнения обязательств.

В новой редакции ст. 329 ГК банковская гарантия заменена на независимую гарантию, закреплен новый способ обеспечения исполнения обязательств в виде обеспечительного платежа. В отличие от прежней редакции п. 3 ст. 329 ГК дополнен указанием на то, что при прекращении основного обязательства должно прекращаться и обеспечивающее его обязательство, если иное не установлено не только законом, но и договором.

Статья 333 ГК об уменьшении неустойки дополнена правилом, в силу которого:

1) при нарушении обязательства лицом, занимающимся предпринимательской деятельностью, суд имеет право снизить размер неустойки только при наличии об этом заявления должника (п. 1 ст. 333 ГК);

2) если неустойка предусмотрена договором и подлежит уплате предпринимателем, ее уменьшение допускается в исключительных случаях при доказанности того, что взыскание неустойки в определенном договором размере может повлечь получение кредитором необоснованной выгоды (п. 2 ст. 333 ГК).

Важные дополнения внесены в нормы ГК РФ о поручительстве:

1) теперь договор поручительства может быть заключен в обеспечение исполнения как денежных, так и неденежных обязательств;

2) поручительство может возникать не только на основании договора, но и в силу закона при наступлении определенных в нем обстоятельств;

3) в договоре поручительства, в котором поручителем выступает предприниматель, возможно указание на то, что поручительство обеспечивает все действующие и (или) будущие обязательства должника перед кредитором в пределах определенной суммы (ст. 361 ГК);

4) если из соглашения между лицами, совместно давшими поручительство, и кредитором не вытекает иное, сопоручители, которые ограничили свою ответственность перед кредитором, должны признаваться обеспечивавшими основное обязательство каждый в своей части. Сопоручитель, исполнивший обязательство, вправе потребовать от других лиц возмещения уплаченного пропорционально их участию в обеспечении основного обязательства (п. 3 ст. 363 ГК).

В ст. 364 ГК уточнены права поручителя, она дополнена новыми правилами, в соответствии с которыми поручитель:

1) имеет право не исполнять свое обязательство при наличии у кредитора возможности получить удовлетворение своего требования путем его зачета против требований должника;

2) не вправе ссылаться на ограниченную ответственность наследников должника по долгам наследодателя;

3) не вправе осуществлять приобретенные им права созалогодержателя или права по иному обеспечению обязательства их во вред кредитору, в также на удовлетворение своего требования к должнику из стоимости заложенного имущества до полного удовлетворения требований кредитора по основному обязательству.

В новой редакции ст. 367 ГК уточнены основания и порядок прекращения поручительства. Важнейшими ее дополнениями является следующие правила:

1) в тех случаях, когда обязательство, обеспеченное поручительством, было изменено без согласия поручителя, что повлекло за собой увеличение ответственности или иные отрицательные последствия для поручителя, такое обязательство в отличие от прежней нормы ст. 367 ГК не прекращается, а поручитель отвечает на прежних условиях;

2) в договоре поручительства может быть предусмотрено заранее данное согласие поручителя при изменении обязательства нести ответственность перед кредитором на измененных условиях и в установленном в таком согласии пределах;

3) поручительство не прекращается в связи со смертью должника, реорганизации юридического лица – должника.

Существенные изменения внесены в нормы ГК, регулирующие независимую гарантию (ст. 368 ГК):

1) ее определение дополнено указанием на то, что гарант обязуется уплатить бенефициару) определенную денежную сумму в соответствии с условиями данного гарантом обязательства независимо от действительности обеспечиваемого такой гарантией обязательства, что вызывает сомнение в целесообразности такого дополнения. Из него можно сделать вывод о возможности обеспечения исполнения независимой гарантией и недействительных обязательств. Не будет ли это противоречить требованиям принципа добросовестности в гражданском праве, закрепленном в п. 3 ст. 1 и п. 3 ст. 307 ГК, в силу которого при установлении, исполнении обязательств стороны должны действовать добросовестно, учитывая права и взаимные интересы, а также ст. 1 Конституции

РФ о том, что РФ есть правовое государство, в котором все должны соблюдать Конституцию РФ и законы.

2) независимые гарантии теперь могут выдавать не только банки, иные кредитные организации, но и другие коммерческие организации.

3) ст. 369 ГК, закреплявшая правила о том, что банковская гарантия обеспечивает надлежащее исполнение принципалом его обязательства перед бенефициаром (основного обязательства), признана утратившей силу, что вызывает сомнение в обоснованности такого решения.

4) в силу п. 1 ст. 370 ГК обязательство гаранта перед бенефициаром теперь не зависит в отношениях между ними не только от основного обязательства, для обеспечения исполнения которого выдана независимая гарантия, но и от каких – либо других обязательств, даже при наличии в гарантии ссылки на них.

5) в отличие от прежнего правила ст. 375 ГК, обязывавшего гаранта рассмотреть требование бенефициара в разумный срок, теперь он должен сделать это в 5 – дневный срок. В гарантии может быть установлен иной срок, но он не может превышать тридцати дней;

6) ГК дополнен статьей 375.1, в силу которой на бенефициара возложена обязанность по возмещению гаранту или принципалу убытков, причиненных вследствие представления им недостоверных документов предъявления необоснованного требования.

В ст. 376 ГК закреплены следующие правила:

1) гарант вправе приостановить платеж на срок до семи дней при наличии предусмотренных в законе оснований;

2) он отвечает перед бенефициаром и принципалом за необоснованное приостановление платежа;

3) после истечения срока приостановления платежа и отсутствия оснований для отказа в нем гарант обязан произвести платеж по гарантии.

В соответствии со ст. 379 ГК в отличие от прежней редакции гарант имеет право потребовать от принципала возмещения денежных сумм, которые выплачены по независимой гарантии, если иное не установлено в соглашении о гарантии.

Новое правило предусмотрено в п. 4 ст. 380 ГК, согласно которому по соглашению сторон задатком может быть обеспечено исполнение обязательства по заключению основного договора на

условиях, закрепленных предварительным договором, если иное не установлено законом.

Глава 23 ГК дополнена таким новым способом обеспечения исполнения обязательств, как обеспечительный платеж (ст. 381.1 ГК). В соответствии с п. 1 названной статьи денежное обязательство, в том числе по возмещению убытков или уплате неустойки за нарушение договора, а также обязательство, возникшее по основаниям, установленным пунктом 2 статьи 1062 ГК, по соглашению сторон могут быть обеспечены путем внесения одной из сторон в пользу другой стороны определенной денежной суммы (обеспечительный платеж). Этим платежом может обеспечиваться также и будущее обязательство.

Сумма такого платежа при наступлении обстоятельств, определенных договором, засчитывается в счет исполнения соответствующего обязательства.

Положительное значение данного способа обеспечения обязательств в отличие от других способов состоит в том, что предоставляет кредитору возможность возместить убытки, получить неустойку при наступлении предусмотренных договором обстоятельств без суда.

При ненаступлении указанных обстоятельств в предусмотренный договором срок или прекращения обеспеченного обязательства обеспечительный платеж должен быть возвращен, если соглашением сторон не предусмотрено иное.

По договору между сторонами может быть установлена обязанность соответствующей стороны дополнительно внести или частично возратить обеспечительный платеж при наступлении определенных обстоятельств. Если договором не предусмотрено иное, на сумму такого платежа не начисляются проценты, установленные статьей 317.1 ГК.

Изложенные правила должны применяться также в случаях, когда в счет обеспечения обязательства вносятся акции, облигации, иные ценные бумаги или родовые вещи, которые подлежат передаче по обеспечиваемому обязательству (ст. 381.2 ГК).

Представляется, что для достижения целей, намеченных законодателем при внесении приведенных изменений в ГК РФ, необходимо обеспечить единообразное их толкование и правильное применение¹, а также совершенствование некоторых из них.

¹ Камышанский В. П. Некоторые проблемы интеграции юридической науки и законотворческого процесса // Власть закона. – 2012. – № 2. – С. 10.

Л. А. Чеговадзе

профессор, доктор юридических наук, профессор юридического факультета им. М. М. Сперанского ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»,
Исполнительный директор АНО «НОЦ ЦЕЗИУС»,
chegov@mail.ru

ДОГОВОР КАК ОСНОВА ГРАЖДАНСКО – ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Автор обосновывает необходимость разделения гражданско – правового регулирования на виды и характеризует договор как основу одного из видов гражданско–правового регулирования – договорного.

Ключевые слова: Предмет гражданско–правового регулирования, действия, правовые формы, договор, договорное регулирование, обязательство, сделка, соглашение.

The Author substantiates the necessity of the separation of civil law regulation on the types and characterizes the contract as the basis of one of the types of civil law regulation and contract.

Keywords: Object of civil law regulation, operation, legal forms, contract, contract management, obligation, transaction, agreement.

1. Предмет гражданско-правового регулирования составляют действия. Именно действия субъектов пригодны к нормативному упорядочению и правовой квалификации. Лица совершают их по отношению друг к другу и/или в отношении социальных благ, чаще всего имущества. Гражданское право либо разрешает названные действия (заключение договора, составление завещания, выдача доверенности) либо санкционирует их совершение (посягательство на собственность или на честь и достоинство личности, неосновательное присвоение или удержание чужого, завладение имуществом посредством обмана или введения в заблуждение).

То, что выступает предметом гражданско – правового воздействия, должно получить правовую форму выражения. Поэтому

гражданско – правовое регулирование основано на нормативном закреплении признаков действий. А для удостоверения юридического эффекта содеянного гражданское право определяет действиям лиц специальные формы, обеспечивающие их отраслевую квалификацию. Правомерными объявляются действия, формальные признаки которых совпадают с нормативно заданными¹. При несовпадении, в зависимости от характера и степени отличий, юридический эффект содеянного либо уничтожается либо квалифицируется иначе. Особенно отчетливо это можно проследить на примере признания действий сделкой/недействительной сделкой: если спорные действия признаны сделкой, их юридический эффект сохраняется, а в случае признания недействительной сделкой – сам по себе их юридический эффект не отрицается, но квалифицируется иначе.

Гражданско – правовые формы действий не так уж многочисленны: с позиций оценки правовых последствий можно выделить действия в форме приобретения, осуществления и защиты гражданских прав. А по критерию различий в социально – правовом характере содеянного — это действия в форме сделок, в форме заключения, изменения и расторжения соглашений, действия по владению, пользованию и распоряжению своей и чужой собственностью (социальными благами иной (невещественной) природы), действия в форме принятия решений и предъявления требований. Вряд ли можно сомневаться в наличии принципиальных различий между названными действиями, например между теми, которые необходимо совершить для завладения собственностью, и действиями по владению и пользованию той же собственностью. Существенные различия действий подлежат учету при их гражданско – правовом упорядочении.

2. Предметом приложения усилий со стороны действующих субъектов могут быть (1) социальные блага (вещи, требования, результаты интеллектуальной деятельности), (2) отдельные персоны (образовательные, косметологические, парикмахерские, медицинские услуги) или (3) их интересы (услуги связи, банковские услуги). Действовать в отношении обособленных и присвоенных социальных благ с пользой для себя разрешено по своему усмотрению. О

¹ Слово «правомерный» складывается из двух слов – «право» и «мера» и к числу правомерных действий гражданское право относит те, мера которым есть норма права, то есть те, которые, будучи сопоставлены с правом, окажутся нормой.

взаимовыгодных действиях с пользой для другой стороны надо договориться, достичь соглашения об условиях взаимодействия. Действовать в отношении других индивидов можно также только по соглашению с ними. Сущностная природа названных действий принципиально отличается и точно также отличаются их гражданско – правовые характеристики. Тем самым выделяются признаки, которые учитываются в ходе регулирования предметных действий субъектов по удовлетворению их частных интересов.

Гражданское право предназначено для упорядочения двух видов действий правомерного характера: (1) действий по формированию правовых оснований последующей деятельности (например, по заключению договора или составлению завещания) и (2) действий на сформированном правовом основании (например, по исполнению обязательств или принятию наследства). Различия в действиях каждого вида обуславливают неоднородность предмета гражданско – правового регулирования, что приводит к выработке особых приемов и способов правового воздействия. Не секрет, что серьезно отличаются приемы и способы гражданско – правового упорядочения действий (и вызываемых ими последствий) по принятию решений общим собранием и действий по заключению договоров, действий по завладению собственностью по договору и в силу приобретательской давности, действий, порождающих договорные и внедоговорные обязательства и т.д.. Гражданско – правовое регулирование охватывает весь объем названных действий, но различается. В совокупности названные отличия дают основание разделить гражданско – правовое регулирование на виды.

В целом гражданско – правовое регулирование основывается на принципиальном положении, что лица вправе действовать своей волей и в своем интересе, но не вправе нарушать при этом интересы других юридически равных с ними лиц. То есть лица вынуждаются считаться не только со своими, но и с чужими интересами. Договор выступает как «соглашение, закрепляющее достигнутый баланс интересов его участников»¹. И посему наиболее всего подходит для учета обоюдных интересов действующих по соглашению лиц, составляя основу одного из видов гражданско – правового регулирования — договорного. В этом качестве — в качестве основы договорного регулирования — договор обладает особыми свойствами.

¹ Пугинский Б. И. Теория и практика договорного регулирования. – М.: Зерцало – М, 2008. – С. 26.

3. В первую очередь договор – это гражданско – правовая форма соглашения о действиях. Регулируемые договором действия подразделяются на признаваемые сделками и на не относящиеся к сделкам. Так, действия, направленные с одной стороны на отчуждение вещи, а с другой — на ее приобретение в собственность, являются сделкой и совершаются по соглашению о купле – продаже вещи. Договоры о порядке пользования общей собственностью, брачные договоры, соглашения о разделе наследства, о совместной деятельности и т. п. – это соглашения о действиях другой (несделочной) природы, их невозможно признать соглашением о сделке. Такие договоры не порождают обязательств, здесь нет должника и кредитора, поэтому применение в этих случаях норм о сделках, обязательствах, исковой давности весьма проблематично и зачастую приводит к судебным ошибкам.

Поэтому надо признать, что со стороны порождаемых ими последствий договоры обладают различной правовой природой. Есть договоры, которые содержат соглашения о действиях, имеющих юридическую силу обязательств, они предназначены для упорядочения обязательственной связи сторон и обеспечения ее плодотворной динамики. Другие договоры такой эффект достижением соглашения не производят¹ – они заключаются для решения какой – либо общей задачи, не порождая отношений, которые обязывали бы к совершению встречных сонаправленных и взаимообусловленных действий. Тем самым договорное регулирование также неоднородно: имея в основе своей соглашение о действиях, оно различается по правовым основаниям и способам их упорядочения.

Регулируемые договорами действия могут обладать различной гражданско – правовой природой даже в пределах одного соглашения. Например, разнится природа действий подрядчика по выполнению работ и действий по передаче результата работ в собственность заказчика. Действия по выполнению работ (или по выполнению выданного заказчиком задания) – это более или менее длительный процесс деятельности по достижению социального результата, а действия по передаче достигнутого результата обладают правопорождающим (сделочным) эффектом. Недостаточность договорного регулирования названных действий приводит к многочисленным судебным спорам, основанным на актах сдачи –

¹ Аникин А. С. О договорном регулировании отношений без установлении обязательств. ДНК Права, – 2014. – № 1. – С. 15 – 19.

приемки, подписанных только подрядчиком. Или когда, например, заказчик не выплачивает подрядчику миллионное вознаграждение, ссылаясь на мелкие недочеты, которые никоим образом не препятствуют в пользовании объектом и являются легко устранимыми. Нередки в судебной практике споры, когда основанием для предъявления неустойки за просрочку сдачи работ становится недолжное поведение самого заказчика по организации приемки. Поэтому юристам договорной практики следует учитывать правовую разнохарактерность регулируемых договорами действий.

4. Договор обладает также качествами источника гражданско – правового регулирования. Договор определяет, что конкретно должно быть сделано и какие юридические требования предъявляются сторонами к совершению действий¹. В этом смысле он представляет собой нормативно – волевое образование и складывается из норм объективного права и норм – правил поведения субъективного характера. Нормы объективного права составляют нормативную основу договорного регулирования, они либо императивны либо использованы сторонами в редакции закона. Нормы – правила представляют собой элементы соглашения частных лиц по отдельным вопросам их договорной деятельности. Это индивидуальные правовые предписания, но наравне с законом они порождают права и обязанности сторон договора, служат их регулятором, а в случае судебного спора должны быть упомянуты в решении, если были использованы для обоснования доводов сторон. Нормы – правила производны от закона и принципиально не могут расходиться с его смыслом. Поэтому в качестве источника регулирования договор — это форма реализации общегражданских правовых норм, норм договорного права и норм обязательственного права.

При этом «права и обязанности сторон договора возникают не на основании закона непосредственно, а на условиях индивидуальных предписаний, содержащихся в договоре»². Эти условия в совокупности определяют нормативно – волевою модель поведения заключивших договор индивидов, а отдельно взятое условие договора есть не что иное как «единица» соглашения, содержащая частное правило поведения. Условия соглашения определяют меру

¹ Гражданское право: Учебник. В 2 т. Т. 2/ Под ред. Е.А. Суханова. – М.: «БЕК». – 1993. – С. 42.

² Чеговадзе Л. А., Демин А. А. Договор и договорное регулирование монография. Нижний Новгород: НОЦ «ЦЕЗИУС», – 2014. – С. 79. – 206 с.

свободы лиц в качестве сторон договора, поэтому надо признать, что, вступив в договор, граждане и юридические лица приобретают и осуществляют гражданские права уже не по собственному усмотрению, а в соответствии с условиями достигнутого соглашения. Поэтому договор следует определять как *соглашение, содержащее индивидуально – правовые предписания об условиях установления, изменения и/или прекращения гражданских прав и обязанностей*. Такое понимание договора позволит отличать его от двусторонней сделки, представляющей собой *действие, направленное на возникновение, изменение и/или прекращение гражданских прав и обязанностей на условиях достигнутого соглашения*.

5. Предметом договоров, то есть тем, по поводу чего субъекты договариваются, являются социальные блага, в которых они испытывают потребность. Эти социальные блага допущены в гражданский оборот по правилам ст. 128, 129 ГК РФ и в ходе заключения и исполнения соглашений становятся объектами правомочий абсолютного характера. В этом смысле договорное отношение служит средством приобретения гражданских прав — права собственности, права аренды, исключительных прав и т.д.. Именно с этой целью лица вступают в договор и нуждаются в регулировании своих действий и действий контрагента. При заключении договора стороны договариваются о видах действий, о сроках, месте, субъектах, о способах их совершения. Затем чтоб впоследствии действовать по соглашению, обусловившему их обязательства друг перед другом. Согласованные таким образом действия являются предметом договорного регулирования.

Предметом договорного регулирования являются действия сторон соглашения по реализации возникающих из него прав и исполнению порождаемых им обязанностей. Договорное регулирование осуществимо только по отношению к правам неабсолютной природы, а подпадающие под договорное регулирование действия являются средствами механизма приобретения абсолютных прав. Даже в договорах об оказании возмездных услуг исключения касаются лишь одной из сторон — вторая сторона получает вознаграждение и становится собственником денежных средств.

6. Итак, гражданско-правовая категория «договор» имеет самостоятельное значение в регулировании действий сторон: он обязывает стороны действовать на согласованных условиях, а не по собственному усмотрению как при совершении односторонних действий. Когда договор порождает обязательство, действия по его исполнению, совершаемые на условиях соглашения, признаются

сделками. И основная функция договора в этом случае — юридически обеспечить квалификацию действия сделкой. Во всех иных ситуациях, то есть когда обязательство из договора не возникает, договор просто выполняет регулятивную функцию и упорядочивает социальное взаимодействие лиц с учетом их обоюдных интересов. Различение названных функций договора является важнейшей задачей практики договорного регулирования.

М. А. Костенко

кандидат юридических наук,
доцент, заведующая кафедрой
гражданского и корпоративного права
ФГАОУ ВО Южного федерального университета
г. Таганрог,
makostenko@sfedu.ru

РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ОТ КОНЦЕПЦИИ К ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

THE ROLE OF LEGAL TECHNIQUE IN THE IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION OF COLLISION: FROM CONCEPT TO THE LEGISLATIVE PRACTICE

В статье анализируются положения Концепции совершенствования Раздела VI Гражданского кодекса «Международное частное право» с теми правовыми преобразованиями, которые в итоге были реализованы путем принятия Федерального закона от 30.09.2013 № 260 – ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации».

Особое внимание уделено анализу новелл Раздела VI с техникой – юридической точки зрения, который позволяет оценить не только масштабность преобразований, но и характер внесенных изменений.

Ключевые слова: Модернизация; концепция совершенствования; Раздел VI Гражданского кодекса; правовые преобразования; юридическая техника.

The article analyzes the provisions of the Concept of perfection of Section VI of the Civil Code «Private International Law» and those legal reforms that were ultimately realized by the adoption of the Federal Law of 30.09.2013 № 260 – FZ «On Amendments to the third part of the Civil Code of the Russian Federation».

Particular attention is paid to the analysis of Section VI of short stories with the technical and legal point of view, which allows you to evaluate not only the magnitude of the change, but the nature of the changes.

Keywords: Modernization; the concept of perfection; Section VI of the Civil Code; the legal transformation; legal technique.

Модернизация правовой системы – это процесс перехода на новый качественный уровень развития путем усовершенствования законодательного массива и повышения эффективности правоприменительной практики. Модернизация правовой системы России должна осуществляться на научной основе, основной задачей которой является упорядочивание хаотичности и неуправляемости современной социальной реальности, а задача законодательства сводится к реализации приоритетов развития России¹. При этом развитие гражданского законодательства основывается зачастую на концепциях, которые содержат результат изучения имеющихся позиций с учетом правоприменительной практики, российской и зарубежной научной литературы, опросов практиков, на которых базируются концептуальные подходы. «Концепции» в целом задают высокий стандарт законодательства, позволяющий определить прогнозируемые уровень и качество законопроектной работы в соответствии с современными потребностями социально – экономического развития страны, способствуют тому, чтобы законодательство содействовало проведению государственных реформ»². Концепция совершенствования Раздела VI Гражданского кодекса «Международное частное право»³, рекомендованная Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, является положительным примером предварительной проработки направлений развития гражданского законодательства. Однако высокий уровень и качество законопроектирования – это презюмируемый результат работы, а не данность обеспеченная исключительно наличием концепций.

¹ См.: Современная социальная реальность России и государственное управление. Социальная и социально – политическая ситуация в России в 2012 году Том 1. / Под ред. Г. В. Осипова, С. Г. Кареповой. – М.: ИСПИ РАН, 2014. С. 10 – 11.

² Хабриева Т. Я., Тихомиров Ю. А. Предисловие // Концепции развития законодательства / Под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. – М.: Эксмо, 2010. – С. 13.

³ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. – № 11. Ноябрь, – 2009.

Современный этап развития гражданского законодательства позволяет делать некоторые оценки его состояния с точки зрения того, что удалось реализовать на основе концептуальных позиций¹, к каким именно качественным изменениям законодательства привела модернизация законодательства² и наметить возможные вариации дальнейшего правового развития³. Движение вперед всегда требует проведения периодической оценки состояния, в котором находимся, чтобы наметить пути дальнейшего движения к ожидаемому результату. Так и в процессе модернизации законодательства следует периодически анализировать достигнутый результат, определять правовой потенциал развития, сопоставлять его с общественными потребностями и запросами.

Одной из основных задач Концепции совершенствования Раздела VI Гражданского кодекса «Международное частное право» (далее – Концепция) было совершенствование положений с точки зрения юридической техники в целях обеспечения их правильного применения судами. Причинами, подтолкнувшими к необходимости совершенствования правовых норм Раздела VI ГК РФ, выступают: обеспечение стабильности гражданского оборота и принципа равенства сторон, неоднозначное толкование предписаний, необоснованное применение отдельных положений, неопределенность правового регулирования и непредсказуемость результата регулирования, пробелы в правовом регулировании.

Модернизация Раздела VI ГК РФ была реализована путем принятия Федерального закона от 30.09.2013 № 260 – ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации»⁴, положения которого внесли существенные преобразования в гражданско-правовые отношения с иностранным элементом. С технико-юридической точки зрения раздел VI ГК РФ «Международное частное право» претерпел определенные преобра-

¹ Лескова Ю. Г. К вопросу о модернизации правил ГК РФ о юридических лицах // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – № 102. – С. 144-155.

² Камышанский В. П., Зелюка П. А., Иванов С. А. Суперфиций и эмфитевзис в гражданском праве: история и современность // Общество и право. – 2011. – № 3. – С. 105-109.

³ Камышанский В. П. Конституционные ограничения права собственности // Юрист. – 2004. – № 5. – С. 5

⁴ Федеральный закон от 30.09.2013 N 260 – ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 07.10.2013. № 40 (часть III). Ст. 5030.

зования, исследование которых позволяет оценить глубину и характер переработки правового материала. Результатом модернизации Раздела VI ГК РФ явились следующие преобразования технико-юридического характера:

1. Изменения заголовков были проведены в следующих статьях:

– статья 1192 ГК РФ заголовок «Применение императивных норм» был заменен на «Нормы непосредственного применения» в целях терминологического уточнения;

– статья 1205 ГК РФ заголовок «Общие положения о праве, подлежащем применению к вещным правам» заменен на «Право, подлежащее применению к вещным правам» в связи с существенным изменением содержания статьи;

– статья 1214 ГК РФ заголовок «Право, подлежащее применению к договору о создании юридического лица с иностранным участием» заменен на «Право, подлежащее применению к договору о создании юридического лица и к договору, связанному с осуществлением прав участника юридического лица» по причине расширения сферы применения указанной статьи.

2. Новая редакция была представлена в статьях 1205 – 1207 ГК РФ, 1209 ГК РФ, 1211 ГК РФ, 1214 – 1215 ГК РФ, 1221 – 1222 ГК РФ. Подобная форма преобразований применяется в случаях внесения существенных изменений в структурную единицу или неоднократных изменениях данной структурной единицы. Таким образом, девять статей Раздела VI ГК РФ претерпели существенные изменения, что потребовало подготовку новой редакции указанных выше статей.

3. Новые дополнительные статьи были внесены в целях расширения сферы регулирования по ряду отношений, восполнения пробелов в правовом регулировании и при этом была сохранена прежняя нумерация. В частности, к таким статьям относятся:

– статья 1205.1 «Сфера действия права, подлежащего применению к вещным правам»;

– статья 1216.1 «Право, подлежащее применению к переходу прав кредитора к другому лицу на основании закона»;

– статья 1217.1 «Право, подлежащее применению к отношениям представительства»;

– статья 1217.2 «Право, подлежащее применению к прекращению обязательства зачетом»;

– статья 1220.1 «Право, подлежащее применению к установлению допустимости требования о возмещении вреда страховщиком»;

– статья 1222.1 «Право, подлежащее применению к обязательствам, возникающим вследствие недобросовестного ведения переговоров о заключении договора»;

– статья 1223.1 «Выбор права сторонами обязательства, возникающего вследствие причинения вреда или вследствие неосновательного обогащения».

4. Дополнены новыми пунктами (подпунктами) следующие структурные элементы:

– пунктом 4 статья 1202 ГК РФ, пунктом 6 статья 1210 ГК РФ, пунктами 4 и 5 статья 1212 ГК РФ, пунктом 4 статья 1219 ГК РФ, пунктом 3 статья 1223 ГК РФ;

– пункт 2 статьи 1202 ГК РФ дополнен подпунктом 9.

5. Новые редакции пунктов статьей осуществлены в:

– пункте 5 статьи 2010 ГК РФ;

– пункте 1 статьи 1212 ГК РФ;

– пунктах 2 и 3 статьи 1219 ГК РФ.

6. Структурные единицы текста были дополнены словами:

– пункт 1 статьи 1192 ГК РФ;

– часть первую статьи 1193 ГК РФ;

– пункт 3 статьи 2010 ГК РФ;

– пункт 1 статьи 1213 ГК РФ;

– часть первую статьи 1217 ГК РФ.

7. Замена слов в правовых предписаниях осуществлена в следующих структурных единицах:

– в абзаце третьем пункта 2 статьи 1191 ГК РФ;

– пункт 2 статьи 1192 ГК РФ;

– пункт 1 и 2 статьи 1216 ГК РФ.

8. Исключены языковые единицы правовых норм:

– слова в пункте 2 статьи 1190 ГК РФ;

– в пункте 1 статьи 2010 ГК РФ второе предложение.

9. Признаны утратившими силу часть вторая статьи 1217 ГК РФ и абзац второй пункта 1 статьи 1223 ГК РФ.

Значительный научный интерес представляет оценка степени реализации предложений по совершенствованию Раздела VI ГК РФ содержащихся в соответствующей Концепции. Это особенно важно для развития законопроектной деятельности на основе до-

кументов стратегического планирования в целях определения соотношения между прогнозируемыми и реализованными правовыми преобразованиями. Для более глубокого анализа рассмотрим проведенные преобразования с позиции их содержательного компонента и оценки достигнутых результатов.

1. В целях терминологического уточнения предлагалось в ст. 1192 ГК РФ внести изменение в ее заголовок, поскольку регулирование должно затрагивать не любые императивные нормы, а их особые категории. В этой связи заголовок статьи «Применение императивных норм» был заменен на «Нормы непосредственного применения». Помимо этого п. 1 указанной статьи был дополнен словами «(нормы непосредственного применения)», а в п. 2 слова «должны регулировать соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права» были заменены словами «являются нормами непосредственного применения». Однако в Концепции предлагалось использовать термин «сверхимперативные нормы», распространенный в доктрине права и судебно – арбитражной практике. Это предложение реализовано не было в предложенном терминологическом варианте.

2. Уточнение положений ст. 1993 ГК РФ связано с необходимостью «устранения практики неоправданного обращения к этой защитной оговорке» и установления принципов, на которых базируется российский публичный порядок¹. Помимо этого Концепция предусматривала уточнение публичного порядка по смыслу международного частного права, поскольку публичный порядок в различных отношениях имеет свою специфику. В итоге часть 1 ст. 1193 ГК РФ была дополнена словами «с учетом характера отношений, осложненных иностранным элементом» после слов «Российской Федерации». Основные трудности данной статьи, как представляется, связаны с тем, что понятие «публичный порядок» не раскрыто в законодательстве. При этом в судебной практике имеются примеры попыток сформировать некоторые позиции в отношении данной категории, в частности, под публичным порядком понимаются основы правопорядка Российской Федерации, которые, прежде всего, включают в себя основополагающие принципы российского права, такие как принцип независимости

¹Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. – № 11. Ноябрь, – 2009.

и беспристрастности суда, принцип законности решения. Дальнейшее развитие регулирования необходимо направить на то, чтобы очертить содержание понятия «публичный порядок» в контексте гражданско – правовых отношений с иностранным элементом, определить принципы российского публичного порядка. На наш взгляд внесенные изменения в ст. 1193 ГК РФ в полном объеме не решили проблемные аспекты, а предложенные в Концепции преобразования не завершены.

3. Дополнение нормы о праве применимом к вещным правам, содержащей перечень вопросов, которые подпадают под сферу регулирования указанного права. В результате Раздел VI был дополнен ст. 1205.1, закрепившей перечень подобных вопросов. Следовательно, данное концептуальное предложение было решено полностью.

4. Новая редакция ст. 1209 ГК РФ призвана стабилизировать гражданский оборот в отношении формы внешнеэкономической деятельности за счет расширения альтернативного применения коллизионной привязки – право страны, регулирующей существо обязательства. Также в Концепции предлагалось отказаться от установления особых последствий при несоблюдении простой письменной формы в отношении внешнеэкономических сделок, создающей неравное положение в сравнении с обычными сделками. В п. 1 ст. 1209 ГК РФ были внесены соответствующие изменения по установлению дополнительной альтернативной коллизионной привязки и закреплен отказ от особых условий несоблюдения простой письменной формы, в результате чего потребовалось изложить ст. 1209 ГК РФ в новой редакции.

5. Редактирование п. 1 ст. 1210 ГК РФ вызвано возможностью распространения выбора применимого права сторонами договора к возникновению и прекращению вещных прав на движимое имущество, что на практике приводит к неоднозначному его толкованию. Более того, разные подходы имелись и в отношении оснований применения ст. 1211 ГК РФ в случае отсутствия соглашения сторон. Следует признать, что путаница с отнесением к вещному или договорному статусу на практике порождает достаточно серьезные проблемы. Нужно отдать должное законодателям, которые сняли эти проблемы с повестки дня, исключив второе предложение п.1 ст. 1210 ГК РФ и дополнив ст. 1206 ГК РФ пунктом 3, тем самым, сняв имевшиеся расхождения.

6. Новая редакция ст. 1211 ГК РФ связана необходимостью обеспечить определенность правового регулирования и предсказуемость этого регулирования. Для этого в Концепции предлагалось внести изменения в п. 2 ст. 1211 ГК РФ путем уточнения коллизионной привязки, а также установления оснований отказа от применения общей коллизионной привязки, исключительно в ситуации, когда договор явным образом наиболее тесно связан с правом другой страны. Помимо этого предлагалось дополнить правовое регулирование, направленное на выбор подлежащего применению права к отдельным видам договорных обязательств ранее не урегулированных соответствующей статьей. В частности, в отношении договора возмездного оказания услуг и договора об отчуждении исключительного права. Все предложенные изменения были реализованы, что привело к новой редакции указанной статьи.

7. Новая статья введена в целях реализации предложений, сформулированных в Концепции, по поводу внесудебного зачета встречных требований. Эта новелла содержится в ст. 1217.2 ГК РФ.

8. Значительные изменения затронули нормы, касающиеся внедоговорных обязательств. Так, в Концепции предлагалось в ст. 1219 ГК РФ снять приоритет применения общего гражданства сторон деликтного обязательства, а также в случае наличия договорных отношений между потерпевшим и причинителем и вред причинен в связи с договором, то целесообразно такое отношение регулировать правом, применяемым к этому договору. Помимо этого обосновывалась целесообразность включения предложений по выбору права к обязательствам вследствие причинения вреда на основе соглашения, заключенного до момента совершения действия или наступления иного обстоятельства, послужившего основанием для требования о возмещении вреда. Указанные выше предложения были реализованы в ст. 1219 ГК РФ и ст. 1223.1 ГК РФ. Однако существенного расширения применения принципа автономии воли в отношении деликтных обязательств, обозначенного в Концепции, не случилось. Также ст. 1222 ГК РФ была дополнена коллизионной нормой по обязательствам, возникающим вследствие ограничения конкуренции и включение ст. 1222.1 ГК РФ, посвященной обязательствам, возникающим вследствие недобросовестного ведения переговоров о заключении договора.

Модернизация Раздела VI «Международное частное право», как видно из анализа, затронула значительное количество статей

Раздела VI ГК РФ. Основной причиной внесения изменений в указанный Раздел явилась необходимость установить новое правовое регулирование в контексте действующего ГК РФ. Основу модернизации соответствующего законодательного массива составили изменения в форме детализации и дополнения правовых предписаний, среди которых особенно следует выделить: замены и исключения слов и предложений; новые редакции структурных единиц; дополнения структурных единицы статей новыми словами или предложениями; дополнения структурных единиц текста новыми структурными единицами. Совершенствование коллизионного регулирования при помощи ресурсов юридической техники позволяет усилить их регулятивный и охранительный потенциал, наметить важные шаги дальнейшего развития коллизионного права России.

М. В. Карпычев

кандидат юридических наук,
доцент, зам. начальника ка-
федры гражданского права и
процесса ФГКОУ ВО Нижего-
родской академии МВД России
jurius – nn@yandex.ru

**ТЕХНИКО – ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕФОР-
МИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДА-
ТЕЛЬСТВА**

**LEGAL TECHNIQUE'S ASPECT OF REFORMING
OF THE CIVIL LEGISLATION**

В статье рассматриваются некоторые проблемы, возникающие в связи с внесением изменений в ГК РФ. Проводится анализ ряда внутриотраслевых и межотраслевых коллизий, иных недостатков юридической техники.

Ключевые слова: юридическая техника; представительство; эскроу (условное депонирование); обычай; государственная регистрация; юридическое лицо; договор.

In article some problems arising in connection with modification of the Civil code of the Russian Federation are considered. The analysis of some intra – branch and inter – branch collisions, other shortcomings of legal technique is carried out.

Keywords: legal equipment; representation; escrow; customs; state registration; legal entity; contract.

Введение в действие с 1 января 2008 года части четвертой ГК РФ завершило формальную кодификацию гражданского законодательства Российской Федерации. Однако практически сразу же в рамках Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте РФ была развернута работа по дальнейшему комплексному развитию гражданского законодательства – разработке Концепции развития гражданского законодательства РФ и проектов федеральных законов о внесении изменений в ГК.

В качестве одной из основных целей такой деятельности было определено обеспечение стабильности гражданского законодательства Российской Федерации¹. Рабочими группами при Совете по кодификации была проделана огромная работа, вылившаяся в проект Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации», внесенный Президентом РФ в Государственную Думу 2 апреля 2012 г. (зарегистрирован за номером 47538 – 6)². Данный законопроект без каких – либо проблем был принят в первом чтении, а затем «забуксовал» из – за огромного количества поступивших к нему поправок. В связи с чем было принято решение о поэтапной реализации данного законопроекта, дроблении его на блоки и принятии по частям (всего 10). Данное решение представляется весьма спорным. С одной стороны, наблюдается определенный прогресс в изменении гражданского законодательства, а с другой – происходит «выхолащивание» законопроекта как комплексного нормативного правового акта, усиленное параллельным «точечным» законотворчеством, осуществляемым вне рамок общей концептуальной направленности, а также отдельными поправками, вносимыми депутатами ко второму и третьему чтению законопроекта.

При таких условиях проводимая реформа гражданского законодательства приобретает несистемный характер и приводит к большому количеству технико – юридических ошибок. В качестве примера можно привести внесение изменений в ст. 5 ГК РФ, вступивших в силу с 1 марта 2013 г., когда в наименовании и в содержательной части статьи понятие «обычай делового оборота» было заменено понятием «обычай»³. При этом до 1 июня 2015 г., то есть

¹ Указ Президента РФ от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации».

² Проект Федерального закона № 47538 – 6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // <http://asozd2.duma.gov.ru>.

³ Федеральный закон от 30.12.2012 № 302 – ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

до вступления в силу изменений в общие положения об обязательствах и договоре¹, в порядке 20 статей части первой ГК РФ сохранился прежний термин «обычай делового оборота», а в ст. 459, 474, 478 и еще около двух десятках статей части второй ГК РФ он по – прежнему используется. Соответственно в теории и в правоприменительной практике возникает вполне резонный вопрос о соотношении понятий «обычай» и «обычай делового оборота»², а также чего же хотел законодатель, используя оба термина в ГК РФ.

Аналогичная ситуация имеет место и с использованием в ГК РФ для исчисления денежных сумм условного коэффициента «минимальный размер оплаты труда», который изначально ничего общего не имел с критерием оплаты, поскольку для целей исчисления по гражданско – правовым обязательствам приравнивался к 100 рублям³, и который давно не отвечает объективным экономическим реалиям. Однако законодатель, внося изменения в ст. 161 ГК РФ – указав вместо 10 МРОТ твердую денежную сумму 10000 рублей, сохранил ее в ряде других статей ГК РФ (п. 2 ст. 226, п. 1 ст. 808, п. 3 ст. 809, п. 1 ст. 887, п. 2 ст. 899 ГК РФ).

Большой общественный резонанс в около юридической среде получило внесение изменений в правила о государственной регистрации, когда была сделана попытка максимально уйти от регистрации сделок, перейдя к регистрации прав. Федеральный закон от 30 декабря 2012 года № 302 – ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», вводя с 1 марта 2013 года в действие новую статью 8.1 «государственная регистрация прав на имущество», одновременно с этим исключил требование о регистрации ряда сделок, в том числе аренды недвижимости, включая аренду зданий, сооружений и предприятий (ст. 609, 651, 658 ГК РФ). Фактически признав недостаточно обдуманым и разумным такой нововведение, законодатель всего через 3 дня после введения в действие данной новеллы вынужден был произвести «отыграть назад» (Федеральный закон от 04 марта 2013 года № 21 – ФЗ «О внесении изменений в

¹ Федеральный закон от 08.03.2015 № 42 – ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации».

² См.: Ананьева К. Я., Ананьев А. Г. Обычай и его значение как источника гражданского права // Юрист. – 2015. – № 15. – С. 35 – 39.

³ Федеральный закон от 19 июня 2000 года № 82 – ФЗ «О минимальном размере оплаты труда».

отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»).

Однако если с государственной регистрацией арендных сделок ситуация была нормализована, то с регистрацией лицензионных и иных договоров в отношении исключительных прав имеется ряд технико – юридических проблем. В статью 1232 ГК РФ и корреспондирующие ей ст. 1369, 1460, 1490 были внесены соответствующие корректировки, призванные перейти от регистрации сделок к регистрации прав, но при этом не были скорректированы нормы подзаконных нормативных правовых актов в данной сфере, в первую очередь Постановление Правительства РФ от 24 декабря 2008 года № 1020 «О государственной регистрации договоров о распоряжении исключительным правом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, зарегистрированные топологию интегральной микросхемы, программу для ЭВМ, базу данных и перехода без договора исключительного права на изобретение, полезную модель, промышленный образец, товарный знак, знак обслуживания, наименование места происхождения товара, зарегистрированные топологию интегральной микросхемы, программу для ЭВМ, базу данных».

Еще одной из проблем является включение в кодекс бланкетных норм, которым не корреспондируют никакие другие нормы ГК РФ и других федеральных законов.

Так в перечень организационно – правовых форм корпоративных организаций включены крестьянские (фермерские) хозяйства, публично – правовые компании. И если первые имеют хоть какую – то регламентацию – ст. 86.1 ГК РФ, то вторые вообще никак не определены ни в ГК РФ, ни в других законах¹.

Как отмечает Е. А. Суханов, являющийся руководителем группы по реформированию законодательства о юридических лицах: «Объявление большинства этих организаций самостоятельным видом юридических лиц не вызывалось какой – либо настоятельной практической (экономической или политической) необходимостью. Так, крестьянские (фермерские) хозяйства как таковые в принципе не нуждаются в самостоятельной юридической личности (при необходимости их участники могут объединяться в обычные товарищества, кооперативы или в общества с ограниченной

¹ Диденко А. А. Публичная компания как организационно-правовая форма юридического лица // Власть Закона. – 2014. – № 2 (18). – С. 68-74.

ответственностью). Из этого исходил и первоначальный вариант новой редакции гл. 4 ГК РФ. Однако впоследствии под лоббистским давлением они были признаны особым видом юридических лиц – коммерческих корпораций (по сути – разновидностью хозяйственных товариществ) Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302 – ФЗ, включившим в ГК РФ новую ст. 86.1.»¹.

Следует отметить, что за три прошедших года в базовый федеральный закон, регулирующий деятельность крестьянских (фермерских) хозяйств², соответствующие изменения так и не были внесены.

Схожая ситуация имела место и в части статуса акционерных обществ – изменения в нормы ГК РФ об акционерных обществах вступили в силу с 1 сентября 2014 г.³, а изменения в закон об акционерных обществах были приняты лишь через полгода⁴.

Также следует отметить явные дефекты правотворческой техники, когда принимаемое положение закона явно противоречит сложившейся правоприменительной практике и доктринальному подходу.

Особо показательным в связи с этим является изменение ст. 53 ГК РФ в части определения статуса юридического лица как представителя. Данная «новелла» вызвала полнейший разброд мнений. В том числе недоумение со стороны собственно разработчиков законопроекта, так как редакция, принятая в качестве закона, кардинально отличалась от изначально предложенной. В частности, Е. А. Суханов отметил, что «в литературе справедливо обращают внимание на неудачную формулировку п. 1 ст. 53 ГК»⁵, а А.

¹ Суханов Е. А. Комментарий к ст. 65.1 – 65.3 ГК РФ // Вестник гражданского права. – 2014. – № 3. – С. 107 – 130.

² Федеральный закон от 11.06.2003 № 74 – ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» "Собрание законодательства РФ", 16.06.2003, – N 24, – ст. 2249.

³ Федеральный закон от 05.05.2014 № 99 – ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 05.05.2014.

⁴ Федеральный закон от 29.06.2015 № 210 – ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». "Собрание законодательства РФ", – 06.07.2015, –N 27, – ст. 4001.

⁵ Суханов Е. А. О достоинствах и недостатках новой редакции главы 4 Гражданского кодекса РФ // Хозяйство и право. – 2014. – № 9. – С. 16.

Л. Маковский указал, что в новой редакции п. 1 ст. 53 ГК «невооруженным глазом... видна типичная ошибка второкурсника, не понимающего, как органы юридического лица могут действовать «от его имени» и в то же время не быть его представителями»¹.

Критические замечания относительно понимания органа юридического лица как представителя высказали и другие авторитетные цивилисты (в частности, И. С. Шиткина²), а В. А. Белов, вообще толкование данной нормы как признание за органом юридического лица статуса представителя определил как «полный бред»³. Следует ради справедливости отметить, что сама по себе идея признать за органом юридического лица статус законного, уставного или какого – то иного представителя не нова, более того реализована в налоговом законодательстве и законодательстве об административных правонарушениях, и с большим вдохновением была воспринята рядом представителей юридического сообщества в научных статьях⁴, практических публикациях⁵ и семинарах⁶.

В связи с этим заслуживает поддержки мнение С. Д. Могилевского о том, что «реформа гражданского законодательства в части регулирования деятельности и определения правовой природы органа юридического лица не привела к тому результату, который от нее ожидали. Измененный Гражданский кодекс вновь не содержит легального определения органа юридического лица. Вряд ли можно всерьез оценивать изменения ст. 53 и ряд других статей ГК РФ как правовую базу для формирования

¹ Маковский А. Л. Собственный опыт – дорогая школа // Актуальные проблемы частного права: Сборник статей к юбилею Павла Владимировича Крашенинникова. М. – Екатеринбург, 21 июня 2014 г. / Отв. ред. Б. М. Гонгало, В. С. Ем. М.: Статут, – 2014. – С. 25.

² Шиткина И. С. Изменения в положения Гражданского кодекса РФ о юридических лицах: анализ новелл и практические советы // Хозяйство и право. – 2014. – № 7. – С. 9.

³ Белов В. А. Что изменилось в Гражданском кодексе?: практич. пособие. – М.: Юрайт, – 2014. – С. 23.

⁴ Кузнецов А. А. Орган юридического лица как его представитель // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2014. – № 10. – С. 4 – 31; Потребич А. Новый статус директора // ЭЖ – Юрист. – 2014. – № 43. – С. 1 – 3.

⁵ Руденко Е. Ю. Единичный исполнительный орган юридического лица: новеллы законодательства // Власть Закона. – 2014. – № 3 (19). – С. 136-142.

⁶ Научный круглый стол «Органы юридического лица как представители: как понимать нормы ГК РФ?». М.: Институт «М – Логос», 20 октября 2014 г. // http://m-logos.ru/publications/nauchnyi_kruglyi_stol_organu_uridicheskogo_lica_kak_predstaviteli_kak_ponimat_normy_gk_rf/.

научной концепции об органах юридического лица, которая ответит на те вопросы, которых стало больше, чем до указанных изменений»¹.

Радует в этой ситуации лишь то, что законодателем менее чем через год был восстановлен статус – кво и из ст. 53 ГК РФ исключена отсылка к нормам о представительстве². Хотя то, как это было сделано, также вызывает массу вопросов. На стадии второго чтения законопроекта № 469229 – 5, которым предполагалось внести изменения в ряд законов, регулирующих деятельность на рынке ценных бумаг, появилась поправка внесенная депутатом Н. Н. Гончаром, на наш взгляд, абсолютно правильная по содержанию, и также абсолютно не вписывающаяся по логике в данный законопроект. Вообще ситуация, когда в ГК РФ вносятся поправки через принятие законопроектов изначально не ориентированных на такие изменения, к сожалению, не единична. Очень характерным примером здесь является включение в ГК РФ норм об номинальном и эскроу – счетах (ст. 860.1 – 860.10)³.

Законопроект № 47538 – бпредполагал введение новой главы 47.1. «Условное депонирование (эскроу)», включающей в себя 8 статей. Поскольку для осуществления эскроу – агентом его функций могла возникнуть необходимость осуществления безналичных расчетов, соответственно в рамках главы 45 «Банковский счет», предлагалось включить отдельную статью 860.7 «Договор номинального счета» и целый параграф 4 «Счет эскроу»⁴.

¹ См.: Могилевский С. Д. Органы юридического лица и их правовая природа: новая редакция 4 главы Гражданского кодекса // Сборник научно – практических статей II Международной научно – практической конференции «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» (22 апреля 2015 года, г. Москва) / Е. А. Абросимова, В. К. Андреев, Л. В. Андреева и др.; под общ.ред. С. Д. Могилевского, М.А. Егоровой. М.: РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Юридический факультет им. М. М. Сперанского, Юстицинформ, – 2015. – С. 18.

² Федеральный закон от 29.06.2015 № 210 – ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». "Собрание законодательства РФ", –06.07.2015, –N 27, –ст. 4001.

³ Руденко Е. Ю. К вопросу об ограничении права распоряжаться денежными средствами, находящимися на счете эскроу // Власть Закона. – 2015. – № 2 (22). – С. 125-130.

⁴ Проект Федерального закона № 47538 – 6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»// <http://asozd2.duma.gov.ru>

21 декабря 2013 г. был принят Федеральный закон № 379 – ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым глава 45 ГК РФ дополнена 10 новыми статьями, устанавливающими правила для двух новых видов счетов – номинального и эскроу, при этом отдельная глава, посвященная условному депонированию введена не была (вступили в силу с 1 июля 2014 г.). Следует отметить, что указанный закон был принят не в рамках общего законопроекта о внесении изменений в ГК РФ, а в рамках реализации законопроекта № 249606 – 5 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (в части регулирования секьюритизации финансовых активов)», внесенного в Государственную Думу Правительством Российской Федерации еще 1 сентября 2009 г.

Редакция данного законопроекта, принятая в первом чтении 2 октября 2009 г., предполагала внесение серьезных изменений в достаточно большое количество нормативных актов, в том числе в положения главы 43 ГК РФ о финансировании под уступку денежного требования, и лишь одну правку в главу 45 ГК РФ – введение новой статьи 860.1. «Номинальные банковские счета». Однако ко второму чтению (10 декабря 2013 г.) с учетом большого количества поступивших поправок законопроект претерпел существенные изменения, в результате которых нормы главы 43 ГК РФ остались без корректировки, а вместо одной планировавшейся новой статьи в главе 45 ГК РФ их стало 10 (ст. ст. 860.1 – 860.10). В такой редакции законопроект и был реализован.

Полагаем, что закрепление положений о номинальных счетах и счетах эскроу, как счетов, открываемых в интересах не владельца счета, а другого лица (бенефициара) следует охарактеризовать как положительное явление, способное дополнительно повысить безопасность участников расчетных правоотношений. Вместе с тем возникает вполне резонный вопрос – какова судьба предложений о включении в ГК РФ отдельной главы 47.1 «Условное депонирование (эскроу)», будут они, и если будут, то когда реализованы?

Представляется, что внесенные изменения в главу 45 ГК РФ весьма мало связаны с первоначальными идеями авторов законопроекта № 249606 – 5, то есть с секьюритизацией финансовых активов. Полагаем, что такое точечное внесение изменений в ГК РФ, в отрыве от общей концепции реформирования гражданского законодательства, представляет большую опасность.

В. Д. Рузанова

кандидат юридических наук,
доцент, заведующая кафедрой
гражданского и предпринима-
тельского права
ФГАОУ ВО "Самарский государ-
ственный аэрокосмический уни-
верситет имени академика С. П.
Королева (национальный иссле-
довательский университет)".
vd.ruz@mail.ru.

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МОДЕРНИЗАЦИИ СО-
ВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДА-
ТЕЛЬСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРОБЛЕМЫ ОБЕС-
ПЕЧЕНИЯ СОГЛАСОВАННОСТИ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ**

**THE MAIN TRENDS OF MODERNIZATION OF THE
MODERN CIVIL LEGISLATION THROUGH THE
PRISM OF THE PROBLEM OF ENSURING CON-
SISTENCY IN LEGAL REGULATION**

Статья посвящена вопросам обеспечения системности гражданского законодательства в условиях его значительного обновления. Указанные вопросы исследуются автором с учетом легальных нововведений, связанных с принципом добросовестности, недействительностью сделок, институтом юридических лиц, общих положений об обязательствах. На базе проведенного анализа делается вывод о том, что новеллы в названных областях не в полной мере отвечают потребности обеспечения согласованности правового регулирования.

Ключевые слова: Гражданское законодательство; принцип добросовестности; недействительная сделка; юридическое лицо; обязательство; закон, иной правовой акт.

The paper is devoted to the issues of procuring the systematic civil legislation under conditions of its substantial renovation. These issues are studied by author in consideration of legal innovations related to the principle of good faith, legal entities institute, transactions invalidity, and general thesis

on obligations. On the basis of the analysis, it is concluded that the novels in these areas do not fully meet the need of ensuring consistency in legal regulation.

Keywords: Civil legislation; principle of good faith; invalid transaction; legal entity; obligation; law, other legal act.

Современный этап развития гражданского законодательства характеризуется существенным обновлением целого ряда основных его институтов, к числу которых, прежде всего, относятся сферы юридических лиц, сделок, общих положений об обязательствах. Однако полагаем, что в этом ряду первенство принадлежит легальным новеллам, связанным с основными началами гражданского законодательства.

Влияние принципов гражданского права на функционирование гражданско – правовой законодательной системы трудно переоценить. Достаточно сказать они имеют первостепенное значение для правильного толкования гражданско – правовых норм. Как справедливо подчеркивается п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», положения ГК РФ, законов и иных актов, содержащих нормы гражданского права, подлежат истолкованию в системной взаимосвязи с основными началами гражданского законодательства, закрепленными в ст. 1 ГК РФ¹.

В связи с этим необходимо сказать о важности введения в ГК РФ принципа добросовестности как основного начала². Несмотря на то, что он является принципом гражданского права в целом, а не отдельных его институтов, отсылки к нему имеются не только в ст. 1 и ст. 10 ГК РФ, но и в целом ряде других статей, поскольку глубокий содержательный потенциал данного принципа требует легальной конкретизации вариантов его применения. Можно утверждать, что указанный принцип обладает качеством многофункциональности.

В первую очередь, названный принцип стимулирует участников гражданских правоотношений к добросовестному поведению и выступает в качестве одного из основных критериев оценки поведения субъектов гражданского права. Как указывается в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г.,

¹ Российская газета от 30 июня 2015 г., Федеральный выпуск № 6711.

² Камышанский В. П., Ветер Н. Ю. Обход закона и злоупотребление правом: общее и особенное // Власть закона. – 2013. – № 4 (6). – С. 19-23.

оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. Законодатель поощряет следование принципу добросовестности и определяет условия, при которых недобросовестное поведение лица ставит его в невыгодное положение, активно воздействуя тем самым на поведение участников гражданских правоотношений. Если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения, то поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но также и по инициативе суда. Если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (п. 2 ст. 10 ГК РФ, п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г.).

В результате внесения изменений в ГК РФ принцип добросовестности буквально внедрился в институт юридических лиц. Например, соблюдение указанного принципа обеспечивает интересы лица, добросовестно полагающегося на данные единого государственного реестра юридических лиц (абз.2 п.2 ст. 51 ГК РФ); добросовестность служит в качестве оценки поведения лиц, уполномоченных выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица, в целях применения к ним мер гражданско – правовой ответственности, а также ликвидационной комиссии (ст. ст. 53, 53.1, 62 ГК РФ); добросовестное поведение субъекта влечет для него положительные правовые последствия, например, связанные с восстановлением юридических лиц, существующих до реорганизации корпорации, в случае признания такой реорганизации несостоявшейся (ст. 60.2 ГК РФ).

Законодатель, как известно, обеспечивает повышенную охрану имущественных интересов добросовестных приобретателей (владельцев) в сфере ценных бумага, права собственности, залога (ст.ст. 143, 147.1, 149.3, 223, 234, 302, 303, 335 ГК РФ).

Применительно к сделкам также прослеживается общая тенденция к усилению значения добросовестности сторон сделки, например, в условных (п. 3 ст. 157 ГК РФ) и недействительных сделках. Причем относительно недействительных сделок в ГК РФ теперь установлено общее правило о том, что заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности, если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки (п.5 ст. 166 ГК РФ). Кроме того, лицо, которое знало или должно было знать об основаниях недействительности оспоримой сделки, после признания этой сделки недействительной не считается действовавшим добросовестно (абз. 2 п.1 ст. 167 ГК РФ).

Существенно усилено влияние принципа добросовестности и в обязательственном праве. В новой редакции ст. 307 ГК РФ не просто указывается на обязанность сторон при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны действовать добросовестно, но и предпринимается попытка обозначить особенности проявления принципа добросовестности применительно к обязательствам. Действовать добросовестно означает: учитывать права и законные интересы друг друга, взаимно оказывать необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставлять друг другу необходимую информацию (п.3 ст. 307 ГК РФ).

Понятие добросовестности (недобросовестности) широко используется и в общих положениях ГК РФ о договорах (например, в п.3 ст. 432, ст. 434.1 ГК РФ), а также иногда фигурирует и применительно к конкретным договорам, в частности, договорам пожизненного содержания с иждивением (п.3 ст. 602 ГК РФ) и аренды предприятия (ст. 662 ГК РФ).

Одним из важнейших направлений совершенствования гражданского законодательства является сфера юридических лиц. Анализ легальных новелл в правовом положении данных субъектов гражданского права позволяет сделать вывод о необходимости более четкого определения уровней правового регулирования и состава законодательства в этой области. Считаем, что первостепенной здесь должна быть цепочка: ГК РФ – специальный закон (если в его принятии есть потребность). В эту цепочку не должны «вклиниваться» иные законы, которые затрагивают предмет специального закона. При этом все меняющиеся жизненные потребности

должны учитываться, прежде всего, путем внесения изменений в именно в специальный закон.

Вместе с тем, считаем, что отсылки к «закону» в главе 4 ГК РФ, безусловно, должны иметь место. В целом такая отсылка «удобна» в том смысле, что она делает правовое пространство открытым и является в известной мере способом оперативного учета возникающих жизненных потребностей без внесения изменений в ГК РФ. Это выражается в определении случаев, допускающих установление «законом» иного правила по сравнению с общим правилом или исключения из него. Указанный способ с нашей точки зрения в известной мере нейтрализует свойство любого кодекса, по выражению Р. Кабрияка, «запирать правовое пространство»¹. Вместе с тем, каждая из отсылок к «закону» должна быть содержательно согласована с отсылками к специальным законам. Иначе в сфере юридических лиц будут появляться все новые и новые законы, применение которых будет определяться только правилами о действии закона во времени, что может привести к дисбалансу в правовом регулировании.

Полагаем, что в случае если правовое положение того или иного юридического лица наряду с ГК дополнительно устанавливается специальным законом, то в статье, где дается его понятие, должны содержаться наименование такого закона и указание о том, что гражданско – правовое положение этого юридического лица в части, не урегулированной Кодексом, определяется данным законом. Тем самым «фиксируется» место специального закона в системе законов, устанавливающих статус названного субъекта: между ним и ГК не должно быть другого закона. Другие же законы могут регулировать только те отношения, которые не относятся к предмету специального закона, и при условии, что на такую возможность их издания указывается в ГК РФ.

В связи с этим, выскажем ряд принципиальных соображений относительно формирования нормативной базы функционирования юридических лиц. Во – первых, предлагаем внести в п. 4 ст. 49 ГК РФ общее положение о том, что особенности гражданско – правового положения юридических лиц определяются в соответствии с Кодексом законами о юридических лицах (формулировка п. 4 ст. 53 ГК РФ). Вместе с тем, изложенный вариант правового

¹ См.: Кабрияк Р. Кодификации / пер. с фр. Л. В. Головки. – М.: Статут, 2007. – С. 170.

регулирования, конечно же, не исключает отсылок к «закону» в отдельных статьях ГК о юридических лицах, однако при условии, что предмет последнего не будет пересекаться с предметом специального закона или же не будет носить специальный характер (по содержанию) в отношении тех юридических лиц, статус которых определяется только в ГК. Во – вторых, применительно к отдельным организационно – правовым формам юридических лиц в статье, закрепляющей их определение, необходимо указать конкретный состав соответствующего законодательного блока.

Регламентация в сфере юридических лиц осуществляется в основном в форме закона, однако, некоторые вопросы отнесены также и к компетенции Президента РФ и Правительства РФ. Наряду с законом иными правовыми актами нормируется целый ряд вопросов, в частности, устанавливаются особенности гражданско – правового положения юридических лиц отдельных организационно – правовых форм, видов и типов, а также юридических лиц, созданных для осуществления деятельности в определенных сферах (п. 4 ст. 49 ГК РФ), определяется действие органов юридического лица (п.п. 1 и 3 ст. 53 ГК РФ), вводятся исключения из правил о судьбе имущества, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов (п. 8 ст. 63 ГК РФ).

Приведенные примеры свидетельствуют об отсутствии четкого критерия выбора отношений, регулирование которых наряду с законом может осуществляться и иными правовыми актами. Например, почему судьба имущества юридического лица, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, может определяться, не только законом и его учредительным документом, но и иными правовыми актами?

Полагаем, что использование таких источников как иные правовые акты в институте юридических лиц вполне допустимо. Однако, с точки зрения системного подхода вызывает сомнение целесообразность включения их в число актов, устанавливающих особенности гражданско – правового положения юридических лиц (п. 4 ст. 49 ГК РФ). Во – первых, при необходимости такие отсылки могут быть включены в специальные законы, и, во – вторых, если принятие специального закона не требуется, то возможно указание на эти акты в отдельных статьях ГК РФ. При этом важно правильно определить их место в общей системе источников в рассматриваемой сфере.

Существенные изменения произошли в гражданско – правового регулировании сферы недействительных сделок. Здесь законодатель демонстрирует новый подход к соотношению частных и публичных интересов. Как справедливо подчеркивается в литературе, ныне в нормах закона провозглашается принцип нерушимости сделки, если только ее существо или содержание не нарушают публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, при этом кардинально расширяется сфера действий субъектов сделок и соответственно сокращается участие суда в признании их недействительными¹. Кроме указанных выше новелл, связанных с влиянием добросовестности сторон на недействительность сделки, можно отметить и другие принципиальные моменты в этой области.

Относительно ничтожных сделок новизна регулирования выражается в следующих правилах:

– увеличено число оснований ничтожности сделок. Так, введено новое основание ничтожности – сделка, совершенная с нарушением запрета или ограничения распоряжения имуществом, вытекающих из закона (ст. 174.1 ГК РФ);

– существенным образом изменено правило о лицах, имеющих право предъявлять требования о применении последствий недействительности ничтожной сделки. Ранее это могли быть любые заинтересованные лица, а теперь с иском о применении последствий недействительности ничтожной сделки может обратиться сторона сделки, а в предусмотренных законом случаях также иное лицо (п.3 ст. 166 ГК РФ);

– сформулировано условие удовлетворения требования о признании недействительной ничтожной сделки (независимо от применения последствий ее недействительности) – наличие у лица, предъявляющего такое требование, охраняемого законом интереса в признании этой сделки недействительной (абз.2 п.3 ст. 166 ГК РФ);

– ограничено право суда на применение последствий недействительности ничтожной сделки по своей инициативе. Теперь такое право суд имеет не всегда, как было ранее, а только если это необходимо для защиты публичных интересов и в иных предусмотренных законом случаях (п.4 ст. 166).

¹ См.: Андреев В. К. Сделка и ее недействительность // Юрист. – 2014. – № 1. – С. 8 – 12.

В отношении оспоримых сделок можно выделить следующее:

– основания признания оспоримых сделок недействительными пополнены сделками, совершенными без согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления, необходимость получения которого предусмотрена законом (ст. 173.1 ГК РФ). Особенность этого основания заключается в том, что в результате произошло сужение круга сделок, подпадающих под действие ст. 168 ГК, поскольку теперь для таких сделок введено самостоятельное основание, по этой причине ст. 173.1 ГК РФ подлежит преимущественному применению по сравнению со ст. 168;

– изменен подход к кругу лиц, которые могут предъявить иск о признании оспоримой сделки недействительной. Если в прежней редакции это были «лица, указанные в ГК», то теперь это «сторона сделки или иное лицо, указанное в законе» (абз.1 п.2 ст. 166 ГК РФ);

– установлено общее требование, которому должна удовлетворять оспоримая сделки (помимо наличия специального основания недействительности, указанного в ГК РФ). Теперь такая сделка будет признана недействительной при условии, если она нарушает права или охраняемые законом интересы лица, оспаривающего сделку, в том числе повлекла неблагоприятные для него последствия (абз.2 п.2 ст. 166 ГК РФ);

– введено специальное условие для признания недействительной сделки, оспариваемой в интересах третьих лиц, состоящее в том, что такая сделка может быть признана таковой, если нарушает права или охраняемые законом интересы таких третьих лиц (абз.3 п.2 ст. 166 ГК РФ);

– закреплено общее правило в отношении сторон оспоримой сделки, повышающее значение добросовестности их поведения. Теперь сторона, из поведения которой явствует ее воля сохранить силу сделки, не вправе оспаривать сделку по основанию, о котором эта сторона знала или должна была знать при проявлении ее воли (абз.4 п.2 ст. 166 ГК РФ)

Применительно к последствиям недействительности сделок основные изменения состоят в том, что в качестве общего правила теперь закреплена только двусторонняя реституция (ст. 167 ГК РФ). При этом суд вправе не применять последствия недействительности сделки, если их применение будет противоречить основам правопорядка или нравственности. Подверглись значительной

корректировке и многие конкретные основания недействительности сделок, например, основания, закрепленные в ст. 174 и 178 ГК РФ и др.

Особого внимания заслуживает и новая редакция статьи 168 ГК РФ. Установление презумпции оспоримости сделки, нарушающей требования закона или иного правового акта, влечет целый спектр сопутствующих последствий, заключающихся, прежде всего, в том, что теперь действуют иной перечень лиц, имеющих право предъявлять соответствующие иски, и другой срок исковой давности (не три года, а один год). Особенность данной статьи, как известно, состоит в том, что она применяется всегда, в том числе и в тех случаях, когда в статьях ГК РФ, посвященных конкретным договорам, нет прямой отсылки к ст. 168, при условии, что нет специального основания недействительности сделки, предусмотренного ГК РФ. В ГК РФ наиболее типичные нарушения закона (иного правового акта) выделены в качестве специальных (самостоятельных) оснований недействительности сделок, поэтому нормы, устанавливающие такие основания, подлежат приоритетному применению. Существование общей нормы такого рода оправдано потому, что в законе невозможно оговорить все нарушения, которые могут быть допущены при совершении сделок.

Подчеркнем, что целый ряд применяемых в новой редакции этой статьи понятий требует своего толкования. В частности, остается нерешенным вопрос о том, в каком значении в ст. 168 ГК РФ употребляются термины «закон» и «иной правовой акт»? Считаем, что нормативные правовые акты, о которых идет речь в ст. 168 ГК РФ, следует рассматривать в самом широком значении: это гражданско – правовые акты всех уровней (в том числе нормативных правовых акты министерств и иных федеральных органов исполнительной власти), международные акты, федеральные акты иной отраслевой принадлежности и акты субъектов Федерации. В свое время в теории был сделан вывод о том, что ст. 168 ГК РФ должна применяться не только при нарушении гражданско – правовых норм, но и в случае несоблюдения норм других отраслей права¹. Суды, например, обращаются к данной статье в случаях, когда

¹ См.: Постатейный комментарий к главе 9 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2009. Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.05.2015г.).

сделкой были нарушены предписания бюджетного или таможенного законодательства¹ и др.

Требуется также и согласование ст. 168 ГК РФ и норм, содержащихся в его конкретных статьях, касающихся недействительности договоров. В большинстве статей ГК РФ в отношении договоров, нарушающих правовые нормы, содержатся прямые указания об их оспоримости или ничтожности, в частности, в отношении договоров дарения (п. 3 ст. 572), аренды и субаренды (п. 2 ст. 618), страхования предпринимательского риска (ст. 933), имущественного страхования (ст. 951) и др.

Сфера гражданско – правовых обязательств, как известно, также подверглась значительной новеллизации. К сожалению, здесь имеет место несогласованность правового регулирования, которую можно продемонстрировать на примере соотношения действия общих и специальных норм применительно к договорным обязательствам. Согласно 307.1 ГК (Применение общих положений об обязательствах) общие положения об обязательствах применяются, если иное не предусмотрено правилами об отдельных видах договоров, содержащимися в Кодексе и иных законах. Таким образом, даже если такие специальные правила находятся не в ГК, а в ином законе, то все равно нормы этого закона о конкретном договоре будут иметь приоритет в применении по отношению к общим положениям ГК РФ об обязательствах. При отсутствии специальных правил о конкретном договоре, действуют общие положения ГК РФ о договоре. Таким образом, общие положения об обязательствах применяются в третью очередь. Однако, в п. 3 ст. 420 ГК предлагается несколько иной вариант соотношения уровней правового регулирования обязательственных отношений. В соответствии с указанным пунктом к обязательствам, возникшим из договора, применяются общие положения об обязательствах (статьи 307 – 419), если иное не предусмотрено правилами главы 27

¹ См.: определение ВАС РФ от 2 марта 2011 г. № ВАС – 1723/11. Документ опубликован не был. Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.05.2015г.); определение ВАС РФ от 14 ноября 2007 г. № 11567/07. Документ опубликован не был. Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.05.2015г.); постановление Президиума ВАС РФ от 5 апреля 2006 г. № 15061/05. Документ опубликован не был. Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.05.2015 г.); определение ВАС РФ от 24 августа 2011 г. № ВАС – 10564/11. Документ опубликован не был. Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.05.2015г.).

(Понятие и условия договора) и правилами об отдельных видах договоров, содержащимися в Кодексе. Во – первых, здесь в отличие от ст. 307.1 не устанавливается «очередность» применения правил подраздела 2 раздела III (Общие положения о договоре) и содержащихся в ГК правил об отдельных видах договоров. Более того, используемая в п. 3 ст. 420 ГК формулировка наводит на мысль о «первичности» норм общих положений о договоре. Во – вторых, относительно правил об отдельных видах договоров, имеется несогласованность в определении источников их установления: в ст. 307.1 ГК речь идет о нормах, содержащихся в ГК и иных законах, а в п. 3 ст. 420 ГК – только в ГК. Более того, обе указанные нормы не согласуются с положениями ст. 421 ГК РФ (в редакции ФЗ от 08.03 2015 N 42 – ФЗ). Согласно п.п. 2 и 3 ст. 421 ГК РФ правила об отдельных видах договоров могут быть предусмотрены законом или иными правовыми актами. Интересно также отметить, что здесь ГК как источник установления положений об отдельных видах договоров вообще не указывается. Конечно, можно предположить, что словом «закон» в данном случае охватывается и ГК, однако тогда возникает вопрос, почему в других статьях последний называется наряду с законом? Следовательно, ныне действующая редакция ГК в части формирования системы нормативных правовых актов, в которых определяются правила об отдельных видах договоров, не отвечает требованию согласованности правового регулирования.

Совершенный экскурс позволяет заключить, что в процессе реформирования гражданского законодательства одной из основных задач является обеспечение согласованности правового регулирования.

С. К. Лисецкий

доцент кафедры гражданского и
предпринимательского права
ФГАОУ ВО "Самарский государ-
ственный аэрокосмический уни-
верситет имени академика С. П.
Королева (национальный исследо-
вательский университет)"
E – mail: superlisss@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МОДЕРНИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЛИКВИДАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

THE CURRENT TRENDS OF MODERNIZATION OF THE MODERN CIVIL LEGISLATION IN THE FIELD OF LIQUIDATION OF LEGAL ENTITIES

Статья посвящена исследованию способов реализации правосубъектности юридических лиц в процессе их ликвидации в условиях значительного обновления гражданского законодательства. Автором анализируется роль учредителей (участников), органа юридического лица, арбитражного управляющего и ликвидационной комиссии. На базе проведенного анализа делается вывод о том, что новеллы в названной области не в полной мере отвечают современным потребностям.

Ключевые слова: Юридическое лицо; гражданская правосубъектность; ликвидация юридического лица.

The paper is dedicated to the studying methods of implementation the right subjectivity of legal entities in the process of their liquidation under conditions of substantial renovation of civil legislation. Author analyses a role of founders (participants), organs of legal entity, arbitral manager, and liquidation commission. On the basis of the analysis, it is concluded that the novels in these area do not fully meet the current needs.

Keywords: Legal entity; civil right subjectivity; liquidation of legal entity.

В

несенные в ГК РФ изменения, связанные с институтом юридического лица, касаются многих аспектов функционирования данного субъекта права¹. Необходимо отметить, что одни легальные новеллы носят принципиальный характер, а другие – уточняющий (детализирующий)². В целом же можно сказать, что указанный институт существенным образом обновился.

Прежде всего, отметим, что в доктрине применительно к юридическому лицу традиционно говорят о правоспособности и ее видах (общей и специальной). По мнению многих авторов, в подробном изучении дееспособности данного субъекта гражданского права нет особой необходимости, поскольку в отличие от граждан у организации правоспособность и дееспособность возникают и прекращаются одновременно и существуют неразрывно³. Полагаем, что для характеристики юридического лица правосубъектность как единство правоспособности и дееспособности имеет существенное значение, поскольку она раскрывает все грани юридической личности организации⁴. К сожалению, этот важный аспект правового статуса указанного субъекта легальные новеллы практически не затрагивают.

В свою очередь, вопрос о правосубъектности юридического лица непосредственно связан с процессом его ликвидации. С началом процедуры ликвидации юридического лица, прежде всего, происходят существенные изменения в объеме и способах реализации его гражданской правосубъектности, поскольку с момента принятия решения о ликвидации основной целью функционирования юридического лица является его прекращение и поэтому право – и дееспособность ликвидируемой организации претерпевают изменения, объем их существенно ограничивается порядком и целями ликвидации⁵. Объем гражданской правосубъектности

¹ Федеральным законом «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 5 мая 2014 г. № 99 – ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. N 19. Ст. 2304.

² Камышанский В. П. Некоторые проблемы приватизации земельных участков особо охраняемых природных территорий // Хозяйство и право. – 2008. – № 10. – С. 63-68.

³ См. подробнее: Козлова Н. В. Правосубъектность юридического лица. – М.: Статут, 2005. – 220 с.

⁴ Лескова Ю. Г. Некоторые проблемы правового положения учреждений по новому законодательству // Юрист. – 2007. – № 4. – С. 7.

⁵ См.: Хабибулина А. Ш. О правовом статусе и компетенции высшего органа

этого субъекта права по мере продвижения процесса ликвидации постепенно сужается.

Прежде чем перейти к вопросу о реализации правосубъектности юридического лица в процессе ликвидации, остановимся на понятии последней. Важно видеть, что названный способ прекращения организаций в значительной мере обновлен и, прежде всего, в части понятия ликвидации. В новой редакции п.1 ст. 61 ГК РФ говорится об отсутствии в данном случае универсального правопреемства, что означает возможность сингулярного правопреемства. Например, согласно п. 8 ст. 63 ГК РФ имущество юридического лица, оставшееся после удовлетворения требований кредиторов, передается его учредителям (участникам), имеющим вещные права на это имущество или корпоративные права в отношении юридического лица, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или учредительным документом юридического лица. В случае ликвидации некоммерческой организации оставшееся после удовлетворения требований кредиторов имущество направляется в соответствии с уставом некоммерческой организации на цели, для достижения которых она была создана, и (или) на благотворительные цели, если иное не установлено ГК РФ или другим законом.

Изменения в способах реализации гражданской правосубъектности юридического лица выражаются в целом ряде моментов. Согласно п.2 ст. 61 ГК РФ на начальной стадии ликвидации организации, осуществляемой в добровольном порядке, ее правосубъектность реализуется двумя самостоятельными способами: через действия учредителей (участников) или органа юридического лица, уполномоченного на то учредительным документом. На его учредителей (участников) или на соответствующий орган обязанности по осуществлению ликвидации этого субъекта могут быть возложены и решением суда о ликвидации юридического лица (п. 5 ст. 61 ГК РФ). Неисполнение решения суда, в свою очередь, является основанием для осуществления этой процедуры арбитражным управляющим. Причем такая процедура осуществляется за счет имущества юридического лица, что является совершенно новой нормой. Назначение арбитражного управляющего предусмотрено и в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения учредителями (участниками) юридического лица обязанностей по

управления и учредителя (участника) юридического лица на стадии ликвидации//Документ предоставлен КонсультантПлюс.

его ликвидации по иску заинтересованного лица или уполномоченного государственного органа, которые при наличии такого нарушения вправе потребовать в судебном порядке ликвидации организации (п. 5 ст. 62 ГК). Таким образом, при наличии определенных условий в процессе ликвидации юридического лица даже при отсутствии оснований для применения процедуры банкротства появляется фигура арбитражного управляющего, который реализует правосубъектность указанного субъекта права.

Правовой статус учредителя и его соотношение со статусом участника мы рассматриваем в так называемом динамическом аспекте. На стадии создания юридического лица субъект, создающий организацию, является учредителем (ст. 50.1 ГК РФ), а с началом ее функционирования его статус трансформируется: он становится участником, сохраняя при этом статус учредителя. Причем после создания юридического лица правовое положение учредителя ничем не будет отличаться от правового положения вновь принятых участников. Применительно к правам и обязанностям участников корпорации, например, ГК РФ об учредителях не упоминает (ст. ст. 65.2, 67 ГК РФ). Вместе с тем, относительно утверждения устава организации, ее ликвидации говорится об учредителях (участниках) и др. (ст. ст. 52, 62 и др. ст. ГК РФ). Такой подход законодателя вполне оправдан, поскольку в зависимости от ситуации те или иные действия могут совершаться только учредителями (например, утверждение устава создаваемого юридического лица), или участниками, в число которых входят и учредители (в частности, утверждение внесенных в устав изменений).

Основное отличие учредителей (участников) юридического лица от его органа как субъектов, принимающих решение о ликвидации организации, состоит в следующем. Роль учредителя (участника) в процессе ликвидации организации не сводится только к действиям, связанным собственно с самой процедурой ликвидации. При определенных условиях на них возлагаются обязанности по несению соответствующих имущественных затрат. В ГК РФ введено общее правило о том, что все действия по ликвидации юридического лица должны совершиться за счет имущества последнего, а при недостаточности такого имущества учредители (участники) юридического лица обязаны совершить указанные действия солидарно за свой счет (или такие расходы возлагаются на них солидарно по решению суда) (п. 5 ст. 61, п. 2 ст. 62 ГК). В случае невозможности ликвидации юридического лица ввиду отсутствия средств на расходы, необходимые для его ликвидации, и

невозможности возложить эти расходы на его учредителей (участников) юридическое лицо подлежит исключению из единого государственного реестра юридических лиц в порядке, установленном законом о государственной регистрации юридических лиц (п.6 ст.62 ГК).

В соответствии п.3 ст. 62 ГК РФ учредители (участники) юридического лица или орган, принявшие решение о его ликвидации, назначают ликвидационную комиссию (ликвидатора) и устанавливают порядок и сроки ликвидации в соответствии с законом. В свою очередь, ликвидационная комиссия также наделяется ГК определенными функциями по реализации правосубъектности юридического лица. С момента назначения ликвидационной комиссии к ней переходят полномочия по управлению делами юридического лица (п. 4 ст. 62 ГК РФ). Она обладает не только правами и обязанностями, реализуемыми внутри юридического лица (например, составляет промежуточный ликвидационный и ликвидационный балансы), но во внешней сфере. Так, согласно п. 4 ст. 63 ГК РФ, если имеющиеся у ликвидируемого юридического лица (кроме учреждений) денежные средства недостаточны для удовлетворения требований кредиторов, ликвидационная комиссия в установленном порядке осуществляет продажу имущества юридического лица. В силу п. 8 ст. 63 ГК РФ при наличии спора между учредителями (участниками) относительно того, кому следует передать вещь, она продается ликвидационной комиссией с торгов. Кроме того, ликвидационная комиссия от имени ликвидируемого юридического лица выступает в суде (п. 4 ст. 62 ГК РФ). Таким образом, в качестве истца в суде выступает само юридическое лицо. Вместе с тем, согласно п. 4 ст. 64 ГК РФ в случае отказа ликвидационной комиссии в удовлетворении требований кредитора либо уклонения от их рассмотрения кредитор вправе до утверждения ликвидационного баланса юридического лица обратиться в суд с иском к ликвидационной комиссии. Следовательно, ответчиком в последнем случае называется сама ликвидационная комиссия. Согласно п.2 ст. 64.1 ГК РФ члены ликвидационной комиссии (ликвидатор) обязаны возместить убытки, причиненные ими учредителям (участникам) ликвидированного юридического лица или его кредиторам, по требованию последних в порядке и по основаниям, предусмотренным в ст. 53.1 ГК РФ. В связи с этим возникают вопросы, во – первых, о статусе ликвидационной комиссии и, во – вторых, об отграничении ее статуса от статуса членов комиссии.

Ответов на поставленные вопросы ГК РФ не содержит. Современное регулирование, как нам представляется, в этом случае создает ситуацию неопределенности с точки зрения традиционного понимания субъектов права. Отметим также, что на протяжении всего периода ликвидации определенную роль продолжают играть учредители (участники) или орган, которые приняли решение о ликвидации юридического лица. В частности, они утверждают промежуточный ликвидационный и ликвидационный балансы¹.

Одной из основных особенностей нормирования порядка ликвидации юридического лица состоит в том, что теперь он согласован с процедурой банкротства, которая в случае ее возбуждения ведет к прекращению ликвидации юридического лица, осуществляемой по общим правилам, о чем ликвидационная комиссия уведомляет всех известных ей кредиторов. Кроме того, в случае недостаточности имущества ликвидируемого юридического лица для удовлетворения требований кредиторов или при наличии признаков банкротства юридического лица ликвидационная комиссия обязана обратиться в арбитражный суд с заявлением о банкротстве юридического лица, если такое юридическое лицо может быть признано несостоятельным (банкротом) (п.п. 3, 4 ст. 63 ГК).

Считаем, что изменения ГК РФ в сфере ликвидации юридических лиц содержат законоположения, которые не полностью отвечают современным потребностям дальнейшего развития законодательства в направлении качественного улучшения правового регулирования.

¹ См.: Руденко Е. Ю. Единоличный исполнительный орган юридического лица: новеллы законодательства // Власть Закона. – 2014. – № 3 (19). – С. 136-142.

Ю. С. Поваров

кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры гражданско-
го и предпринимательского права
ФГАОУ ВО "Самарский государственный
аэрокосмический университет
имени академика С. П. Королева
(национальный исследовательский
университет)".
cl@samsu.ru

ЗАЯВЛЕНИЕ УЧАСТНИКА О ВЫХОДЕ ИЗ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТ- СТВЕННОСТЬЮ: ВОПРОСЫ НОТАРИАЛЬНОГО УДОСТОВЕРЕНИЯ

THE PARTICIPANT STATEMENT ABOUT WITH- DRAWAL FROM LIMITED LIABILITY COMPANY: QUESTIONS OF NOTARIZATION

В статье рассматриваются условия и механизм выхода участника из общества с ограниченной ответственностью, анализируются проблемные аспекты нотариального удостоверения соответствующего заявления.

Ключевые слова: Нотариальное удостоверение сделки; юридический факт; общество с ограниченной ответственностью; выход участника из общества; заявление о выходе из общества.

The article describes the conditions and the mechanism of member withdrawal from a limited liability company, analyzed the problematic aspects of the notarization of the relevant application.

Keywords: Notarization of the transaction; legal fact; limited liability company; member withdrawal from company; statement about withdrawal from company.

Значимым и «громким» проявлением *тенденции к усилению роли нотариуса* в деле публичной фиксации и обеспечения законности корпоративных действий, совершаемых в про-

цессе и (или) в связи с функционированием хозяйственных обществ (прежде всего, обществ с ограниченной ответственностью), стало существенное расширение перечня случаев нотариального удостоверения такого рода действий. В соответствии с п. 1 ст. 26 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14 – ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹ (далее – Закон об ООО) в редакции Федерального закона от 30 марта 2015 г. № 67 – ФЗ обязательным с 1 января 2016 г. является, в числе прочего, удостоверение нотариусом заявления участника о выходе из общества². Тем самым, потенциальный обход давно действующего общего правила, в соответствии с которым сделка, направленная на отчуждение доли или части доли в уставном капитале, требует нотариального «подтверждения» (п. 11 ст. 21 Закона об ООО), посредством фиктивного использования схемы выхода участника из корпорации делается невозможным.

«Настаивая» на нотариальном заверении анализируемого волеизъявления участника, законодатель фиксирует необходимость удостоверения *по правилам, предусмотренным законодательством о нотариате для удостоверения сделки*. Заметим, что приведенная норма оказывается довольно имплицитной («размытой») в ракурсе *квалификации заявления участника о выходе из общества как юридического факта* (ибо непосредственно к сделкам оно не отнесено – речь идет только о *распространении* правил о сделках), отражая сохранение на доктринальном и легальном уровнях проблемы установления места подобного типа действий в системе юридикто – фактических предпосылок динамики гражданских правоотношений. Вместе с тем, *сделочная природа* волеизъявления участника, направленного на прекращение его связей с корпорацией, влекущего изменение принадлежности доли в уставном капитале и порождающего обязанность общества произвести необходимые расчеты, с учетом максимально обобщенной дефиниции сделки в ст. 153 ГК РФ (а равно разъяснений, содержащихся в п. 50 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015

¹ Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 785 (с послед. изм. и доп.).

² Правда, приходится констатировать, что законодательные новеллы, привнесенные названным «корректирующим» правовым актом, оказались довольно фрагментарными и не вполне скоординированными с иными нормативными предписаниями, что осложняет процесс правоприменения; сказанное в полной мере относится и к нотариальному удостоверению заявления о выходе из общества с ограниченной ответственностью.

г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹⁾, формально вряд ли может быть отрицаема. Не опровергает, думается, данный вывод и причисление заявлений, с которыми связывается наступление гражданско – правовых последствий, к юридически значимым сообщениям (ст. 165.1 ГК РФ), вопрос о правовой природе которых (сделка, сделкоподобное действие и т.д.) является весьма полемичным²⁾; небеспочвенно отстаиваемое признание «...своего рода *вторичности*, привязанности к основному факту»³⁾ [курсив наш. – Ю.П.] юридически значимых сообщений, в которых, как указывается в п. 66 обозначенного постановления Пленума Верховного Суда РФ, может, в том числе, *содержаться информация о сделке*, обуславливает более сложное «взаимодействие» сделок и юридически значимых сообщений (нежели их постановка в ряд однопорядковых явлений), а равно своеобразное «удвоение» правовой сущности заявления участника о выходе из обществ (правовые последствия которого приурочены к моменту его передачи в организацию)⁴⁾. Судебная практика также в основном сориентирована на интерпретацию заявления о выходе из общества в качестве *односторонней сделки*⁵⁾, имеющей направленность:

на изменение учредительного договора (см. постановление Президиума ВАС РФ от 18 января 2005 г. по делу № А51 – 12772/0334 – 108, постановление ФАС Уральского округа от 27 января 2012 г. по делу № А34 – 3067/2011, постановление ФАС Восточно – Сибирского округа от 14 октября 2010 г. по делу № А78 – 3682/2009, постановление ФАС Дальневосточного округа от 9 сентября 2010 г. по делу № А51 – 9900/2008 и пр.)⁶⁾ (но, разумеется,

¹⁾ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8.

²⁾ Подробный обзор подходов, в частности, см.: Евстигнеев Э. А. Правовая природа юридически значимых сообщений // Вестник гражданского права. – 2012. – № 5.

³⁾ Илюшина М. Н., Анисимова М. С. Юридически значимые сообщения: гражданско – правовая и гражданско – процессуальная квалификация // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 6. С. 23-24.

⁴⁾ Аналогичные выводы были сделаны нами и в отношении требования участника о выкупе у него обществом доли в уставном капитале. См.: Поваров Ю. С. Проблемы нотариального удостоверения требования участника о приобретении обществом с ограниченной ответственностью доли в уставном капитале: анализ законодательных новел // Нотариус. – 2015. – № 8. – С. 36 – 37.

⁵⁾ Диденко А.А. Современная система источников российского гражданского права // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2007. № 30. С. 209.

⁶⁾ Здесь и далее примеры из судебной практики приводятся из Справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

такая оценка направленности волеизъявления участника – в буквальном прочтении – утратила актуальность вследствие исключения учредительного договора из числа учредительных документов общества с ограниченной ответственностью);

на прекращение прав участия в обществе (см. постановление ФАС Центрального округа от 11 сентября 2013 г. по делу № А68 – 6509/2012, постановление ФАС Волго – Вятского округа от 15 мая 2009 г. по делу № А43 – 23484/2008 – 19 – 505 и др.);

на возникновение права на получение действительной стоимости доли в уставном капитале (см. постановления ФАС Центрального округа от 27 ноября 2012 г. по делу № А08 – 5372/2011, от 5 августа 2011 г. по делу № А23 – 4572/10Г – 15 – 242 и пр.).

Отсылка к правилам, установленным законодательством о нотариате для удостоверения сделки, опосредует необходимость осуществления *нотариусом* при удостоверении заявления участника о выходе из корпорации, исходя из положений статей 54 и 55 Основ законодательства РФ о нотариате (утв. Верховным Советом РФ от 11 февраля 1993 г. № 4462 – 1)¹, следующих действий информационного и контрольного порядка:

1) по *разъяснению* выходящему участнику *смысла и значения* представленного им проекта заявления;

2) по *проверке соответствия содержания* заявления:

а) действительному *намерению* участника. Заявление, разумеется, должно свидетельствовать об «...однозначной направленности воли участника ... на выход из числа участников общества» (постановление ФАС Западно – Сибирского округа от 13 декабря 2007 г. по делу № А46 – 9945/2006); «...волеизъявление участника общества о его выходе ..., – справедливо подчеркивается в другом судебном «вердикте», – должно быть четко сформулировано, при этом не должно быть двусмысленности в его намерениях» (постановление ФАС Северо – Западного округа от 8 июня 2007 г. по делу № А66 – 13276/2005). В свете сказанного, к примеру, не может признаваться волеизъявлением, порождающим правовые последствия выхода, заявление, содержащее:

лишь требование о выделении доли в уставном капитале (см. постановление ФАС Уральского округа от 22 июля 2008 г. по делу № А76 – 9983/2007 – 11 – 623/65) либо о возврате ее в натуре (см. постановление ФАС Поволжского округа от 21 апреля 2010 г. по делу № А55 – 14427/2009);

¹ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357 (с послед. изм. и доп.).

просьбу об увольнении и выплате действительной стоимости доли (см. постановление ФАС Северо – Западного округа от 8 июня 2007 г. по делу № А66 – 13276/2005);

б) на предмет непротиворечия *требованиям закона*. В частности, непреложным является соблюдение следующих условий добровольного прекращения участия в корпорации:

возможность выхода из общества путем отчуждения доли последнему независимо от согласия других участников или общества *прямо закреплена уставом* (п. 1 ст. 8, подп. 2 п. 7 ст. 23, п. 1 ст. 26 Закона об ООО) (не отказав конструкции выхода из общества в праве на существование, законодатель, однако, поместил ее в разряд *уставных* возможностей; данное положение, исключаящее «ничем не ограниченное право произвольного выхода», которое «зачастую противоречит интересам как самого общества, так и других участников», в целом получило позитивную оценку в литературе¹);

в результате выхода в обществе *остается хотя бы один участник* (с учетом чего выход единственного участника из общества не допускается) (п. 2 ст. 26 Закона об ООО);

3) по *проверке принадлежности доли участнику*, оформляющему заявление о выходе. Касаемо последнего проверочного действия, полагаем, уместно говорить о применении правил пунктов 13 и 13.1 ст. 21 Закона об ООО (нотариус проверяет полномочие отчуждающего долю лица на распоряжение долей на основании документов о приобретении доли и выписки из ЕГРЮЛ, полученной нотариусом в электронной форме в день удостоверения сделки, а также удостоверяется в том, что отчуждаемая доля полностью оплачена). Напомним, что имущественный аспект выхода участника из общества сводится к двум взаимосвязанным «разновекторным операциям»:

а) доля покидающего корпорацию участника переходит к обществу («автоматически» – вне зависимости от волеизъявления общества);

б) у общества, в свою очередь, возникает обязанность выплатить такому участнику действительную стоимость его доли

¹ См., например: Каплоухий М. Над обществами поработали // ЭЖ – Юрист. – 2009. – № 10; Лескова Ю. Г. Особенности правового положения общества с ограниченной ответственностью с учетом изменений в гражданском законодательстве // Юрист. – 2009. – № 2.

(определяемую на основании данных бухгалтерской отчетности общества за последний отчетный период, предшествующий дню подачи заявления о выходе) или с согласия этого участника выдать ему в натуре имущество аналогичной стоимости; данная обязанность должна быть исполнена в течение трех месяцев, если иное не предусмотрено уставом (см. п. 6.1 ст. 23 Закона об ООО). Вполне очевидно (принимая, в том числе, во внимание допустимость отсрочки осуществления расчетов с бывшим участником), что вопрос о надлежащем исполнении обществом рассматриваемой обязанности находится вне сферы компетенции нотариуса.

Лакунным в законе, к сожалению, оказался вопрос о *действиях нотариуса после удостоверения заявления участника о выходе из общества*. В «стандартной» ситуации после нотариального удостоверения сделки, направленной на отчуждение доли в уставном капитале, нотариусу в 3 – дневный срок надлежит, во – первых, подать в регистрирующий орган заявление о внесении соответствующих изменений в ЕГРЮЛ и, во – вторых, совершить нотариальное действие по передаче обществу копии указанного заявления (если уведомление не осуществляется субъектом сделки) (см. пункты 14 и 15 ст. 21 Закона об ООО).

С одной стороны, исключение из абз. 2 п. 11 ст. 21 Закона об ООО варианта перехода доли в уставном капитале к обществу на основании исследуемого заявления участника (напомним, что Закон об ООО в прежней редакции исходил из того, что нотариальное удостоверение сделки не требуется во *всех* случаях перехода доли к обществу в порядке, предусмотренном статьями 23 и 26 Закона об ООО) служит поводом для заключения о необходимости совершения нотариусом названных действий (пускай, и с некоторыми оговорками).

С другой стороны, механизм почти незамедлительного нотариального оповещения регистрирующего органа и общества о переходе доли является совершенно неуместным в случае подачи участником заявления о выходе, поскольку доля здесь переходит к обществу *с даты получения обществом заявления* (подп. 2 п. 7 ст. 23 Закона об ООО); нотариально же удостоверенное заявление, в принципе, участник может и не подать (а значит, переход доли к обществу может и не состояться). Помимо прочего, для ситуаций перехода доли в соответствии со ст. 23 Закона об ООО установлен специальный – месячный – срок на представление в регистрирующий орган документов для государственной регистрации соответствующих изменений (п. 7.1 ст. 23 Закона об ООО). По причине

изложенного, буквальное применение пунктов 14 и 15 Закона об ООО при нотариальном удостоверении заявления о выходе из общества (а равно требования о приобретении доли в случае принятия на общем собрании участников некоторых «экстраординарных» решений), не корреспондирующих иным («специальным») нормативным предписаниям, видится невозможным (и, сверх того, нецелесообразным).

Собственно же вопрос об алгоритме действий, связанных с обеспечением достоверности данных о принадлежности долей в уставном капитале при приобретении их обществом, нуждается в четком и системном нормировании. В частности, в серьезной корректировке нуждаются предписания п. 1.4 ст. 9 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129 – ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»¹ (обозначенный в данной норме список заявителей явно не подходит к нашей ситуации; наилучшим вариантом разрешения проблемы, как представляется, явилось бы наделение статусом заявителя при выходе участника из общества самого общества).

Завершая обзор заявленной проблематики, обратим внимание на *недопустимость* не согласованного с обществом *отзыва заявления* о выходе, поступившего в общество (ибо в момент оповещения корпорации, как отмечалось ранее, «автоматически» наступает юридический эффект в виде прекращения корпоративной связи и возникновения у общества обязанности по выплате действительной стоимости доли в уставном капитале). «...Подача заявления ..., – разъясняется в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 9 декабря 1999 г. «О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью"»², – порождает правовые последствия, ... которые не могут быть изменены в одностороннем порядке», однако «...это обстоятельство не лишает участника права ... оспорить ... заявление в судебном порядке применительно к правилам о *недействительности сделок...*» (т.е. аннулирование правового эффекта подачи заявления сопряжено с инвалидацией совершенного участником действия).

¹ Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33 (часть 1). – Ст. 3431 (с послед. изм. и доп.).

² Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 3.

В. М. Маружно

кандидат юридических наук,
доцент кафедры граждан-
ского права ФГБОУ ВПО «Ку-
банский государственный аг-
рарный университет»
vasilisa_amg@mail.ru

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ЗАВЕЩАНИЯ С ПОРОКАМИ ФОРМЫ

THE INVALIDITY OF A WILL WITH DEFECTS OF THE FORM

В статье исследуется правовая сущность недействительности завещания с пороками формы. В соответствии с абз. 1 п. 1 ст. 1124 ГК РФ завещание должно быть составлено письменно и удостоверено нотариусом. Несоблюдение установленных ГК РФ правил о письменной форме завещания и его удостоверении влечет за собой недействительность завещания. Автор рассматривает систему ненотариального удостоверения завещаний. Обоснован вывод о том, что завещание, нотариальная форма которого не соблюдена, является ничтожным, но не в силу пункта 1 ст. 165 ГК РФ, а на основании абзаца второго п. 1 ст. 1124 ГК РФ.

Ключевые слова: Завещание; недействительные завещания; сделка; завещатель; наследственные отношения.

This article examines the legal nature of the invalidity of wills with defects of the form. In accordance with para. 1 section 1 of article 1124 of the civil code the will must be made in writing and notarized. The type-compliance established by the civil code rules on the written form of the will and its certificate involves invalidity of the will. The article considers the system senatoriales identity of wills. The conclusion is that a will notarized form co-torogo not met, is void, but not by virtue of paragraph 1 of article 165 of the civil code and on the basis of the second paragraph of section 1 of article 1124 of the Civil code RF.

Key words: Testament; invalid testaments; deal; testator; hereditary attitudes.

В Римском праве правильно оценивалась форма завещания. В частности, её соблюдение было одним из условий призна-

ния завещания законченным юридическим актом¹. В противном случае оно рассматривалось как проект завещания, не доведённый до конца.

Действующее законодательство закрепляет обязательность письменной формы завещания. Несоблюдение установленных ГК РФ правил о письменной форме завещания и его удостоверении влечет за собой недействительность завещания (абз. 2 п. 1 ст. 1124 ГК РФ). Данная норма является специальной по отношению к закреплённой в п. 1 ст. 165 ГК РФ норме аналогичного содержания. В исключительных случаях законодатель устанавливает возможность совершать завещания в простой, неквалифицированной форме.

Во-первых, в п. 7 ст. 1125 ГК РФ предусмотрен перечень должностных лиц, уполномоченных удостоверить завещания. В соответствии с данной нормой завещание может быть удостоверено должностным лицом органа местного самоуправления в случае, когда право совершения нотариальных действий предоставлено ему законом.

Во-вторых, в ст. 1127 ГК РФ указан перечень завещаний, приравняемых к нотариально удостоверенным завещаниям:

1) завещания граждан, находящихся на излечении в больницах, госпиталях, других стационарных лечебных учреждениях или проживающих в домах для престарелых и инвалидов, удостоверенные главными врачами, их заместителями по медицинской части или дежурными врачами этих больниц, госпиталей и других стационарных лечебных учреждений, а также начальниками госпиталей, директорами или главными врачами домов для престарелых и инвалидов;

2) завещания граждан, находящихся во время плавания на судах, плавающих под Государственным флагом Российской Федерации, удостоверенные капитанами этих судов;

3) завещания граждан, находящихся в разведочных, арктических или других подобных экспедициях, удостоверенные начальниками этих экспедиций;

4) завещания военнослужащих, а в пунктах дислокации воинских частей, где нет нотариусов, также завещания работающих

1 См.: Хвостов В. М. Система римского права. Семейное право. Наследственное право. Конспект лекций. – М., 1996. – С. 440; Ермолова Н.А., Камышанский В. П. Условные завещания: за и против // Наследственное право. – 2011. – № 3. – С. 11-13.

в этих частях гражданских лиц, членов их семей и членов семей военнослужащих, удостоверенные командирами воинских частей;

5) завещания граждан, находящихся в местах лишения свободы, удостоверенные начальниками мест лишения свободы.

При этом только указанные должностные лица могут удостоверить завещание для приравнивания его к нотариальному. Р. Раскостова называет, в частности, следующие встречающиеся в практике случаи удостоверения завещания ненадлежащими лицами: лечащим врачом или каким – либо иным врачом (за исключением ситуаций, когда лечащий врач одновременно является дежурным врачом) больницы, где гражданин находится на излечении; начальником следственного изолятора и изолятора временного содержания; командиром воинской части – для граждан, не являющихся военнослужащими, если в пункте дислокации воинской части имеются органы, совершающие нотариальные действия, и т.п.¹.

В-третьих, в установленных законом случаях, помимо названных должностных лиц, допускается удостоверение завещания другими лицами. Так, может быть удостоверено завещательное распоряжение правами на денежные средства в банке уполномоченным служащим банка в соответствии со ст. 1128 ГК РФ. В ст. 561 ГК РСФСР было предусмотрено право гражданина завещать денежные средства в сберегательной кассе путем составления в простой письменной форме соответствующего распоряжения. При этом можно заметить, что Часть третья ГК РФ существенно расширила возможность оформления прав на денежные средства в банках на случай смерти гражданина-вкладчика. Так, в соответствии с п. 1 ст. 1128 ГК РФ права на денежные средства, внесенные гражданином во вклад или находящиеся на любом другом счете гражданина в банке, могут быть по усмотрению гражданина завещаны либо в порядке, предусмотренном ст. 1124 – 1127 ГК РФ, либо посредством совершения завещательного распоряжения в письменной форме в том филиале банка, в котором находится этот счет. Нужно отметить, что порядок составления завещательных распоряжений применим к распоряжениям правами на денежные средства в любых банках.

Как отмечают Т. И. Зайцева и П. В. Крашенинников, порядок оформления названных прав, установленный Частью третьей

1 Раскостова Р. Формы завещаний и условия их действительности // Наследственное право. – 2008. – № 2. – С. 34-36.

ГК РФ, по сравнению с ранее действовавшим существенным образом изменился. Согласно ст. 561 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. вклад в сберегательной кассе, в отношении которого вкладчиком было сделано распоряжение банку о выдаче вклада после смерти указанному вкладчиком лицу либо государству, не входил в наследственную массу и на него не распространялись нормы наследственного права:

- не выдавалось свидетельство о праве на наследство;
- не распространялись правила об обязательной доле в наследстве;
- вклад выплачивался лицу, указанному в завещательном распоряжении (вкладополучателю, который даже не именовался наследником), по предъявлении свидетельства о смерти вкладчика независимо от времени обращения за его получением.

Статья 1128 ГК РФ, как отмечают авторы¹, содержит совершенно иную модель распоряжения правами на денежные средства в банках. Согласно п. 3 данной статьи права на денежные средства, в отношении которых в банке совершено завещательное распоряжение, входят в состав наследства и наследуются на общих основаниях в соответствии с правилами ГК РФ. Эти средства выдаются наследникам на основании свидетельства о праве на наследство и в соответствии с ним. Свидетельство о праве на наследство может быть выдано по истечении шестимесячного срока со дня смерти наследодателя. На завещанные вклады распространяются нормы ГК РФ об обязательной доле в наследстве².

Как отмечают Т. И. Зайцева и П. В. Крашенинников, в практике работы нотариусов возник вопрос: подлежат ли применению правила ст. 1128 ГК РФ в случае, когда завещательное распоряжение в банке совершено до 1 марта 2002 г., т.е. до вступления в силу части третьей ГК РФ, а смерть вкладчика при этом наступила уже после 1 марта 2002 г., т.е. в период действия нового наследственного законодательства? Вместе с тем, авторы полагают, что ответ должен быть однозначным: если завещательное распоряжение сде-

¹ Тужилова-Орданская Е. М., Евтушенко И. Н. К вопросу о наследовании предприятия как объекта гражданских прав // Наследственное право. – 2012. – № 2. – С. 42-44.

² Зайцева Т.И. Нотариальная практика: ответы на вопросы // Федеральная нотариальная палата. – М.: "Волтерс Клувер", – 2007. – С. 27-32.

лано ранее вышеназванной даты, то применению подлежат правила ГК 1964 г., независимо от времени смерти гражданина – вкладчика.

Однако позиция банков противоположная, т.е. вклад должен входить в наследственную массу и на него должно быть выдано свидетельство о праве на наследство. Т. И. Зайцева и П. В. Крашенинников с данной позицией не согласны.

Во – первых, по их мнению, исходя из общих начал законодательства любой вновь принимаемый закон не должен содержать в себе «поворот к худшему». В соответствии с требованиями ГК РСФСР 1964 г. денежные средства вкладчика выдавались сразу после его смерти, а если вклад наследуется по правилам действующего наследственного законодательства, должен быть соблюден шестимесячный срок для принятия наследства.

Во – вторых, в ст. 7 Федерального закона от 26 ноября 2001 г. № 147 – ФЗ «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» предусмотрено, что к завещаниям, совершенным до введения в действие части третьей ГК РФ, применяются правила о недействительности завещаний, действовавшие на день совершения завещания. Таким образом, определено, что к завещаниям применимы нормы закона, действующие на момент совершения завещания.¹

В – третьих, законодатель допускает составление завещания в простой письменной форме. Гражданин, который находится в положении, явно угрожающем его жизни, и в силу сложившихся чрезвычайных обстоятельств лишенный возможности удостоверить завещание в нотариальном или приравненном к нотариальному порядке, все же может распорядиться своим имуществом на случай смерти, составив завещание в простой письменной форме. Такое завещание должно быть собственноручно написано и подписано завещателем в присутствии двух свидетелей, которые также подписывают завещание.

Вместе с тем, законодатель, как отмечает Б. А. Булаевский, допуская упрощенный порядок составления завещания, учел обстановку, в которой совершаются такие завещания, а также иные обстоятельства, которые могут повлиять на формирование и исполнение воли завещателя, и установил дополнительные условия, при

¹ Зайцева Т. И., Крашенинников П. В. Наследственное право: комментарий законодательства и практика его применения. – М.: Статут, 2006. – С. 54.

которых такое завещание приобретает юридическую силу как публичный акт¹.

Во – первых, если после отпадения чрезвычайных обстоятельств завещатель остался в живых, завещание сохраняет силу лишь в течение одного месяца с момента отпадения чрезвычайных обстоятельств. Предполагается, что в течение этого срока при желании он может выразить свою волю по распоряжению имуществом в любой иной предусмотренной законом публичной форме. Установленный месячный срок является пресекательным, он не может быть восстановлен судом ни при каких обстоятельствах. По истечении месяца завещание утрачивает силу и в случае, если завещатель не совершил новое завещание в иной форме, и в случае, если он его совершил, но не воспроизвел в нем полностью содержание завещания в чрезвычайных обстоятельствах. В последнем случае, если бы речь шла о завещаниях, совершенных в иных формах, имело бы место изменение предыдущего завещания, а не его отмена (п. 2 ст. 1130 ГК РФ).

Во – вторых, такое завещание может послужить основанием для наследования лишь после того, как суд, куда должны обратиться заинтересованные лица, подтвердит факт его совершения в чрезвычайных обстоятельствах, угрожавших смертью завещателю. Только после подтверждения этого факта судом нотариус вправе открыть наследственное производство на основании этого завещания. Заинтересованные лица должны обратиться в суд в пределах общих сроков, установленных для принятия наследства. В случае пропуска срока по уважительным причинам они могут ходатайствовать о его восстановлении.

И наконец, в – третьих, завещание в чрезвычайных обстоятельствах не отменяет и не изменяет ранее составленное в любой иной форме завещание. Таким завещанием может быть изменено или отменено лишь завещание, составленное ранее также в чрезвычайных обстоятельствах.

Понятие "чрезвычайные обстоятельства" в законе не раскрыто. При этом, например, Б. А. Булаевский говорит о таких экстремальных ситуациях, при которых создана непосредственная угроза жизни завещателя (стихийные бедствия, боевые действия, катастрофы и т.п.), с одной стороны, и невозможность совершить завещание в иной форме – с другой.² Автор в данном случае, на

¹ Наследственное право / Под ред. К. Б. Ярошенко. – М.: "Волтерс Клувер", 2005.

² Там же.

наш взгляд, говорит о двух составляющих, при наличии которых можно говорить о действительности завещания, составленного в чрезвычайной обстановке: во – первых, непосредственная угроза жизни завещателя, и, во – вторых, отсутствие возможности составления завещания в квалифицированной форме.

Несмотря на то, что в перечисленных выше случаях предусмотрена возможность составления завещания в неквалифицированной форме, общим правилом является требование о его нотариальном удостоверении. Нарушение правил о форме завещания влечет его ничтожность (абз. 2. п. 1 ст. 1124 ГК РФ), но не в силу пункта 1 ст. 165 ГК РФ. При этом исполнение сделки путём применения пункта 2 ст. 165 ГК РФ невозможно.

Коллизионные вопросы действительности завещания в государствах – участниках СНГ разрешаются единым образом на основании ст. 47 Минской Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам¹, в соответствии с которой завещание или его отмена не могут быть признаны недействительными вследствие несоблюдения формы, если последняя удовлетворяет требованиям права места его составления. Данная Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 10 декабря 1994 г., действует в отношении следующих государств: Белоруссия, Узбекистан, Казахстан, Россия, Таджикистан, Армения, Украина, Киргизия, Молдавия, Азербайджан, Грузия, Туркмения.

¹ Минская Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г.: ратифицирована Федеральным законом от 4 августа 1994 г. № 16 – ФЗ // СЗ РФ. – 1995. – № 17. – Ст. 1472.

Е. В. Рузанова

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права ФГАОУ ВО "Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П. Королева (национальный исследовательский университет)".
e.v.ruzanova@mail.ru

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ВСЛЕДСТВИЕ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ГРАЖДАН: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

QUESTIONS OF IMPROVING THE LEGISLATION IN THE FIELD OF LIABILITY AS A CONSEQUENCE OF INFLICTING HARM TO UNDERAGE CITIZENS: THEORY AND PRACTICE

Статья посвящена исследованию особенностей обязательств вследствие причинения вреда с участием несовершеннолетних, При этом обращается внимание на предпосылки участия в них несовершеннолетних граждан, их структуру, состав и механизмы возмещения вреда. Автор выявляет основные направления совершенствования законодательства в указанной сфере и предлагает внести изменения в целый ряд нормативных правовых актов.

Ключевые слова: Обязательства вследствие причинения вреда; несовершеннолетний; потерпевший; причинитель вреда; вина; право на возмещение вреда.

The article investigates the features of obligations owing to inflicting harm involving minors; wherein drawing attention to the conditions of participation in them underage citizens, their structure, stuff and mechanisms of redress. The author identifies the main directions of improving the legislation in this area, and proposes to amend a number of regulations.

Вопросы совершенствования законодательства
в сфере обязательств вследствие причинения вреда с участием
несовершеннолетних граждан: вопросы теории и практики

Keywords: liability owing to inflicting harm, underage, the victim, the tortfeasor, the guilt, the right to compensation.

В настоящее время, когда идет реформирование гражданского законодательства, ученым с особой интенсивностью необходимо подключиться к этому процессу и, прежде всего, к доктринальной разработке проблем правового регулирования тех отношений, совершенствование регламентации которых еще предстоит¹. К таким отношениям, в частности, относятся обязательства вследствие причинения вреда с участием несовершеннолетних граждан.

Гражданско – правовое обязательство представляют собой определенную юридическую модель взаимодействия субъектов, которая в статическом состоянии уже заложена в порождающих обязательство юридических фактах, однако «степень» и способ такого моделирования зависят от особенностей юридического факта. Предусмотренная в законе модель внедоговорного обязательства не выступает его «содержательным продолжением», а лишь предопределяется спецификой юридического факта (юридического состава). «Качество» связи внедоговорных обязательств с юридическим фактом заключается в том, что последний лишь порождает такие обязательства, но их содержание определяется либо исключительно законом, либо законом и волей одного из участников обязательства. Таким образом, внедоговорные обязательства функционируют «по логике закона». Полагаем, что типовое единство внедоговорных обязательств является некой альтернативой единству договорных обязательств. Главная же особенность формирования признаков внедоговорных обязательств состоит в том, что каждый из таких признаков, как правило, вариативен, поскольку эти обязательства разнообразны².

Обязательства вследствие причинения вреда как вид внедоговорного обязательства представляют собой дифференцированное единство, проистекающее из факта причинения вреда в результате нарушения прав, носящих абсолютный характер, и

¹ Камышанский В. П. Приватизация как способ распоряжения государственным и муниципальным имуществом // Закон. – 2005. – № 11; Камышанский В. П. Некоторые проблемы приватизации земельных участков особо охраняемых природных территорий // Хозяйство и право. – 2008. – № 10. – С. 63-68.

² См.: Носов В. А. Понятие внедоговорных обязательств. Защита субъективных прав и советское гражданское судопроизводство: межвуз. тематический сборник / под ред. П. Ф. Елисейкина. Ярославль, – 1977. –С. 41-43.

своей восстановительной направленности (функции). Под обязательством вследствие причинения вреда нами понимается внедоговорное обязательство, возникающее в результате нарушения имущественных и личных неимущественных прав потерпевшего, носящих абсолютный характер, и призванное обеспечить наиболее полное восстановление этих прав путем возмещения вреда потерпевшему, либо и иному лицу, которое понесло имущественные потери в связи с причинением вреда, причинителем вреда либо иными лицами, указанными в законе. В рамках данного обязательства в силу его общей компенсационной направленности принципиальное значение имеет только основание его возникновения, т.е. необходимо ли для приведения в действие компенсационного механизма, заложенного в этом обязательстве, наличие правонарушения (полного или с усеченным составом) или достаточно правомерного причинения вреда. Само же обязательство функционирует по единой логике, независимо от того, является ли оно проявлением ответственности или нет, что не исключает дифференциацию его правового регулирования при определении механизмов возмещения вреда.

Обязательства вследствие причинения вреда с участием несовершеннолетних обладают значительным содержательным и структурным своеобразием. Многосубъектность данного вида обязательств и множественность участвующих в них лиц приводят к формированию многообразных структур этого правоотношения, свидетельствующих о вариативности его правовых моделей¹. На основе характера юридической связи субъектов предлагается следующая система указанных обязательств, включающая в себя целый ряд элементов:

а) единые правоотношения, осложненные множественностью лиц (например, солидарное обязательство родителей по возмещению вреда, причиненного их малолетним ребенком);

б) сцепленные правоотношения, где имеет место многосубъектность (в частности, субсидиарное обязательство родителей (усыновителей) возместить причиненный их несовершеннолетним

¹ Некоторые авторы отождествляют понятия «множественность лиц» и «множественность субъектов» (см.: например: Ананьева К. Я. Исполнение обязательств с множественностью субъектов в них // Юридическая наука. – 2012. – № 2. – С. 47), однако К. А. Сердюков справедливо указывает, что управомоченный субъект в правоотношении всегда один, а соуправомоченные лица являются только элементами такого субъекта (см.: Сердюков К. А. Правоотношения с множественностью лиц в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук: Ростов н/Д., – 2011. – С. 37).

Вопросы совершенствования законодательства
в сфере обязательств вследствие причинения вреда с участием
несовершеннолетних граждан: вопросы теории и практики

ребенком вред при недостаточности у него имущества (доходов) для этого);

в) сопутствующие правоотношения (включая регрессные требования страховой организации к лицу, которое причинило вред несовершеннолетнему гражданину; обязательства по возмещению родителю расходов, понесенных им на лечение ребенка в связи с причинением вреда здоровью последнего; возмещение родителю утраченного заработка (дохода) в случае прекращения им трудовых отношений в связи с необходимостью ухода за несовершеннолетним ребенком, здоровью которого причинен вред);

г) самостоятельные правоотношения, возникающие в результате ущемления имущественной сферы одного лица вследствие причинения вреда другому лицу (несение расходов на погребение потерпевшего).

Предпосылкой участия несовершеннолетних граждан в обязательствах вследствие причинения вреда в качестве должников (в возрасте от 14 до 18 лет) и лиц, несущих в этом случае субсидиарную ответственность, а также лиц, являющихся субъектами ответственности за причинение вреда малолетними, является их деликтоспособность. Полагаем, что статус указанных субъектов как должников в обязательствах вследствие причинения вреда должен быть расширен путем возложения на них обязанности по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями, но без субсидиарного привлечения к несению такой обязанности лиц, указанных в ст. 1074 ГК РФ¹.

Общими предпосылками участия несовершеннолетнего в обязательствах вследствие причинения вреда в качестве потерпевшего (кредитора) являются: в отношении малолетних – наличие у них правоспособности, а также правоспособности и дееспособности у лиц, осуществляющих их права; касательно граждан от 14 до 18 лет – наличие у них правоспособности и дееспособности. В связи с этим предлагается на уровнях правоспособности и дееспособности говорить соответственно о способности гражданина иметь право на возмещение причиненного вреда и о способности

¹ Некоторые авторы, анализирующие проблемы возмещения внедоговорного вреда, предлагают именовать лицо, обязанное к возмещению вреда компенсатором (возместителем), что не вызывает принципиальных возражений (см.: Шабунина И. С. Понятие и особенности возникновения обязательства вследствие причинения вреда: дис. ... канд. юрид. наук – Ульяновск, – 2004. –С. 36).

своими действиями осуществлять указанное право, а применительно к субъективному праву использовать словосочетание «право требовать возмещения вреда».

Обязательства вследствие причинения вреда, возникающие из правонарушения, можно разделить на две основные группы: порождаемые гражданско – правовыми деликтами и правонарушениями иной отраслевой принадлежности. Такое деление имеет практическое значение, поскольку позволяет разграничить правовые, прежде всего процессуальные, механизмы реализации права потерпевшего на возмещение вреда.

Основание, условия возникновения и структура обязательств вследствие причинения вреда, в которых должниками или кредиторами выступают несовершеннолетние граждане, имеют такие существенные особенности, которые свидетельствуют об их видовой самостоятельности. Условия возникновения данных обязательств следует отнести к числу специальных. Относительно малолетних речь идет только об ответственности родителей (усыновителей, опекунов). Специфика основания проявляется в усложнении состава за счет таких элементов, как противоправное поведение и причинно – следственная связь. Противоправное поведение имеет двухзвенную структуру: первое (основное) звено составляет противоправное бездействие родителей (лиц, их заменяющих), второе звено образуют действия малолетнего как результат бездействия законных представителей. При этом между поведением законных представителей и действиями ребенка возникает одна причинно – следственная связь, а между действиями ребенка и вредом – другая. Ответственность несовершеннолетнего от 14 до 18 лет и ответственность родителей (усыновителей, попечителей) порождена, хотя и взаимосвязанными, но разными составами правонарушений. Второй состав носит условный (факультативный) характер и вступает в силу не всегда и не одновременно с первым, а только при недостаточности имущества несовершеннолетнего.

При формулировании понятия вины родителей (лиц, их заменяющих) необходимо базироваться не на простом описании их противоправного поведения как такового, а на «психической концепции» вины¹. Во избежание противоречивой судебной практики

¹ См., например: Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. – Л.: Изд-во АГУ, 1955. –С. 113.

Вопросы совершенствования законодательства в сфере обязательств вследствие причинения вреда с участием несовершеннолетних граждан: вопросы теории и практики

в теории неоднократно предлагалось закрепить понятие вины родителей в законе¹.

В состав вины данных лиц должны включаться не только неисполнение (ненадлежащее исполнение) ими своих обязанностей по воспитанию и надзору, но и по содержанию детей, поскольку нередко причинение вреда последними является следствием их ненадлежащего содержания. С точки зрения влияния на поведение ребенка не имеет юридического значения, идет ли речь об обязанности родителей (усыновителей) содержать своих детей (ст. 80 СК РФ), или же об обязанности опекунов (попечителей) заботиться о содержании своих подопечных (ст. 36 ГК РФ).

Критерии вины лиц, обязанных осуществлять воспитание детей и лиц, несущих обязанность только по надзору за ними, существенно отличаются, что особенно необходимо иметь в виду на практике². На основе анализа зарубежного опыта можно сделать вывод о необходимости изменения представлений о небрежном надзоре со стороны школьных учебных заведений с тем, что бы признать предсказуемость вреда, причиняемого запугиванием одних учащихся другими, и причинную связь между бездействием должностных лиц и вредом для потерпевших. В настоящее время решение указанной проблемы видится в расширительном толковании ст. 1065 ГК РФ, согласно которой опасность причинения вреда в будущем может явиться основанием к иску о запрещении деятельности, создающей подобную опасность.

Поскольку вред на стороне ребенка может возникать и по вине его родителей (усыновителей, опекунов) в неосуществлении должного воспитания и надзора, то предлагается легально решить вопрос о привлечении указанных лиц к ответственности в порядке регресса. Кроме того, с нашей точки зрения необходимо распространить правило об учете вины потерпевшего и на граждан в возрасте от 14 до 18 лет, сделав в п. 3 ст. 26 ГК РФ соответствующую отсылку к ст. 1083 ГК РФ.

Последствия причинения вреда здоровью несовершеннолетних обладают специфическими чертами, а именно: их результат

¹ См.: Сафонова Ю. Б. О некоторых особенностях гражданско – правовой ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними гражданами // Вопросы ювенеальной юстиции. –2012. –№ 2. –С. 25.

² Камышанский В. П., Ветер Н. Ю. Обход закона и злоупотребление правом: общее и особенное // Власть закона. – 2013. – № 4 (16). – С. 19.

может повлиять на выбор профессии и, соответственно, на дальнейший доход потерпевшего; точно просчитать отрицательный эффект причинения вреда, который проявится в будущем, невозможно; дети особенно восприимчивы к вреду, который наносится их здоровью действиями (бездействием) их родителей (усыновителей). В связи с этим следует разработать комплекс легальных нововведений, позволяющих учесть перечисленные особенности.

Так, в связи с невозможностью с необходимой точностью предвидеть (просчитать) последствия причинения вреда здоровью несовершеннолетнего гражданина на будущее время при определении размера возмещения вреда (ежемесячных платежей и дополнительных расходов) предлагаем основываться на презумпции «максимально возможного неблагоприятного последствия» и руководствоваться «принципом опережающего возмещения», смысла которого состоит в применении нормативно установленного коэффициента «возрастной реабилитации».

Цель введения этого коэффициента для выплат, указанных в ст. 1087 ГК РФ, заключается в учете предполагаемых (вероятных) имущественных потерь, вызванных ограничением возможностей несовершеннолетнего в будущем в полной мере реализовать свои способности к деятельности, приносящей доход, в связи с причинением вреда его здоровью.

Относительно дополнительных расходов использование названного коэффициента предопределяется необходимостью осуществления таких вложений в восстановление здоровья несовершеннолетнего, которые в силу особенностей его организма и задачи обеспечения здоровья во взрослом состоянии априори превышают установленный стандарт дополнительных расходов.

Выявление конституционного смысла права на возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина, позволяет нам обосновать существование системы разноотраслевых механизмов и механизмов возмещения такого вреда, относящихся к различным институтам гражданского права, и установить их соотношение через призму субсидиарности применения гражданско – правового механизма как приема законодательной техники, отражающего их взаимодействие.

Нами установлено наличие следующих самостоятельных механизмов возмещения вреда, приводимых в действие фактом причинения вреда жизни и здоровью несовершеннолетнего лица и имеющих общую компенсационную направленность:

Вопросы совершенствования законодательства
в сфере обязательств вследствие причинения вреда с участием
несовершеннолетних граждан: вопросы теории и практики

а) механизм возмещения посредством мер обязательного социального страхования (механизм социального страхования);

б) механизм страхового возмещения на основании гражданско – правовых договоров о страховании ответственности (механизм страхования ответственности);

в) механизм возмещения в рамках собственно обязательства вследствие причинения вреда (гражданско – правовой механизм).

Их взаимодействие, по нашему мнению, выражается в субсидиарном применении норм об обязательствах вследствие причинения вреда по отношению к нормам других механизмов возмещения, первоочередное действие которых осуществляется либо в обязательном порядке (механизм социального страхования), либо в результате выбора механизма возмещения потерпевшим (механизм страхования ответственности).

К основным направлениям совершенствования законодательства в указанной сфере считаем необходимым отнести следующие:

– усиление защиты прав и охраны интересов несовершеннолетних граждан как потерпевших в обязательствах вследствие причинения вреда;

– введение целого ряда специальных правил о порядке несения ответственности лицами, ответственными за вред, причиненный несовершеннолетними детьми;

– урегулирование вопросов, касающихся учета поведения несовершеннолетних граждан как потерпевших;

– установление содержания и соотношения механизмов возмещения вреда, причиненного несовершеннолетним лицам.

В настоящее время назрела необходимость легального закрепления на качественно новом уровне принципиальной специфики обязательств вследствие причинения вреда с участием несовершеннолетних граждан, как с позиции защиты прав и охраны интересов этих субъектов гражданского права как потерпевших, так и совершенствования их статуса как причинителей вреда и порядка несения ответственности лицами, ответственными за вред. В связи с этим предлагаем:

– ввести в ГК РФ новый специальный деликт – ответственность за причинение вреда несовершеннолетнему лицу его родителями (усыновителями), опекунами (попечителями);

– конкретизировать функции органов опеки и попечительства в части защиты прав несовершеннолетних детей, родители

(усыновители) которых причиняют им вред ненадлежащим исполнением своих обязанностей или злоупотреблением правами, а также установить их обязанность обращаться с исками в суд о возмещении вреда или о компенсации морального вреда, причиненного детям, родители (усыновители) которых не могут или не желают такие иски предъявлять, либо когда причинителями вреда являются их родители (усыновители)», дополнив соответствующими положениями п.п. 1 п.1 ст. 7 и п.п. 2 п. 1 ст. 8 ФЗ «Об опеке и попечительстве»;

– предоставить судам легальную возможность подходить к установлению деликтной ответственности индивидуально с учетом степени развития несовершеннолетнего и его психического здоровья;

– возложить на несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет обязанность по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями, сделав в п. 1 ст. 1074 ГК РФ отсылку к п. 3 ст. 1064 ГК РФ,

– закрепить солидарную ответственность родителей (усыновителей) за вред, причиненный их малолетними детьми, указав об этом в п. 1 ст. 1073 ГК РФ;

– распространить правила ст. 1072 ГК РФ об обязанности страхователя возмещать разницу между страховым возмещением и фактическим размером ущерба на сферу социального страхования и предоставить причинителю вреда, застраховававшему свою ответственность, право в случае возмещения им в установленном порядке вреда управомоченному лицу предъявлять регрессное требование к страховщику;

– в ст. 1081 ГК РФ установить возможность привлечения к ответственности в порядке регресса законного представителя с учетом степени его вины за действия малолетнего, способствовавшие причинению последнему вреда третьим лицом;

– дополнить п. 4 ст. 1081 ГК РФ указанием на то, что лицо, возместившее вред в соответствии со ст. 1073 и 1074 ГК РФ, приобретает право требовать с каждого из других лиц, которые были обязаны возместить соответствующий вред, долю выплаченного потерпевшему возмещения в размере, соответствующем степени вины такого лица (при невозможности определить степень вины доли признаются равными);

– закрепить в ст. 1087 ГК РФ принцип приоритетного применения ГК РФ для расчета выплат, осуществляемых несовершеннолетнему гражданину в порядке социального страхования;

Вопросы совершенствования законодательства
в сфере обязательств вследствие причинения вреда с участием
несовершеннолетних граждан: вопросы теории и практики

– установить, что взыскание страхового возмещения за причиненный вред здоровью в пользу несовершеннолетнего работника должно производиться с Фонда социального страхования и в том случае, когда работодатель, в нарушение установленных требований, не уплачивал страховые взносы;

– урегулировать условия компенсации морального вреда, причиненного несовершеннолетними и смертью несовершеннолетнего гражданина;

– в целях межотраслевой гармонизации правового регулирования в этой сфере ввести нормы об обязательности решения вопроса о возмещении вреда несовершеннолетним детям по делам о лишении родительских прав и об отмене усыновления, а также сделать отсылки к гл. 59 ГК РФ именно как к способу защиты прав несовершеннолетнего гражданина в статьях, посвященных отстранению опекуна и попечителя от исполнения возложенных на них обязанностей (ст. 29 Закона «Об опеке и попечительстве») и прекращению договора о приемной семье (ст. 153.2 СК РФ);

– установить презумпцию «максимально возможного неблагоприятного последствия» причинения вреда здоровью несовершеннолетнего гражданина и руководствоваться «принципом опережающего возмещения», предполагающим применение коэффициента «возрастной реабилитации», указание о котором внести в ст. 1087 ГК РФ;

– создать специальный фонд с целью оплаты дополнительных расходов в случаях, требующих экстренных мер по восстановлению здоровья несовершеннолетнего;

– закрепить в п. 1 ст. 1085 ГК РФ право родителя на возмещение ему утраченного заработка (дохода) в случае прекращения трудовых отношений в связи с необходимостью ухода за несовершеннолетним ребенком, здоровью которого причинен вред;

– гарантировать, что в случае усыновления несовершеннолетнего за ним сохраняется право на возмещение вреда в связи со смертью кормильца, и внести указание об этом в ст. 1088 ГК РФ;

– ввести норму, закрепляющую право несовершеннолетних детей на получение возмещения в размере, который они получали при жизни кормильца, но не менее размера полагающихся им алиментов, а в случае, если он их не содержал, то в размере алиментов;

– изменить условия реализации права на возмещение вреда в форме единовременного платежа, предусмотрев в п. 1 ст. 1092

ГК РФ презумпцию уважительности причин и невозможности учета имущественного положения юридического лица;

– установить дополнительные гарантии реализации права несовершеннолетних потерпевших на возмещение вреда в случае смерти причинителя вреда путем внесения в перечень лиц, имеющих право обратиться к нотариусу с заявлением об охране наследства и управлении им, представителей малолетних и несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет и закрепления за ними первоочередного права на удовлетворение требования о возмещении вреда, причиненного здоровью несовершеннолетнего или смертью его кормильца (ст. 1171, 1174 ГК РФ).

Считаем, что сегодня необходимо самым активным образом приступить к формированию межотраслевого института предупреждения причинения вреда в направлении охраны прав и интересов несовершеннолетних граждан и разработать правовые подходы, определяющими степень вмешательства государства в отношения родителей и детей. Одно из центральных мест в нем должны занять нормы института опеки и попечительства¹, дополненные положениями, регламентирующими предупреждение причинения вреда несовершеннолетним, распространяющими свое действие и на детей, не лишенных родительского попечения.

¹ Диденко А. А. Современная система источников российского гражданского права // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2007. – № 30. – С. 209.

Н. В. Фомичева

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского
и семейного права ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная
юридическая академия»,
tretkolsar@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УДОСТОВЕРЕНИЯ РЕ- ШЕНИЙ СОБРАНИЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБ- ЩЕСТВ

TOPICAL ISSUES OF IDENTITY – MAKING MEET- INGS OF BUSINESS ENTITIES

В работе освещаются проблемы удостоверения решений общих собраний хозяйственных обществ, возникшие после внесения в мае 2014 года изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, в частности, введения новой статьи 67.1. Отмечается разный подход законодателя к порядку удостоверения решений собраний акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью, а также коллизии в удостоверении решений хозяйственных обществ с одним участником.

Ключевые слова: Хозяйственные общества; акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью, общие собрания участников, формы проведения, удостоверение решений.

This paper highlights the problems of identity decisions of general meetings of companies, incurred after the introduction in May 2014 amendments to the Civil Code of the Russian Federation, in particular, the introduction of a new article 67.1. There different approach lawmakers to order certificates making meetings of joint stock companies and limited liability companies, as well as conflicts in identity solutions business entities with one participant.

Keywords: Business companies; joint stock companies; limited liability companies; the general meeting of participants; format; identity solutions.

Высшим органом управления хозяйственного общества является общее собрание участников, которое принимает решения по ключевым вопросам деятельности общества. Компетенция общего собрания, а также процедуры его созыва, проведения и принятия решения довольно подробно прописаны в

нормах Гражданского кодекса Российской Федерации¹ о хозяйственных обществах, а также в специальных законах, регулирующих деятельность акционерных обществ² и обществ с ограниченной ответственностью³.

Анализ судебной практики по корпоративным спорам показал, что не смотря на подробное законодательное регулирование вопросов управления и контроля в хозяйственных обществах, нарушений в указанной области довольно много. Среди них особо можно выделить споры, связанные с нарушением порядка созыва общего собрания хозяйственных обществ, кворума при принятии решения⁴ и самой процедуры принятия решения⁵, споры связанные с приватизацией государственного и муниципального имущества.⁶

Это послужило одной из причин внесения в мае 2014 года изменений в главу Гражданского кодекса Российской Федерации о юридических лицах и следом за ними в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Часть изменений коснулись вопросов ужесточения контроля за принятием решений общим собранием хозяйственного общества, а именно удостоверения состава участников общества, присутствовавших на собрании и принятия им решения (ст. ст. 67.1; 97 ГК РФ, при этом указанные изменения не были внесены в ФЗ «Об АО» и ФЗ «Об ООО»).

Новые нормы, во-первых, носят превентивный характер и дисциплинируют участников хозяйственного общества при принятии решений, поскольку принятое с нарушением установленного

¹ СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2015. – № 29 (часть 1). – Ст. 4384.

² См.: Федеральный закон от 26.12.2005 № 208 – ФЗ (ред. От 29.06.2015) «Об акционерных обществах» // СЗ РФ, –1996. – № 1. – Ст. 1; 2015. – № 27. – Ст. 4001.

³ См.: Федеральный закон от 08.02.1998 № 14 – ФЗ (ред. От 29.06.2015) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. –1998. – № 7. – Ст. 785; – 2015. № 27. – Ст. 4001.

⁴ Седова Н. А. Гражданско-правовой режим имущества акционерных обществ в агропромышленном комплексе (АПК): диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Краснодар, 2006.

⁵ Диденко А. А. Публичная компания как организационно-правовая форма юридического лица // Власть Закона. – 2014. – № 2 (18). – С. 68

⁶ Камышанский В. П. Приватизация как способ распоряжения государственным и муниципальным имуществом // Закон. – 2005. – № 11; Камышанский В. П. Некоторые проблемы приватизации земельных участков особо охраняемых природных территорий // Хозяйство и право. – 2008. – № 10. – С. 63-68.

порядка решение не будет удостоверено нотариусом или реестродержателем и не будет иметь юридической силы, а следовательно не может быть использовано в дальнейшем обществом в своей хозяйственной деятельности, во – вторых, представляют собой дополнительный механизм защиты прав участников хозяйственных обществ от подделки протоколов общих собраний с одной стороны.

В частности, принятие общим собранием участников публичного акционерного общества и состав присутствовавших на нем участников должен быть подтвержден реестродержателем, выполняющим на собрании одновременно функцию контролирующего органа и функцию счетной комиссии, а в отношении непубличного акционерного общества – нотариусом или реестродержателем, выполняющим на собрании функцию счетной комиссии. При этом способов удостоверения принятия решения общим собранием и состав его участников для обществ с ограниченной ответственностью данной же нормой шире. Участники общества с ограниченной ответственностью вправе предусмотреть в Уставе общества или принятом единогласно решении вместо нотариального удостоверения иной способ удостоверения принятия решения общим собранием и состав участников. Перечень способов удостоверения решения собрания Закон не содержит, поэтому участники общества с ограниченной ответственностью вправе избрать любой, не противоречащий Закону и устраивающий всех участников. Это может быть, например, подписание протокола всеми или определенной частью участников; применение технических средств, позволяющих достоверно установить факт принятия решения и состава участников; проведение собрания в режиме видеоконференции и др.

Таким образом, участникам ООО предоставлено больше возможностей в фиксации факта принятия решения общим собранием и его состава, чем участникам акционерных обществ. Такая позиция законодателя не понятна и вызывает вопросы. В чем же принципиальная разница между общим собранием участников акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью, что для одних установлены императивные правила, а для других диспозитивные? Представляется, что ничем. А акционерные общества с введением указанных правил поставлены в заведомо худшее положение, поскольку при проведении собрания должны нести дополнительные финансовые расходы по оплате услуг нотариуса или реестродержателя.

Какова правовая природа рассматриваемых действия нотариуса и реестродержателя и границы их ответственности ?

Из анализа п.3 ст. 67.1 ГК РФ вытекает, что на регистратора законом возложено две функции – удостоверительная (удостоверить число присутствующих участников и принятие ими решения) и организационная (к полномочиям счетной комиссии относится проверка полномочий и регистрация участвующих в общем собрании лиц, определение кворума общего собрания акционеров, разъяснение вопросов, возникающих в связи с реализацией акционерами либо их представителями права голоса на общем собрании, разъяснение порядка голосования, обеспечение установленного порядка голосования и прав акционеров на участие в голосовании, подсчет голосов и подведение итогов голосования, оформление протокола об итогах голосования, передача в архив бюллетени для голосования). Нотариус же функцией счетной комиссии не наделен, а, следовательно, не может не только осуществить проверку законности принятого решения, но и проверить наличие кворума и соблюдение процедуры голосования. Более того, в соответствии со ст. 103.10 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате¹ нотариус удостоверяет число присутствующих участников хозяйственного общества и принятие ими решения на основании кворума и наличия голосов, необходимых для принятия решения, на основании данных, представленных счетной комиссией. Таким образом, нотариус не может отвечать за достоверность данных, предоставленных счетной комиссией, что, безусловно, сводит производимое им удостоверение к формальной, не имеющей значения для третьих лиц, процедуре.

Рассматриваемая норма об удостоверении решения общего собрания акционерных обществ нотариусами косвенно блокирует применение ст. 50 ФЗ «Об акционерных обществах», предусматривающей заочную форму проведения собрания, поскольку в соответствии со ст. 103.10 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате нотариус должен лично присутствовать на собрании. Заочную процедуру поведения общего собрания могут удостоверить только регистраторы, осуществляющие функции счетной комиссии. Таким образом, анализ функций нотариуса и регистратора, возложенных на них ст. 67.1 ГК РФ, и полномочий, предоставленных иными нормативными актами, позволяет прийти к выводу о формальности действий нотариуса, отсутствии

¹ Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 10. – Ст. 357; СЗ РФ. – № 13. – Ст. 1811.

в них юридической значимости. Представляется, что необходимо исключить нотариуса из круга лиц, удостоверяющих решения собраний хозяйственных обществ, сохранив эти полномочия только за профессиональными регистраторами.

Необходимость применения рассматриваемой нормы вызвало вопросы у акционерных обществ, созданных одним лицом, или состоящих из одного акционера, владеющего 100 % акций общества. В таком обществе решения по вопросам, относящимся к компетенции общего собрания акционеров, принимаются единственным учредителем или единственным акционером единолично и оформляются письменно. Положения закона о порядке и сроке подготовки, созыва и проведения общего собрания акционеров к указанным обществам не применяются, за исключением нормы, регуливающей сроки проведения годового общего собрания. Из буквального толкования ст. 67.1 ГК РФ никаких исключений по числу участников не установлено, то есть и акционерных общества, состоящие из одного участника, должны удостоверять решения. Из буквального же толкования указанной нормы возникает и трудность ее применения для обществ, состоящих из одного участника, поскольку в норме говорится об удостоверении решения общего собрания, а в хозяйственных обществах, состоящих из одного участника, решения принимаются не в форме и не по процедуре общего собрания, а в виде единолично принятого решения. Представляется, что единолично принятое решение не может рассматриваться как решение общего собрания, поскольку собрание представляет собой совместное присутствие где –нибудь членов коллектива для обсуждения, решения каких –нибудь вопросов¹, а в рассматриваемой ситуации в акционером обществе всего один акционер. Так же под буквальным принятием решения понимается согласие с чем –нибудь, утверждение голосованием², чего в свою очередь невозможно обнаружить в акционерном обществе с единственным акционером. Также из буквального толкования п.3 ст. 67.1 ГК РФ следует, что указанная норма определяет порядок подтверждения состава участников хозяйственного общества, присутствующих на собрании, а также сам факт принятия решения именно присутствующими на собрании участниками. Иным словами нотариус или реестродержатель, присутствующий на общем

¹ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1994. – С. 729.

² Там же. С. 585.

собрании хозяйственного общества, должен подтвердить наличие одновременно двух обстоятельства: количество присутствующих на собрании участников и принятие этим же количеством участников решения. Представляется, что в хозяйственном обществе с одним участником указанные юридически значимые обстоятельства, нуждающиеся в специальном способе удостоверения, отсутствуют, что позволяет утверждать о неприменимости к таким обществам требований, установленных подп. 1 и 2 п. 3 ст. 67.1 ГК РФ.

Подобной позиции придерживается и Банк России в Письме от 18.08.2014 № 06 – 52/6680 «О некоторых вопросах, связанных с применением отдельных положений Федерального закона от 05.05.2014 N 99 – ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»¹.

Однако, на практике банки и другие участники гражданского оборота, при заключении сделок с акционерными обществами, состоящими из одного участника, требуют удостоверения единолично принятого решения по правилам ст. 67.1 ГК РФ, ссылаясь на то, что во – первых, правила об удостоверении решения общего собрания акционеров, закрепленные в ст. 67.1 ГК РФ, не поименованы в перечне исключений, содержащихся в п. 3 ст. 47 ФЗ «Об акционерных обществах», а также не могут напрямую быть отнесены ни к срокам, ни к порядку созыва и проведения общего собрания, а во – вторых, Письмо банка России является не нормативным актом, а актом толкования, расширительно толкует норму, содержащуюся в ст. 67.1 ГК РФ, а следовательно не может быть применен.

¹ Вестник Банка России. – 2014. – N 74.

С. А. Закирова

кандидат юридических наук
преподаватель ФГБОУ ВО
«Российский государственный
университет правосудия»
(г. Ростов – на – Дону)
yaprishla@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БРАЧНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF MAR- RIAGE LEGAL RELATIONSHIP

Рассматривается понятие брачного правоотношения. Дается характеристика нормативно – правовых источников, которые регламентируют брачные правоотношения, определяется момент возникновения этих правоотношений. Ядром семейных отношений являются брачные правоотношения, отражающие духовно – нравственное единство супругов. Анализируется взаимодействие государства на регулирование брачных правоотношений.

Ключевые слова: Пробелы правового регулирования; брачные правоотношения; семья; нормативно – правовые источники; судопроизводство; нравственные нормы; юридический факт; кризис института брака.

The concept of marriage legal relationship is considered. The characteristic of standard and legal sources which regulate marriage legal relationship is given, the moment of emergence of these legal relationship is defined. Kernel of the family relations are the marriage legal relationship reflecting spiritual and moral unity of spouses. State interaction on regulation of marriage legal relationship is analyzed.

Keywords: Gaps of legal regulation; marriage legal relationship; family; standard and legal sources; legal proceedings; ethical standards; legal fact; crisis of institute of marriage.

Институт брака считается центральным в семейном праве любого государства. Традиционным способом создания семьи является брак. Мораль, нравственность, обычаи, традиции, религия, культура, идеология – явления тесно связанные с процессом эволюции института брака. Влияние этих реалий оказывают

существенное воздействие на сферу семейно – брачных отношений не только частных лиц, но и всего общества в целом.

Современную нравственную ситуацию в обществе объективно и справедливо отражает Камышанский В. П.: «В духовной жизни людей, особенно молодого поколения и пожилых людей, возникает и нарастает состояние внутренней пустоты. Витает дух безысходности и полное отсутствие каких – либо перспектив и уверенности в завтрашнем дне. В этих условиях одни россияне уже начинают привыкать жить одним днем, другие продолжают задумываться над смыслом жизни и, не получив ответа, теряют интерес к ней, что приводит к девальвации собственной жизни, утрате идеалов и формированию интересов антисоциальной направленности»¹. Учитывая вышеизложенное следует отметить, что изучение брачного правоотношения невозможно без учета его духовно – нравственной составляющей.

Сложность различий понятия брака, как правоотношения и брака, как юридического факта кроется в особой специфике самого содержания понятия. Так, например, А. М. Нечаева говорит о браке как о пожизненном союзе женщины и мужчины, заключаемом с целью создания семьи»². А. М. Белякова добавляет, что данный союз юридически свободный и добровольный³. По мнению Г. М. Свердлова – брак моногамный союз равноправных мужчины и женщины⁴. В. А. Рясенцев, добавляет, что брак должен быть заключен в установленном порядке с соблюдением требований закона⁵. О. Д. Югай склоняется к тому, что брак представляет собой содержание различных правоотношений, которые в совокупности образуют институт особого рода. И именно посредством юридического факта, а в данном случае, по мнению автора – это государственная регистрация отношений, рождается брак⁶. По мнению И. В. Афанасьевой, сторонники признания брака союзом правы. Правильность этой позиции подтверждается тем, что после заключения брака правоотношения супругов не прекращаются, а наобо-

¹ Камышанский В. П. О праве, нравственности и государстве // Власть Закона – № 4 (16). – 2013. – С. 11 – 12.

² Нечаева А. М. Правонарушения в личных семейных отношениях. – М.: Наука, 1991. – С. 5.

³ Белякова А. М. Указ. соч. – С. 8.

⁴ Свердлов Г. М. Советское семейное право. – М.: Госюриздат, 1958. – С. 96.

⁵ Рясенцев В. А. Указ. соч. – С. 67.

⁶ Югай О. Д. Указ. соч. – С. 26.

рот, продолжают в виде длительного правоотношения – состояния в браке. Поскольку заключение брака создает семью, поэтому брак и семья теснейшим образом связаны между собой¹. Здесь логично заметить, что состояние в браке само по себе как самоцель, бывает крайне редко. Практически всегда брачное правоотношение перерастает в семейное. О. А. Хазова, А. М. Нечаева, давая определение брака как добровольного и равноправного союза мужчины и женщины, порождающего между супругами гражданские правоотношения, считают его сделкой². Данное определение имеет погрешности, так как не учитывает духовно – нравственную составляющую института брака. Согласно действующему семейному законодательству, государство признает только такой брак, который зарегистрирован в уполномоченных органах. В противном случае стороны не наделяются правовым статусом супругов и лишены возможности защищать свои права, так как такой союз не влечет никаких правовых последствий. Брак, который заключен только в церкви, не имеет юридического статуса.

Основываясь на изученной теоретической литературе, определим, что юридическое состояние в браке следует относить к категории правоотношения. Отличительной чертой этого состояния является относительная стабильность. Состояние лица в браке рассматривается в юридической литературе как брачное отношение, возникающее в силу юридических фактов. Следует согласиться с классификацией юридических фактов актов гражданского состояния О. Ю. Юрченко, в соответствии с которой, заключение брака – акт гражданского состояния, влекущий изменение гражданского состояния³. Таким образом, документ подтверждающий регистрацию брака – ничто иное, как правоизменяющий юридический факт. *Регистрация брака является завершающим юридическим фактом. Административный акт органа ЗАГСа легитимирует отношения, порождая их возникновение между супругами. Эти правоотношения и представляют собой институт особого рода, который дает толчок для возникновения и развития семейных отношений, включающих в себя не только личные неимущественные отношения, но и имущественные, воспитание детей. Ядром*

1 Югай О. Д. Указ. соч. – С. 26.

2 Нечаева А. М. Семейное право. – М. Юрайт, 2011. – С. 14.

3 Юрченко О. Ю. «К вопросу о классификации актов гражданского состояния» // – Власть Закона. – № 4 (16). – 2013 г. – С. 127.

семейных отношений, как уже говорилось ранее, являются брачные правоотношения, отражающие духовно – нравственное единство супругов.

Рассмотрев понятие брачного правоотношения, перейдем к характеристике и особенностям его правового регулирования. В теории государства и права под правовым регулированием понимается упорядочение общественных отношений, их юридическое закрепление, охрана и развитие которое осуществляется при помощи права и совокупности правовых средств¹. Таким образом, правовое регулирование – это целенаправленное воздействие на общественные отношения и поведение людей и с помощью юридических (правовых) средств.

Правовой комплекс регулирования брачных правоотношений состоит из нескольких основополагающих документов. В первую очередь, это международные многосторонние Конвенции и двусторонние международные договоры². Это следует из ст.15 Конституции РФ, в которой определено, что международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы и имеют приоритет перед законами и иными источниками внутригосударственного права. Конституция Российской Федерации, являясь основным законом нашей страны, устанавливает основные начала всей правовой системы страны. В соответствии со статьей 72 Конституции РФ семейное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ. Это означает, что семейно – правовые акты могут приниматься не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов РФ. Это, с одной стороны, позволяет обеспечить единообразие семейного законодательства, а с другой стороны, позволяет учитывать местные обычаи и особенности, которые существуют в различных регионах.

Основным нормативным актом, которые осуществляет правовое регулирование брачных правоотношений является Семейный кодекс РФ, в частности его третий раздел «Права и обязанности супругов». Следует отметить, что в отдельных случаях для регулирования брачных отношений используются нормы ГК РФ. Так

¹ Малько А. В. Теория государства и права. Учебник. – М.: Дело, 2014. – С. 76.

² Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью – Йорк, 19 декабря 1966.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17(1831); Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью – Йорк, 19 декабря 1966) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. XXXII. М., – 1978.

гражданское законодательство используется при определении понятий семейной правоспособности и дееспособности; при применении исковой давности к семейным отношениям; при изменении и расторжении брачного договора; при признании брачного договора недействительным; и другие.

Правила применения гражданского законодательства к семейным отношениям определены в ст. 4 СК РФ в которой указано, что гражданское законодательство применяется в тех случаях, если семейные отношения не урегулированы семейным законодательством или соглашением сторон или в том случае если применение норм гражданского законодательства не противоречит существу семейных отношений¹. При отсутствии таких норм права и обязанности членов семьи определяются исходя из общих начал и принципов семейного или гражданского права (аналогия права), а также принципов гуманности, разумности и справедливости.

Определимся с моментом начала брачных правоотношений. Общепринятой в науке семейного права считается точка зрения, согласно которой моментом начала брачных правоотношений является момент после того, как ЗАГС оформляет запись акта о заключении брака между конкретными лицами и им выдается свидетельство о заключении брака. Этот момент и является началом брачных правоотношений. Юридический факт заключения брака является началом возникновения личных и имущественных прав и обязанностей супругов, которые становятся субъектами отношений, которые регулируются семейным, гражданским правом, правом социального обеспечения и другими законами.

Брачные правоотношения характеризуются устойчивостью, определенностью. Итак, только зарегистрированный брак порождает правовые последствия. В этом имеется определенный смысл. Таким способом государство защищает и охраняет имущественные и личные неимущественные права граждан. Государство, также заинтересовано именно в юридическом оформлении брака. Вступив в брак, граждане, как правило, ведут совместное хозяйство, формируют единый бюджет, общими усилиями обеспечивают материальное благополучие своих детей и семьи в целом. Однако в современных рыночных условиях только лишь рамками общего хозяйства содержание возникающих между супругами

¹ Лескова Ю. Г. Некоторые проблемы применения норм Семейного кодекса РФ при реализации права на материнский капитал // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2014. – № 2. – С. 191.

имущественных отношений не исчерпывается. Зачастую, супруги являются собственниками различных видов имущества, в том числе сложного. Это могут быть предприятия, имущественные комплексы, ценные бумаги и т.д.

Супруги все чаще вступают в различные гражданско – правовые сделки, приобретают доли в капитале хозяйственных обществ и т.п. Вследствие этого как между самими супругами, так и между ними и третьими лицами складываются особые обязательства – правовые связи, специфика которых обусловлена действием законного режима супружеского имущества. СК РФ предоставляет супругам возможность самостоятельно урегулировать свои имущественные отношения посредством заключения брачных договоров, соглашений о разделе имущества, алиментных соглашений, которые также способствуют возникновению сложных правовых комбинаций, которые подпадают под действие различных режимов супружеского имущества. Из этого следует, что все, возникающие в рамках имущественных отношений между супругами сложные юридические конструкции нуждаются в четкой правовой регламентации, отвечающей реалиям современной экономической и социальной жизни. Это означает необходимость распространения на возникающие между супругами имущественные отношения норм не только семейного, но и гражданского права.

Однако, практика последних десятилетий выявила существенные недостатки и пробелы в правовом регулировании имущественных отношений между супругами. Так, несмотря на то, что СК РФ и предусмотрел гибкий механизм его приспособления к меняющимся потребностям семьи, он практически не касается правоотношений супругов по поводу раздельного имущества, порядка заключения соглашения о разделе имущества, вопросов раздела супружеских долгов, ответственности по обязательствам перед третьими лицами и т.п. Провозглашая своей целью среди прочего регулирование имущественных отношений между членами семьи (ст. 2 СК РФ), Семейный кодекс РФ определяет специфику отношений между супругами и их кредиторами (глава 9 СК РФ), но совершенно не касается обязательственных отношений, возникающих между самими супругами.

Далеко не все спорные вопросы, связанные с общим имуществом супругов, позволяет разрешить и гражданское законодательство РФ. Так, в частности, регулируя в общих чертах отношения по поводу общей собственности, Гражданский кодекс РФ не

вносит ясности в правоотношения, возникающие по поводу имущественных прав, входящих в состав общего имущества супругов¹. Более того, как справедливо отмечается в литературе, практически полностью игнорирует режим общей супружеской собственности корпоративное право РФ, что проявляется, в частности, при обращении взыскания на общее имущество супругов по долгам одного из них². Наконец, не находят законодательного разрешения многие вопросы раздела отдельных видов супружеского имущества, прежде всего, долей в капитале хозяйственных товариществ и обществ, а также распределения прав участников общей собственности в отношении коммерческих организаций как юридических лиц и т.д.

Таким образом, на сегодняшний день в правовом регулировании отношений, возникающих между супругами по поводу их общего имущества, существует достаточно много нерешенных проблем как теоретического, так и прикладного характера.

Специфика судопроизводства по делам, возникающим из брачно – семейных отношений, заключается в том, что данный вид дел является наиболее сложным и предрасположенным к ошибкам судопроизводства, что влечет за собой нарушение законных прав одного из участников гражданского процесса. Особенности судопроизводства по делам, возникающим из брачно – семейных отношений, заключаются в том, что семейные отношения регулируются лишь в той части, в которой это является допустимым и возможным с точки зрения интересов их участников и интересов общества. Особенностью подготовки дел, возникающих из брачно – семейных отношений является то, что для рассмотрения данного вида дел должны быть предоставлены доказательства определенного вида, например, перечень специфических документов, которые должны быть обязательно истребованы. Также, особенностями рассмотрения дел являются: зависимость от времени существования брачно – семейных отношений и направленность процесса на примирение сторон. Каждое дело, возникающее из брачно – семейных отношений, специфично само по себе, поэтому перед судом стоит нелегкая задача тщательного исследования обстоятельств

¹ Камышанский В. П. Конституционные ограничения права собственности // Юрист. – 2004. – № 5. – С. 5.

² Камышанский В. П. Конституционные ограничения права собственности // Российский судья. – 2004. – № 4. – С. 22.

дела, определения относимости, допустимости и достоверности доказательств, и в конечном итоге, защиты законных прав и интересов граждан.

Институт брака в России переживает переходный период, что отражается в поиске различных форм и типов. Внешним проявлением данного перехода можно считать кризисные явления брачных отношений, рост числа разводов, цинизм к традициям и обычаям семьи, обесценивание основных принципов брачных отношений. Для того чтобы институт брака по завершению переходного периода не утерял свои функции, задачи и принципы, необходимо уже сейчас закладывать фундамент возрождения традиционных отношений. Эту задачу невозможно решить без взаимодействия государства и общества, его взаимно – выгодного влияния друг на друга, удовлетворения интересов социального и правового в брачных отношениях.

Необходимы гарантии государства по поддержке и привлечению интереса супругов в создании и сохранении стабильной и прочной семьи. При этом государство при обеспечении такого рода гарантий заинтересовано, прежде всего, в создании крепкого и нравственно здорового поколения. Реализация этих задач возможна только при становлении и развитии молодого поколения в традиционной семье, где каждый из супругов сможет обеспечить заботу и помощь своим детям в достаточной мере, воспитывая в них разносторонние и не циничные личности.

В заключении хотелось бы привести высказывание специалиста в области семейного права А. Н. Левушкина «нормы морали и нравственности, традиции и обычаи, религиозные нормы атрибутивны семейным отношениям, что не исключает трансформации данных неправовых регуляторов в правовые нормы путем включения их в семейное законодательство»¹. Данное положение правильно и глубоко отражает взаимодействие правовых и духовно – нравственных норм в правовом регулировании не только в брачных, но и семейных правоотношений.

¹ Левушкин А. Н. Теоретическая модель построения системы семейного законодательства Российской Федерации и других государств – участников Содружества Независимых Государств: дис... доктора юридических наук: 12.00.03 / Левушкин Анатолий Николаевич; [Место защиты: Московская академия экономики и права]. – Москва, – 2013. 480 с.

Е. Ю. Руденко

кандидат юридических наук,
старший преподаватель ка-
федры гражданского права
ФГБОУ ВПО «Кубанский госу-
дарственный аграрный уни-
верситет»
golushko1@rambler.ru

БЕЗОТЗЫВНАЯ ДОВЕРЕННОСТЬ: ПЕРСПЕК- ТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

AN IRREVOCABLE POWER OF ATTORNEY AND APPLICATION PROSPECTS

В статье анализируются проблемы, которые могут возникнуть на практике в процессе применения нормы о безотзывной доверенности. Цель безотзывной доверенности – защита интересов представителя или лиц, в интересах которых он действует, однако действующее гражданское законодательство не справляется с этой задачей. В связи с этим автор предлагает изменения в статью 188.1 ГК РФ.

Ключевые слова: Доверенность; безотзывная доверенность; исполнение обязательства; обеспечение исполнения обязательства.

The article analyzes the problems that can arise during the application of the rules on an irrevocable power of attorney. The purpose of an irrevocable power of attorney – the protection of the interests of the representative or persons on whose behalf it acts. Existing legislation do not cope with this task. In this connection the author proposes amendments to article 188.1 of the Civil Code.

Key words: attorney; irrevocable power of attorney; performance of an obligation; ensuring the performance of an obligation.

Институт безотзывной доверенности возник в российском гражданском законодательстве чуть более двух лет назад и, соответственно, практики применения норм о безотзывной доверенности пока нет. Однако уже сейчас можно говорить о перспективах применения данного института.

Не секрет, что норма о безотзывной доверенности появилась в Гражданском Кодексе Российской Федерации (далее по тек-

сту – «ГК РФ»¹ по причине широкого использования данного института в зарубежной практике и в связи с желанием Правительства РФ и бизнес – сообщества создать в России международный финансовый центр². Как отмечает Ю.С. Харитоновна, «безотзывную доверенность в законодательстве зарубежных стран принято рассматривать как инструмент защиты интересов представителя, поскольку она не может быть отозвана доверителем в любое время»³. Безусловно, аналогичную цель преследовал и российский законодатель, о чем неоднократно писалось в научной литературе.⁴ Безотзывная доверенность выдается в целях исполнения обязательства или обеспечения его исполнения и может быть отменена лицом, выдавшим такую доверенность, исключительно в случаях, предусмотренных ГК РФ (согласно п. 1 ст. 188.1 ГК РФ, безотзывная доверенность не может быть отменена до окончания срока ее действия либо может быть отменена только в предусмотренных в доверенности случаях; кроме того, такая доверенность в любом случае может быть отменена после прекращения того обязательства, для исполнения или обеспечения исполнения которого она выдана, а также в любое время в случае злоупотребления представителем своими полномочиями, равно как и при возникновении обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что данное злоупотребление может произойти).

Безотзывная доверенность является весьма удобным инструментом в обязательственных правоотношениях. Полагаем, что она станет популярной в гражданском обороте, поскольку это достаточно дешевый, удобный и быстрый способ исполнить обязательство или обеспечить его исполнение. Например, А., получая сумму займа от Б., может выдать Б. доверенность на право продажи имущества, принадлежащего А., в случае, если А. в оговорен-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51 – ФЗ в ред. от 13.07.2015 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 29 (часть I). – Ст. 4384.

² Камышанский В. П. Приватизация как способ распоряжения государственным и муниципальным имуществом // Закон. – 2005. – № 11; Камышанский В. П. Некоторые проблемы приватизации земельных участков особо охраняемых природных территорий // Хозяйство и право. – 2008. – № 10. – С. 63-68.

³ Харитоновна Ю. С. Безотзывная доверенность в предпринимательской деятельности // Юрист. – 2014. – № 20. – С. 42 – 46.

⁴ Камышанский В. П. Некоторые проблемы интеграции юридической науки и законотворческого процесса // Власть Закона. – 2012. – № 2. – С. 10.

ное время не вернет Б. сумму займа. При оформлении доверенности А. потребуется только прибегнуть к услугам нотариуса, т.к. для безотзывной доверенности предусмотрено нотариальное удостоверение, а Б., в случае неисполнения А. обязанности по возврату суммы займа, не будет вынужден обращаться в суд, а сможет самостоятельно продать имущество А. по имеющейся доверенности и тем самым быстро и относительно легко обеспечить исполнение обязанности А. по возврату суммы займа. Единственным ограничением использования безотзывной доверенности является то, что обязательство, которое исполняется или исполнение которого обеспечивается с помощью безотзывной доверенности, должно быть связано с осуществлением предпринимательской деятельности.

Несмотря на очевидные достоинства и преимущества безотзывной доверенности, полагаем, что правоприменители столкнутся с рядом проблем правового и фактического порядка.

Назначением безотзывной доверенности является защита прав и интересов представителя или лиц, от имени или в интересах которых действует представитель. С помощью безотзывной доверенности исполняется обязательство или обеспечивается исполнение обязательства, стороной которого выступает представляемый, т.е. лицо, выдавшее доверенность. Вместе с тем, выдача доверенности не лишает представляемого права совершать юридические действия, полномочие на совершение которых было предоставлено представителю. Возвращаясь к приведенному выше примеру использования безотзывной доверенности, очевидно, что продать имущество может как Б. (займодавец, получивший безотзывную доверенность), так и собственник имущества – А. (заемщик, т.е. лицо, выдавшее доверенность). Представитель Б. в рассматриваемой ситуации не имеет никаких правовых способов воздействия на А.

Полномочие, которым обладает Б. на основании доверенности, не прекращает субъективное гражданское право А. на распоряжение принадлежащим ему имуществом. Полномочие представителя можно рассматривать как угодно, и как субъективное право, и как юридический факт, но от этого не меняются субъективные права представляемого. Полномочие представителя, полученное им по доверенности, нельзя считать субъективным правом, переданным представляемым представителю. Даже если рассматривать полномочие представителя в качестве субъективного гражданского права, то это право, безусловно, связано с правом лица, выдавшего доверенность, но субъективное право представителя

является самостоятельным субъективным правом, это не то право, которое принадлежало представляемому. Таким образом, по доверенности не передается субъективное право представляемого, а передается полномочие, которое, в свою очередь, становится субъективным гражданским правом. В пользу того, что полномочие представителя становится субъективным гражданским правом свидетельствует также тот факт, что субъективному праву представителя корреспондирует обязанность лица, выдавшего доверенность. Последнее обязано принять то, что было совершено представителем в рамках имеющихся у него полномочий. Конечно, в данном случае нет прямой корреспонденции прав и обязанностей представителя и представляемого, однако, именно у представляемого возникают права и обязанности вследствие совершенных представителем действий. В связи со сказанным, не можем согласиться с мнением Р.А. Беседина, который пишет, что безотзывная доверенность «порождает возникновение субъективного права, а не полномочия, т.к. последнее реализуется не в интересах представителя, а в интересах представляемого»¹. Доверенность всегда порождает полномочие, в противном случае нивелируется смысл и назначение доверенности. Несмотря на имеющиеся особенности, безотзывная доверенность все же является разновидностью доверенности и, пока мы признаем безотзывную доверенность доверенностью, на нее распространяются общие положения о доверенности с теми исключениями, которые специально предусмотрены в отношении безотзывной доверенности.

Исполнение обязательства, равно как и обеспечение его исполнения осуществляется на основании условий обязательства или закона². Если в рамках обязательства, во исполнение или в целях обеспечения исполнения которого стороны оговорят выдачу безотзывной доверенности и прямо предусмотрят обязанность представляемого воздержаться от осуществления субъективного гражданского права, полномочие на осуществление которого передается представителю, то неисполнение представителем этой обязанности можно квалифицировать как иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление пра-

¹ Беседин Р. А. Безотзывная доверенность в гражданском праве. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2014. – С. 16.

² Шайдуров И. В. Роль пандектного права в становлении российской цивилистики // Власть закона. – 2015 – № 2 (22). – С. 210.

вом) со всеми правовыми последствиями. Однако, в случае отсутствия таких договоренностей между представляемым и представителем или представляемым и лицами, от имени или в интересах которых будет действовать представитель, безотзывную доверенность нельзя считать способом исполнения обязательства или способом обеспечения его исполнения. Во – первых, такие способы прямо не названы в ГК РФ, а формулировку п. 1 ст. 188.1. ГК РФ можно считать условной: выдача безотзывной доверенности осуществляется *в целях* (выделено мной – Р.Е.) исполнения обязательства или обеспечения его исполнения. Во – вторых, ни в норме о безотзывной доверенности, ни в главе 10 ГК РФ «Представительство. Доверенность», куда структурно входит рассматриваемая норма, нет указания на то, что к положениям о безотзывной доверенности применяются нормы об обязательствах. Таким образом, не исключено буквальное толкование п. 1 ст. 188.1 ГК РФ, согласно которому безотзывная доверенность не будет пониматься как способ исполнения или как способ обеспечения исполнения обязательства, а будет учитываться лишь цель ее выдачи. В – третьих, независимо от того, как мы понимаем безотзывную доверенность и факт ее выдачи, норма о безотзывной доверенности является декларативной, если в рамках обязательства, во исполнение или в целях обеспечения исполнения которого выдается безотзывная доверенность, не предусмотрены: а) обязанность представляемого воздержаться от осуществления субъективного права, полномочие на осуществление которого передано представителю, б) ответственность представляемого за нарушение обязательства воздержаться от осуществления субъективного гражданского права, полномочие на осуществление которого передается представителю, и/или в) прямая ссылка на главу 22 ГК РФ «Исполнение обязательств» или главу 23 ГК РФ «Обеспечение исполнения обязательств».

Согласно п. 1 ст. 185 ГК РФ доверенностью признается письменное уполномочие, выдаваемое одним лицом другому лицу или другим лицам для представительства перед третьими лицами. В соответствии с п. 3 ст. 182 ГК РФ, представитель не может совершать сделки от имени представляемого в отношении себя лично, а также в отношении другого лица, представителем которого он одновременно является, за исключением случаев, предусмотренных законом. Сделка, которая совершена с нарушением данных правил и на которую представляемый не дал согласия, является оспоримой. Она может быть признана недействительной, если она

нарушает интересы представляемого (последнее предполагается, если не доказано иное). Возвращаясь к приведенному выше примеру применения безотзывной доверенности, смоделируем ситуацию: в случае неисполнения обязательства А. по возврату суммы займа в оговоренный срок представитель Б. продает имущество А. самому себе. В случае оспаривания А. совершенной сделки сможет ли Б. доказать, что интересы А. не нарушены? Ответ на вопрос не является однозначным. Если в доверенности была оговорена цена, по которой возможна продажа имущества, и Б. продал имущество по оговоренной или по более высокой цене, то ответ на вопрос будет положительным. Если же цена не была оговорена в доверенности, то ответ будет, скорее всего, иным.

Подводя итог вышесказанному, закономерно приходим к следующим выводам. Безотзывная доверенность очень удобный, достаточно дешевый способ исполнить обязательство или обеспечить его исполнение. Однако, норма о безотзывной доверенности проработана недостаточно полно. В рамках настоящей статьи были обозначены некоторые проблемы ее применения на практике. В целях успешного и продуктивного использования нормы о безотзывной доверенности считаем необходимым внести изменения в действующее гражданское законодательство, а именно:

– включить в ст. 188.1 ГК РФ указание на то, что к безотзывной доверенности применяются правила главы 22 ГК РФ «Исполнение обязательств» и главы 23 ГК РФ «Обеспечение исполнения обязательств»;

– в ст. 188.1 ГК РФ закрепить, что в период действия безотзывной доверенности представляемый обязан воздерживаться от осуществления субъективных гражданских прав, полномочия на осуществление которых передаются представителю;

– в ст. 188.1 ГК предусмотреть диспозитивную норму об ответственности представляемого за нарушение обязательства воздержаться от осуществления субъективного гражданского права, полномочие на осуществление которого передается представителю.

И. Г. Майор

кандидат юридических наук,
доцент кафедры граждан-
ского права ФГБОУ ВПО Ку-
банский государственный аг-
рарный университет
ivan-major@yandex.ru

КОНЦЕССИОННЫЙ ДОГОВОР В ГРАЖДАН- СКОМ ПРАВЕ РОССИИ

THE CONCESSION CONTRACT IN CIVIL LAW OF RUSSIA

В статье исследуется концессионное соглашение, которое автор рассматривает исключительно как гражданско-правовой договор, хотя и отмечает, что в ряде зарубежных правовых порядков концессии имеют некоторые публично-правовые черты. Автор анализирует характерные признаки концессионного соглашения, раскрывающие его гражданско-правовую природу. Обоснованно сделан вывод о трансформации публично-правовых признаков в концессионном соглашении, которые существенно изменились и отчасти утратили свое первоначальное значение.

Ключевые слова: Концессия; соглашение; договор; концессионер; инвестиции.

This article examines the concession agreement, which the author considers as purely a civil contract, although it was noted that no, that in a number of foreign legal orders concessions have some public law character. The author analyzes the characteristic features of the concession agreement, revealing its civil law nature. Reasonably concluded that transformation of public law signs the concession agreement, which has changed substantially and has partially lost its original meaning.

Keywords: Concession; agreement; contract; concessioner; investments.

Взаимодействие государства и субъектов частного предпринимательства направленное на создание и(или) реконструкцию недвижимого имущества, право собственности на которое принадлежит или будет принадлежать государству и возмездное использование этого имущества субъектами частного

предпринимательства осуществляется на основе концессионного соглашения. Концессионные соглашения наряду с приватизацией считаются составной частью институциональных изменений, сопровождающих демократические реформы¹. Само концессионное соглашение, как сказано в п. 2 ст. 3 Закона о концессионных соглашениях, является договором.

К отношениям сторон концессионного договора применяются правила гражданского законодательства (которое следует понимать в узком смысле²), если иное не вытекает из Закона о концессионных соглашениях или существа концессионного договора.

В настоящем исследовании термины «концессионное соглашение» и «концессионный договор» используются как тождественные в силу их отождествления самим законодателем. Однако в словоупотреблении предпочтение нами отдано термину не «соглашение», а «договор». Этим мы хотим, во-первых, подчеркнуть и в дальнейшем обосновать принадлежность концессионного соглашения к гражданско-правовым договорам и, во-вторых, указать на то, что термин «соглашение» отражает лишь взаимное согласие сторон договора, в то время как в римском праве вторым элементом договора было особое основание – цель (causa). В связи с этим, именование соглашения концедента и концессионера об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей договором, представляется наиболее полным и точным. Концессионный договор как форма взаимоотношений между государством и частным капиталом широко применяется в мировой практике³.

Применение концессионного договора на практике породило множество точек зрения на его природу и правовое регулирование. Приведем лишь некоторые из них. По мнению Б.В. Бедина, концессионный договор оформляет уступку городом на определенный срок и на определенных условиях другому хозяйствующему субъекту своего права организовать и вести хозяйство в какой-

¹ Камышанский В. П. Приватизация как способ распоряжения государственным и муниципальным имуществом // Закон. – 2005. – № 11; Камышанский В. П. Некоторые проблемы приватизации земельных участков особо охраняемых природных территорий // Хозяйство и право. – 2008. – № 10. – С. 63-68.

² Диденко А. А. Система источников гражданского права Российской Федерации / диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кубанский государственный аграрный университет. Краснодар, 2008.

³ Камышанский В. П. Каким должно быть юридическое образование? // Современное право. – 2010. – № 2. – С. 3.

либо сфере¹. Концессионный договор определяется как особая договорная форма предоставления частному лицу права на использование, эксплуатацию государственного или муниципального имущества; при этом указанное лицо реконструирует переданное концедентом имущество либо создает новое имущество, подлежащее передаче концеденту, и уплачивает концеденту концессионную плату, устанавливаемую соглашением и определяемую на основании ожидаемых результатов использования указанного имущества². По мнению Сосны С. А., концессионный договор представляет собой «гетерогенный» договор, соединяющим в себе нормы разнородных, принципиально различных отраслей права (публичного и частного).³ С точки зрения названного автора «речь не может идти об отождествлении концессионного соглашения с гражданско – правовым договором»⁴.

Автор постатейного комментария к Федеральному закону «О концессионных соглашениях» Леонтьев С. Е. утверждает, что: «... концессионное соглашение гражданско правовым договором не является, поскольку в нем обязательно присутствуют положения, основанные на публично – правовых нормах законодательства о концессионных соглашениях».⁵ К сожалению, названный автор не указал, при какой степени влияния публично-правовых норм исключается гражданско-правовая природа договора.

Само по себе наличие публично-правовых норм в концессионном договоре не препятствует отнесению договора к числу гражданско-правовых, если только организация отношений сторон в

¹ Бедин Б. М. Совершенствование управления муниципальной собственностью: Дисс. ... канд. экон. наук. – Иркутск. – 1999. – С. 69.

² Комментарий к Федеральному закону о 21 июля 2005г. № 115 – ФЗ «О концессионных соглашениях». По материалам «круглого стола» на тему: «Газификация регионов Восточной Сибири и инвестиционные источники ее реализации» от 27 сентября 2006г. // Бюллетень Экспертно – консультационного совета при Комитете Совета Федерации по экономической политике, предпринимательству и собственности. – 2006. – № 1. – С. 54.

³ Сосна С. А. Концессионные соглашения: теория и практика. – М., 2002. – С. 67.

⁴ Сосна С. А. Концессионное соглашение – новый вид договора в Российском праве // Журнал российского права. – 2003. – № 2. – С. 15.

⁵ Леонтьев С. Е. Комментарий к Федеральному закону от 21 июля 2005 г. № 115 – ФЗ «О концессионных соглашениях» (постатейный). – М.: «Деловой двор», 2009. – С. 23

рамках рассматриваемого договора осуществляется с использованием гражданско-правового диспозитивного метода регулирования¹.

Использование диспозитивного метода правового регулирования отношений сторон концессионного договора, обуславливающее его гражданско-правовую природу, проявляется в следующем.

Концессионный договор является основанием возникновения правоотношения, в котором его субъекты имеют определенные права и обязанности. Возникающее из концессионного договора правоотношение по своим признакам подпадает под содержащееся в ст. 307 ГК РФ определение гражданско-правового договорного обязательства.

В соответствии с п. 1 ст. 307 ГК РФ в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как – то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определённого действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности. Обязательства согласно п. 2 ст. 307 ГК РФ могут возникать из договора. Согласно п. 1 ст. 3 Закона о концессионных соглашениях, концессионный договор порождает обязательство, в силу которого концессионер обязуется за свой счет создать и (или) реконструировать объект концессионного договора, осуществлять деятельность с использованием этого объекта, а концедент обязуется предоставить концессионеру на определенный срок права владения и пользования объектом концессионного договора.

Концессионный договор порождает обязательственное правоотношение, которое имеет относительный характер. Относительный характер концессионного обязательственного правоотношения состоит в том, что обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц потребителей концессионных товаров, работ или услуг). В случаях, предусмотренных законом, иными правовыми актами или концессионным договором, концессионное обязательство может создавать для третьих лиц права в отношении концессионера либо концедента (п. 3 ст. 308 ГК РФ).

¹ Камышанский В. П., Ветер Н. Ю. Обход закона и злоупотребление правом: общее и особенное // Власть Закона. – 2013. – № 4 (16). – С. 19.

Обязательственное правоотношение, возникшее из концессионного договора, характеризуется равенством, автономией воли и имущественной самостоятельностью его сторон¹.

По своим свойствам концессионный договор порождает взаимное обязательство, так как стороны принимают на себя взаимные права и обязанности. Двусторонний характер концессионного договора означает, что каждая из сторон договора несет обязанность в пользу другой стороны и считается должником другой стороны в том, что обязана сделать в ее пользу и одновременно ее кредитором в том, что имеет право от нее требовать. В силу двустороннего характера концессионного договора сторона договора (концедент или концессионер) вправе не приступать к исполнению своих обязанностей по договору или приостановить их исполнение с уведомлением другой стороны в случае, когда нарушение другой стороной своих обязанностей по договору препятствует исполнению указанных обязанностей.

За нарушение концессионного договора предусмотрена гражданско-правовая ответственность. Включение в договор норм об уголовной, административной или налоговой ответственности концессионера не влияет на природу договора, так как данные виды публичной ответственности предусмотрены исключительно УК РФ², НК РФ³ и КоАП РФ⁴ и применяются, независимо от того предусмотрены они в концессионном договоре или нет, а также независимо от желания сторон им подчиниться.

Концессионный договор – возмездный договор, так как концессионер обязуется создать или реконструировать государственный объект недвижимости, а государство обязуется предоставить концессионеру возможность взимать плату с третьих лиц, пользующихся этим объектом или потребляющих товары, производимые с использованием данного объекта (например, плата, взимаемая с

¹ Шайдуров И. В. Роль пандектного права в становлении российской цивилистики // Власть закона. – 2015. – № 2 (22). – С. 210.

² Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996г. № 63 – ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

³ Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая / Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 146 – ФЗ // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824; Часть вторая / Федеральный закон от 5 августа 2000 г. №117 – ФЗ // СЗ РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001г. № 195 – ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

пользователей платных автомобильных дорог). Условие о цене договора согласовывается сторонами. Концессионер, если только не давший согласие, не может быть принужден государством выплачивать не согласованную им цену. Государство со своей стороны несет обязательства по обеспечению концессионеру возможности извлекать выгоду от использования государственного имущества.

Концессионный договор относится к рисковым сделкам, является алеаторным. По обыкновенному двустороннему договору каждая из сторон принимает на себя обязательства относительно друг друга, так что обе становятся одновременно и должником, и верителем. При рисковом договоре одна сторона может сделаться исключительно верителем, другая – исключительно должником; если же и при подобном договоре на долю каждой из сторон выпадают и права, и обязанности, то распределение между сторонами как тех, так и других зависит не от соглашения сторон, как при обыкновенных двусторонних договорах, а от наступления или ненаступления условленного случайного обстоятельства.¹ «Нельзя сказать, чтобы и при обыкновенных двусторонних договорах действие случая совсем исключалось, но случай здесь получает иное значение»². Непредвиденные сторонами обстоятельства могут существенно повлиять на расходы по созданию концессионного объекта, доходы концессионера от использования объекта, размер концессионной платы.

Концессионный договор является предпринимательским договором. Понятие «предпринимательский договор» не ново и уже использовалось в работах ряда авторов.³ Концессионный договор заключается концессионером в целях осуществления предпринимательской деятельности (абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ). Предусмотренная концессионным договором профессиональная деятельность концессионера осуществляется на долгосрочной основе и направлена на систематическое получение прибыли от использования объекта

¹ См.: Гражданское уложение. Кн. V. Обязательства. Т. 5. С Объяснениями. – СПб., 1899. – С. 232.

² Там же.

³ См.: Предпринимательское право Российской Федерации / Отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. – М.: Юрист, 2004. – С. 911; Предпринимательское (хозяйственное) право: Учебник / Отв. ред. О. М. Олейник. – М., 1999. – С. 413 – 414; Яковлев В. Ф. Гражданский кодекс и государство. Доклад на научно – практической конференции на тему: «Новый Гражданский кодекс РФ: проблемы теории и практики» 13 – 14 марта 1997г. // Вестник ВАС РФ. – 1997. – № 6.

концессионного договора путем продажи товаров, выполнения работ и оказания услуг потребителям. К отношениям сторон концессионного договора применяются специальные нормы гражданского законодательства об обязательствах, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности¹. В силу предпринимательского характера концессионного договора исключено заключение безвозмездного концессионного договора. Предпринимательская специфика концессионных отношений ведет к тому, что споры сторон концессионного договора должны рассматриваться в соответствии с АПК РФ² в порядке арбитражного судопроизводства или третейскими судами в соответствии с Федеральным законом от 24.07.2002г. № 102 – ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации».³

Концессионный договор является консенсуальным, так как считается заключенным с момента достижения сторонами соглашения по всем существенным условиям договора в письменной форме.

Основополагающим принципом правового регулирования концессионных договорных отношений является гражданско-правовой принцип свободы договоров (ст. 421 ГК РФ). Его применение на практике означает, что понуждение концессионера или государства к заключению концессионного договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена ГК РФ, законом или добровольно принятым обязательством.

Условия концессионного договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами.

В случаях, когда условие договора предусмотрено нормой, которая применяется постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное (диспозитивная норма), стороны могут своим соглашением исключить ее применение либо установить условие, отличное от предусмотренного в ней. При отсутствии такого соглашения условие договора определяется диспозитивной нормой.

¹ Лескова Ю. Г. Саморегулирование и публично-правовые средства: сфера проникновения и взаимодействия // Административное право и процесс. – 2012. – № 8. С. 4-8.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002г. № 95 – ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

³ СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3019.

Если условие концессионного договора не определено сторонами или диспозитивной нормой, соответствующие условия определяются обычаями делового оборота, применимыми к отношениям сторон.

Концессионер, заключивший договор с государством не может быть подчинен, через последующее принятие нормативно – правовых актов, в одностороннем порядке таким обязательствам, которые не указаны в концессионном договоре. В соответствии со ст. 422 ГК РФ концессионный договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим в момент его заключения.

Концессионный договор не может стоять выше закона. Если после заключения договора принят закон, устанавливающий обязательные для сторон правила иные, чем те, которые действовали при заключении договора, условия заключенного договора сохраняют силу, кроме случаев, когда в законе установлено, что его действие распространяется на отношения, возникшие из ранее заключенных договоров.

Если государством путем принятия закона вводятся ограничения прав концессионера, то они должны соответствовать ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 18.02.2000 г. № 3 – П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»¹ в связи с жалобой гражданина Б. А. Кехмана» указал, что, определяя способы защиты государственных интересов, законодатель должен использовать лишь те меры, которые необходимы, строго обусловлены этими целями и исключают для конкретной правоприменительной ситуации возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина. Публичные интересы, перечисленные в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, могут оправдывать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения адекватны социально необходимому результату; цели одной рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод².

¹СЗ РФ. – 2000. – № 9. – Ст. 1066.

² Камышанский В.П. Конституционные ограничения права собственности // Юрист. – 2004. – № 5. – С. 5-7.

Государство может реализовать в концессионном договоре свою верховную власть при условии, что ее пределы и применение оговорены в договоре. Таким образом, государство не может взять от концессионера то, чего не давало или того, на что не получено согласие концессионера.

Концессионный договор является соглашением концедента и концессионера об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. К такому договору применяются правила о двухсторонних сделках.

Указанные признаки позволяют определить концессионный договор как гражданско-правовой договор, по которому частное лицо (концессионер) принимает обязательство создать или реконструировать объект государственной или муниципальной собственности (концессионный объект) за свой счет и на свой риск за вознаграждение в виде предоставляемых государством или муниципальным образованием (концедентом) прав владения и пользования объектом концессионного договора в предпринимательских целях.

Раздел

**Юридическая наука и
практика стран СНГ**

А. Абдуджалилов

кандидат юридических наук, заведующий отделом частного права Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан

debtresolution@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ТЕОРИИ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

MODERN APPROACHES TO THEORY CIVIL RELATIONS

Проблеме правоотношений в науке гражданского права придается первостепенное значение, поскольку изучение теории правоотношения выводит исследователя на уровень правопонимания, и в то же время она имеет сугубо практическое значение. В статье анализируются различные теоретические подходы к теории гражданских правоотношений, эволюция теории правоотношений в цивилистике и современные тенденции исследования этой проблемы в гражданском праве.

Ключевые слова: Гражданские правоотношения, нормативная парадигма, социологическая парадигма, субъективное право, естественное право.

The problem of relations in the science of civil law is of paramount importance, since the study of the theory of relationship brings researchers at the level of law and at the same time it has a purely practical value. The article analyzes the various theoretical approaches to the theory of civil legal relations, the evolution of the theory of legal relations in civil law and modern trends study this problem in civil law.

Keywords: civil relations, regulatory paradigm, sociological paradigm, the subjective right, a natural right.

В правовой науке исследованию проблемы правоотношения придается первостепенное значение, поскольку категория «правоотношение» вбирает в себя и теоретические положения права, и пути его практической реализации. Сложность и многогранность концепта «правоотношение» всегда притягивала к себе видных ученых – и теоретиков права, и цивилистов, которые подвергали научному анализу различные стороны правоотношения, его сущность, разрабатывали теоретические подходы к определению его понятия. По выражению В. С. Толстого, «научную значимость выработки единообразного и правильного понимания правоотношения трудно переоценить, поскольку оно является исходным для решения ряда других проблем, пока ещё спорных»¹. Л. А. Чеговадзе отмечает: «Среди фундаментальных категорий цивилистики гражданские правоотношения – одно из основополагающих, отвлеченных базовых понятий, в связи с чем существуют определенные трудности для его понимания и практического воплощения в юридических институтах и теоретических определениях»².

Понятие правоотношения, как впрочем, и все основные понятия гражданского права, было сформировано ещё римским правом. Римское право обозначает регулируемые правом отношения выражением *juris vinculum* (юридическая связь)³.

Впервые в цивилистике термин «правоотношение» был употреблен немецким правоведом Ф. К. Савиньи в его фундаментальном труде «Система современного римского права». Под правоотношением Ф. К. Савиньи понимал отношения между лицами, закрепленные в нормах права. «Каждое отдельное правоотношение, – писал Савиньи, – представляется нам отношением между лицом и лицом, которое устанавливается правовой нормой»⁴.

Эти два подхода к понятию «правоотношение», т.е. правоотношение как юридическая связь между двумя субъектами права, и правоотношение как отношение, установленное нормой права, в дальнейшем сформировали два теоретически разные

¹ Толстой В. С. Гражданские правоотношения и их структурные особенности. // Правоведение. – М.: 1976. – № 2. – С. 125.

² Чеговадзе Л. А. Система и состояние гражданского правоотношения: дис. ... доктора юр.наук. М.: 2005. – С. 4.

³ Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права. / Сост. А.Н. Медушевский. М.: РОССПЭН. 2010. – С. 203.

⁴ Савиньи, Фридрих Карл фон. Система современного римского права. В 8 т. Т. 1. / Под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: – Статут. 2011. – С. 457.

направления в исследовании проблемы правоотношения. Первое направление в последующем послужило основанием для формирования социологической парадигмы правоотношений, вторая – для нормативной парадигмы.

Теоретические положения по проблеме правоотношения в рамках указанных парадигм в дальнейшем были развиты известными дореволюционными правоведами, которые уделяли концептуальным положениям правоотношения достаточно серьезное внимание. Отметим, что в русской дореволюционной правовой науке понятие «правоотношение» практически не использовалось. Правоведы оперировали равноценным понятием «юридическое отношение», под которым понималось бытовое, жизненное отношение, которое регулируется правом.

Одним из наиболее известных представителей социологической парадигмы правоотношений является известный дореволюционный российский ученый – правовед Н.М. Коркунов, представляющий умеренное крыло социологического направления в праве.

Н. М. Коркунов определял правоотношение как фактическое отношение, которому правовая норма придала юридический характер. «Каждое юридическое отношение определяется частью фактическими условиями, частью юридическими нормами. Нет таких отношений, которые бы всецело и исключительно определялись бы только правом, в которых бы участники отношения требовали друг от друга и делали друг другу то, на что они уполномочены и к чему обязаны законом»¹. По Н. М. Коркунову, правоотношение есть правовая связь и взаимная зависимость его участников. «Юридические отношения предполагают юридическую связь зависимости в форме правообязанности, и обусловленное этой зависимостью правопритязание, или право, полномочие»².

Другой известный дореволюционный правовед Ю. С. Гамбаров представлял правоотношение как связь субъективного и объективного прав: «Характерная черта субъективного права состоит в том, что оно тесно связано с данным лицом и, как бы, прикреплено к нему, в отличие от объективного права, стоящего вне этого лица и над ним. В этом смысле право оказывается отношением, из которого одно лицо или совокупность лиц выводит для себя возможность действовать или требовать какого – либо

¹ Цит. по кн.: Радько Т. Н. Хрестоматия по теории государства и права. / Под общ. ред. И. И. Лизиковой. 2 – е изд. – М.: Проспект. 2009. – С. 271.

² Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1909. – С. 140.

действия от другого лица, а на это последнее ложится обязанность совершить это действие или воздержаться от него в пользу того, кто обладает тем или другим правом»¹.

В. Ф. Тарановский вслед за Н. М. Коркуновым в определении сути правоотношения переместил акцент на взаимную правовую связь субъектов, которая выражается во взаимно обуславливающих правах и обязанностях. «Юридическое отношение есть связь, возникающая между двумя лицами, между которыми устанавливаются взаимные обязанность и притязание» – утверждал В. Ф. Тарановский². Этот важный теоретический вывод в дальнейшем сыграет большую роль в развитии концепции правоотношений, особенно в постсоветский период.

Другая парадигма – нормативная, исходящая от идеи Ф.К. Савиньи, в дореволюционной цивилистике была развита известным русским правоведом Г. Ф. Шершеневичем, известным сторонником юридического позитивизма.

По Г. Ф. Шершеневичу, юридическое отношение есть та сторона бытового, жизненного отношения между людьми, которая определена нормами объективного права. «Юридическим отношением будет всякое бытовое отношение, когда и насколько оно определяется юридическими нормами»³. В другой своей работе ученый ещё более конкретизирует понятие правоотношения в плане его элементов: «Частно – правовое отношение представляет собой основанное на юридическом факте соответствие права и обязанности, которые устанавливаются между лицами»⁴.

Позиция юридического позитивизма в определении правоотношения усматривается и в работе В. М. Хвостова «Общая теория права»: «Жизненное отношение, принятое во внимание объективным правом и снабженное юридическими последствиями, называется юридическим отношением»⁵.

С другой стороны, и Г. Ф. Шершеневич, и В. М. Хвостов прекрасно понимали, что не все общественные отношения могут быть урегулированы правом, а потому не могут обрести соответствующие качественные характеристики. Но Г. Ф. Шершеневич, исходя

¹ Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права. Том 1. Часть общая. – СПб., 1911. – С. 371.

² Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. 3 – е изд. – СПб., Лунь. 2001. – С. 148.

³ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. В 2 т. Т.1. – М.: Статут. 2005. – С. 97.

⁴ Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. – Тула, Автограф, 2001. – С. 71.

⁵ Хвостов, В. М. Общая теория права. Элементарный очерк. – М.: 1905. – С. 175.

из позиций юридического позитивизма, до последнего предела расширял круг таких отношений и, соответственно, пределы предмета правового регулирования и выделял только три типа отношений, которые не могут быть правовыми в принципе: отношение человека к Богу, внешнему миру и самому себе¹.

Е. Н. Трубецкой в определении правоотношения придерживался такой же позиции, как и Г. Ф. Шершеневич: «Под юридическими отношениями или правоотношениями – писал Е. Н. Трубецкой, – следует понимать регулируемые нормами объективного права отношения лиц между собою»². «Создавая право, с одной стороны, обязанности – с другой стороны, – поясняет далее Е. Н. Трубецкой, – всякие юридические нормы тем самым создают юридические отношения между лицами, или, что то же, правоотношения»³.

В целом, схема правоотношения в нормативной парадигме состоит как бы из трех «китов» – форма в виде норм объективного права, содержание в виде фактического жизненного отношения, и результат – правовое отношение.

Несмотря на многочисленные теоретические исследования в области правоотношений в советский период, основными парадигмальными направлениями исследований остались те же две основные концепции – концепция классического юридического позитивизма, отраженная в работе Р. О. Халфиной «Общее учение о правоотношении», где высказываются близкие к взглядам О. С. Иоффе идеи: «Правоотношение – общественное отношение, урегулированное нормой права», и категоричная позиция в этом отношении, высказанная Н. Г. Александровым: «Общественные отношения не могут принять форму правоотношения, если нет соответствующей нормы права»⁴. О. А. Красавчиков, четко следуя идеоло-

¹ Цит. по кн.: Сорокина Ю. В. Актуальные проблемы теории и философии права: курс лекций. – М.: Норма: ИНФРА – М., 2013. – С. 224 – 225.

² Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. – Одесса, 1919. – С. 113.

³ Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. – СПб., Лунь. 1998. – С. 89.

⁴ Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. – М.: Гос. издательство юридической литературы. 1955. – С. 94.

гическим требованиям того времени, считал общественные отношения базисными, а правоотношения – надстроечными¹. Концепция нормативизма в теории правоотношения поддержана и профессором С. А. Зинченко в его работе «Гражданские правоотношения: подходы, проблемы, решения»². В монографическом исследовании ученого говорится о необходимости изучения модели правоотношения, заложенной правовыми нормами. Вторая концепция – это социологическая, которая не нашла достаточно широкой поддержки.

Нормативная теория правоотношения в свое время была подвергнута критике С. И. Аскназием: «Крайнюю позицию в рассматриваемом вопросе занимают представители новейших нормативистских учений, ставящие своей задачей сделать необходимые выводы из своих нормативистских установок. Представители этих течений ставят перед собой задачу очистить сферу юридического бытия от всех социологических и психологических наслоений, создать абстрактную систему веления и норм... Это приводит упомянутых юристов к сложным формально логическим конструкциям, решающая роль в которых выпадает на долю нормы. Конкретное правоотношение, естественно, и в этих условиях оказывается всецело подчиненным общей норме как своему принципу»³.

В 70 – 80 годах прошлого века в науке права распространяется так называемый «социологический» подход к понятию правоотношения. Наряду с углубленным исследованием отдельных элементов, изучается системная связь правоотношений с другими правовыми явлениями. В этом ракурсе правоотношение понимается как вид идеологического отношения и одновременно как форма фактического общественного отношения, выделение в нем материального (фактическое поведение) и юридического (субъективные права и обязанности) содержания, характеристика содержания правоотношения, как средства реального общественного

¹ Красавчиков О. А. Гражданские правоотношения – юридическая форма общественных отношений. / Гражданские правоотношения и их структурные особенности. Сборник научных трудов Свердловского юридического института. - Вып. 39. Свердловск, 1975. – С. 11.

² Зинченко С. А. Гражданские правоотношения: подходы, проблемы, решения. Монография. – Ростов – на – Дону: Изд – во СКАГС, 2011. – 236 с.

³ Аскназий С. И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. – М.: Статут, 2008. – С. 223.

отношения и его формы¹. Исследуются вопросы структуры правоотношения, его содержания и формы².

На сегодня в теории права определены три подхода к понятию правоотношения. Первый и наиболее распространенный подход – это определение правоотношения как общественного отношения, урегулированного нормами права. Этот подход, названный «материальным» (правоотношение – отношение), высказан Р. О. Халфиной, Н. Г. Александровым, Ю. К. Толстым, О. А. Красавчиковым, Д. Р. Джалиловым. «Материальный» подход, основанный на нормативной теории права, декларирует главенствующую роли нормы права в генезисе правоотношения, и содержанием правового отношения здесь выступает фактическое поведение его субъектов. И несмотря на то, что некоторые авторы, указанные здесь – Р. О. Халфина, Н. Г. Александров, Д. Р. Джалилов и другие не являются цивилистами, можно утверждать, что данная парадигма правоотношений в их трактовке в доктрине гражданского права применяется достаточно широко. Достаточно привести примеры из трудов Г. Ф. Шершеневича, О. С. Иоффе, Ю. К. Толстого, О. А. Красавчикова, С. А. Зинченко и других.

Второй подход – это понимание правоотношения как юридической формы общественного отношения, или как особого рода юридического (идеального) отношения, некоей «модели» поведения (правоотношение – модель). Он определен как «формальный», и поддерживается А. Б. Бабаевым, В. А. Беловым, Ю. И. Гревцовым, В. А. Лапачем, Г. В. Мальцевым, Ю. Г. Ткаченко и др. Содержанием формального правоотношения являются субъективные права и юридические обязанности его участников. Коррелятивная связь с правовой нормой в этом случае отводится на второй план. «Нет каких – либо отношений, которые по своему содержанию являются только правовыми, – отмечает Ю. Г. Ткаченко, – поэтому не существует правовых в собственном смысле отношений, а есть лишь правовой способ регулирования общественных отношений»³. Касаясь непосредственно проблемы подхода к определению правоотношения,

¹ Ушаков С. И. Правоотношения: теоретико-правовой и структурно-функциональный анализ. Монография. – М.: 2013. – С. 6.

² Камышанский В. П. Каким должно быть юридическое образование? // Современное право. – 2010. – № 2. – С. 3.

³ Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений. – М.: Юридическая литература. 1980. – С. 101 – 102.

Ю. Г. Ткаченко указывала, что «Ныне в науке существуют два определения правоотношений. Они соответствуют двум явлениям правовой действительности. В одном случае под правоотношениями понимаются субъективные права и юридические обязанности, представляющие индивидуальные модели возможного и должного поведения субъектов права, выступающие как образцы – мерки для этого поведения (но не само фактическое поведение). Во втором случае под правоотношением понимаются фактические отношения, урегулированные нормами права»¹.

Концепция «правоотношения – модели» была развита и В. А. Лапачем. «В рамках представленной теории особый интерес вызывает понятие «правоотношения – модели» – отмечает В. А. Лапач. «Оно перспективно в том плане, что позволяет показать правовые переходы от нормативной модели до фактического поведения и фактического отношения в целом, развивающегося в правовом поле. «Правоотношение – модель» является средством регулирования поведения (индивидуальным регулятором), а «правоотношение – отношение» выступает результатом юридического регулирования, к которому стремится законодатель»².

В. А. Лапач является автором так называемой «психологической» теории правоотношения, основанная на психологической школе права, основу которой заложил в своих трудах дореволюционный теоретик права А. И. Петражицкий. По мнению В. А. Лапача, «Практическая деятельность, целенаправленно осуществляемая под воздействием права на сознание субъекта, представляет собой не что иное, как процесс регулирования фактического отношения. Между фактической деятельностью и правом нет прямых контактов, точек непосредственного соприкосновения. Контакт имеет место лишь опосредованный, через сознание обязанного лица, которое и является единственным объектом правоотношения. При поиске объекта правоотношения важно учитывать не только то, что такой объект должен прямо и непосредственно реагировать на субъективное право, но и то, как он реагирует. Поведение носителей субъективных прав и обязанностей охватывает два разных хотя и взаимосвязанных вида деятельности: первая имеет дело с реальными предметами, вторая опирается

¹ Ткаченко Ю. Г. Указ. соч. – С. 96 – 97.

² Лапач В. А. Система объектов гражданских прав. Теория и судебная практика. СПб.: Издательство Юридический Центр Пресс, 2002. – С. 79.

на психологические модели¹. Правоотношение есть общественное отношение не между «физическими телесными субстанциями», а между лицами, субъектами как носителями воли. Идеальная жизнь права как раз и состоит в таких волевых взаимодействиях участников отношений. Сама по себе идеальная связь немыслима без существования минимально двух взаимодействующих субъектов, наделенных сознанием и волей. Такая связь и будет тем, что принято называть правовым отношением»².

Воплощенным применением психологической школы права к гражданским правоотношениям явилось самое последнее, новейшее исследование этой проблемы в монографии В. П. Камышанского и В. Е. Карнушина «Гражданское правоотношение: социально-психологический аспект». По мнению авторов монографии, «Правоотношение есть связь субъективных прав и обязанностей. Само по себе осознание связи происходит в психике управомоченных и обязанных субъектов, выступающих сторонами правоотношения. У обязанного и у управомоченного лица имеется определенное представление о характере этой связанности, взаимной связанности. Думается, что только в психике субъекта может быть обнаружена связь между объективным правом и общественным отношением. Объективное право воздействует своим существованием на сознание и психику людей, побуждает к возникновению определенных представлений относительно тех или иных правовых норм, их возможного воздействия на характер и содержание регулируемых ими общественных отношений. С другой стороны, схожее воздействие оказывает на психику человека общественная действительность (объективная реальность) и всякая иная действительность, не имеющая прямой связи с обществом (например, форс-мажорные обстоятельства, события). В итоге правоотношение возникает как результат такого двустороннего воздействия и взаимодействия в психике субъекта»³. Перенос акцента в анализируемой проблеме на психологическую составляющую побуждает исследователя рассматривать новые, совершенно неожиданные грани научной проблемы, расширив тем самым научные представления о ней. На первый план в этом случае выходит кан-

¹ Лапач В. А. Указ. соч. – С. 91.

² Лапач В. А. Указ. соч. – С. 90 – 91

³ Камышанский В. П., Карнушин В. Е. Гражданское правоотношение: социально – психологический аспект. – М.: Статут, 2016. — С. 57.

товская формула о свободе воли, о способности субъекта к самоопределению в процессе реализации своего права (например, oferta может быть акцептована, а может и нет в зависимости множества психических факторов и пр.).

Третий подход, объединивший юридическую форму правоотношений с их материальным содержанием, высказан С. С. Алексеевым, О. С. Иоффе и др. Он получил название «комплексного», и основан на концептуальных положениях юридического позитивизма. Суть его в понимании правоотношения как средства правового регулирования (материальный подход), либо как средства конкретизации объективного права (формальный подход).

В целом есть одно общее, которое объединяет все приведенные теоретические положения о правоотношении – это то, что правоотношение – это опосредующее звено между нормой права и теми общественными отношениями, которые составляют предмет правового регулирования¹.

Из научных работ, посвященных проблеме правоотношения в последние годы советского периода, можно выделить работу Ю. И. Гревцова «Проблемы теории правоотношения». В этой работе Ю. И. Гревцов сделал шаг в сторону социологического направления исследования правоотношения. Материальный подход он подверг критике: «При анализе взглядов последних лет (на проблему правоотношения) следует иметь в виду, что к этому времени укрепилось «нормативное» направление в нашей науке, много сделавшее для становления концепции советского права. В рассматриваемой области ученые этого направления сосредоточили внимание главным образом на механизме взаимосвязи нормы права и правоотношения, причем основным вопросом считалось выяснение того, что возникает раньше: правовая норма или правоотношение? Акцент, как известно, был поставлен на норме права, однако исследования такого рода отодвинули на второй план проблему социального генезиса правового отношения». Особое внимание Ю. И. Гревцов уделяет элементу юридической связи в правоотношениях, который упоминается в работах Н. М. Коркунова и Ф. В. Тарановского: «Во всех случаях предметом правового регулирования (и, соответственно, правоотношения) выступает общественная связь. В основе правоотношений всегда

¹ Сорокина Ю. В. Актуальные проблемы теории и философии права: курс лекций. – М.: Норма: ИНФРА – М., 2013. – С. 231.

лежат правовые связи. Определенные юридические возможности реализуются уже в ходе закрепления последних и в их рамках»¹. Указание на правовую связь между субъектами как содержание правоотношения мы встречаем и у В. Ф. Яковлева: «В юридической науке понятие «правоотношение» призвано выразить одно – связь между субъектами через их права и обязанности, – пишет ученый. – Поэтому признание наличия между субъектами правовой связи означает, что перед нами – правовое отношение»².

Современный период характеризуется тем, что наряду с существующими концепциями правоотношений появляются его трактовки с точки зрения естественного права. Здесь правовое отношение понимается в широком смысле как отношение, возникающее в виде особой формы социального взаимодействия, участники которого обладают взаимными, корреспондирующими правами и обязанностями и реализуют их в целях удовлетворения своих потребностей и интересов в особом порядке, не запрещенном государством³. Для иллюстрации этого тезиса приведем дефиницию понятия «гражданское правоотношение», данное В. С. Емом в последнем учебнике гражданского права: «Гражданское правоотношение – это юридическое отношение, существующее в форме юридической связи равных, имущественно и организационно обособленных субъектов имущественных и личных неимущественных отношений, выражающейся в наличии у них субъективных прав и обязанностей, обеспеченных возможностью применения к их нарушителям государственно – принудительных мер имущественного характера»⁴. В приведенном определении существенным признаком правоотношения приводится уже не общественные отношения, урегулированные нормой права, как это было принято в позитивистских концепциях толкования смысла правоотношения, а юридическая связь равных субъектов права, свойственная социологическому направлению.

¹ Гревцов Ю. И. Проблемы теории правового отношения. – Изд. Ленинградского ун – та. Ленинград, 1981. – С. 46 – 47, 55, 58.

² Яковлев В. Ф. Правовое государство: вопросы формирования. – М.: Статут, 2012. – С. 427.

³ Новикова, Ю. С. Общая теория правоотношения. – Челябинск, Фрегат. 2004. – С. 5.

⁴ Российское гражданское право. Учебник: В 2 т. Т. 1. Общая часть. / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 4 изд. – М.: Статут. 2015. – С. 112.

Из последних научно – теоретических исследований, посвященных проблеме гражданского правоотношения, несомненно, заслуживает внимания монография Л. А. Чеговадзе «Структура и состояние гражданского правоотношения». В монографии автор на основе современных концептуальных воззрений на проблему правоотношения подробно исследовала правовое состояние гражданского правоотношения и его структурных элементов. По мнению Л. А. Чеговадзе, гражданское правоотношение – это системная связь состоящих в нем субъектов, обособленных принадлежностью прав и обязанностей, объектом которых выступают присвоенные или потребные социальные блага, а осуществление (исполнение) производится по собственному усмотрению, но обеспечено возможностью применения мер принудительного воздействия от имени государства. В определении Л. А. Чеговадзе очевиден отход от узконормативной, позитивистской трактовки правоотношения. Выражение «урегулированное нормой права», либо близкие к нему формулировки в определении отсутствуют; акцент сделан, вслед за Ю. И. Гревцовым, на системной связи субъектов и конкретизации объекта правоотношения. «Гражданское правоотношение – пишет Л. А. Чеговадзе – есть не что иное, как фактически существующая связь его участников, реальное взаимодействие, и поэтому оно не может быть сведено к одной только его правовой стороне (юридической форме)».

В то же время, Л. А. Чеговадзе возражает против восприятия правоотношения как модели поведения (формальный подход). По мнению Л. А. Чеговадзе, правоотношение в правовом значении – это не модель поведения. Модель представляет собой норму права (типovou конструкцию правоотношения, предусмотренную совокупностью правовых норм), а правоотношения – всегда живая связь с конкретными участниками, к которой примеряется и на которую затем переносится нормативная модель¹.

Одной из последних научных работ, посвященных проблеме правоотношения, является диссертационная работа А.О. Рыбалова «Проблемы классификации гражданских правоотношений»². Исследование проблемы, проведенное с позиции конвенционализма как направления позитивистской философии,

¹ Чеговадзе Л. А. Структура и состояние гражданского правоотношения. – М.: Статут. 2004. – С. 10, 50, 61, 167, 177, 534.

² Рыбалов А. О. Проблемы классификации гражданских правоотношений: дис. ... канд.юр.наук: – СПб., 2007. – С. 4, 23

привело автора к парадоксальному выводу о том, что «понятие правоотношения является конвенционально устанавливаемым». «Определиться с понятием правоотношения необходимо для того, чтобы выстроить четкую, непротиворечивую систему гражданских прав» – рассуждает А. О. Рыбалов. – «При этом принципиально важно не ставить перед собой задачу доказать, что правоотношение – это именно то, что мы о нем утверждаем. Полагаем, что такая постановка вопроса не научна. Суть правоотношения как правовой конструкции такова, что вывести его понятие из норм права, эмпирических данных или иных источников невозможно. Можно лишь предположить наиболее удобную модель, такую, чтобы иные, более частные явления – обязательства, вещные права и пр. – уложились в логичную удобную для практического использования систему». Существующее теоретико – методологическое обоснование сложной правовой конструкции, каким является правоотношение, объявляется А. О. Рыбаловым «не научной», и вместо научного анализа предлагается «удобная для использования система».

Кроме этого, А. О. Рыбалов ставит фактический знак равенства между понятиями «правоотношение» и «субъективное право». «Наша позиция заключается в том, что термины «субъективное право» и «правоотношение» обозначают грани одного явления. Для цели практической юриспруденции достаточно понимания под правоотношением объективного взгляда на субъективное право» – утверждает А. О. Рыбалов. Это глубоко ошибочное мнение было отвергнуто ещё родоначальником концепции правоотношения Ф. К. Савиньи. «Если мы рассмотрим право в том виде, в каком оно окружает нас со всех сторон, то увидим в нем сначала власть одной личности – область, в которой господствует его воля и господствует с нашего согласия. Эту власть мы называем Правом этого лица, которое равнозначно полномочию; некоторые называют это правом в субъективном смысле. Однако при более пристальном рассмотрении мы убеждаемся в том, что полномочие не исчерпывает сути вопроса, а напротив, сама требует более глубокого обоснования. Таковое мы находим в Правоотношении, в котором каждое отдельное право представляет собой только одну особую сторону, так, что даже решение по отдельному праву может быть истинным и убедительным лишь в том случае, если оно основано на общем представлении о правоотношении. Правоотношение имеет органическую природу, которая обнаруживается как в связи его частей, поддерживающих и обуславливающих друг друга, так и в

продолжающемся развитии, которое мы воспринимаем в нем, в способе его возникновения и исчезновения»¹.

Мнение об ограниченности подхода А. О. Рыбалова к проблеме правоотношения мы находим и у Н. М. Коркунова: «Западно – европейское понимание права видит в субъективной стороне права не обусловленную юридическими нормами связанность, vinculum, а признанную и охраняемую правом свободную волю индивида. Из юридического признания воли личности вытекает уже затем, как естественное следствие, обязанность других не вторгаться в сферу, отмежеванную данной воле, и самые отношения между взаимно признающими друг друга волями. В последовательном своем развитии это воззрение приводит к совершенному отрицанию понятия юридического отношения и к замене его просто понятием субъективного права в смысле правопритязания»².

Концептуальные положения проблемы правоотношения, выдвинутые А. О. Рыбаловым, – отголоски модного в последнее время постмодернистского направления исследований в науке, стремящегося к смене научных парадигм. Утверждение объективности и рациональности явлений, в том числе правовых, меняется на субъективные составляющие. Отсюда и чисто постмодернистский подход к сути правоотношения как конвенции, соглашению научного сообщества по определенной проблематике. И с тех же позиций понятна смена понятия «правоотношение» как динамичного правового процесса на якобы равнозначное понятие субъективного права – статики правового явления. В целом, смена теоретико – методологических установок классической цивилистики и советской школы права в вопросе осмысления категории «правоотношение» на логико – философские концепты постмодерна вряд ли приемлемо. При этом подходе кардинально меняется сама суть категориального восприятия правоотношения как динамичного правового процесса, в котором требование наличия нормативной составляющей, либо взаимной связи субъектов права является чуть ли не самым основным требованием. В любой другой интерпретации это понятие теряет свой первоначальный смысл.

¹ Савиньи Ф.К. Указ. соч. – С. 278.

² Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. / Сост. А. Н. Медушевский. – М.: РОССПЭН. 2010. – С. 204.

Как вывод можно констатировать: эволюция теории правоотношения равномерно колебалась между двумя основными течениями – нормативистским и социологическим. И если в дореволюционный период эти течения в правовой науке существовали практически параллельно, то в советский период стало преобладать позитивистское понимание правоотношения, основанное на тезисе «правоотношение – отношение», т.е. привязка правоотношения к норме права.

Последние же исследования в области теории правоотношения перенесли акцент на правовую связь субъектов, и преобладающим в теоретическом осмыслении правоотношения стало социологическое направление. Современный период в исследовании теории правоотношений характеризуется тем, что наряду с существующими концепциями появляются его трактовки с точки зрения естественного права. Здесь правовое отношение понимается в широком смысле как отношение, возникающее в виде особой формы социального взаимодействия, участники которого обладают взаимными правами и обязанностями и реализуют их в целях удовлетворения своих потребностей и интересов. Таким образом, социологическая парадигма, в отличие от жестких позиций нормативизма, предлагает применение к институту правоотношения идей естественного права, применение к этому институту общих принципов права. И поскольку областью научных интересов автора являются теоретические проблемы гражданских правоотношений в сфере Интернета, думается, что будем правы, когда присоединимся к позиции понимания этого феномена, который в современный период не исчерпывается чисто нормативистским подходом. Сегодня в состав права широко включаются оценочные понятия, судебная практика, обычай. В сфере Интернета удельный вес этих категорий особенно значителен и практически важен, и ограничить правоотношения в сфере Интернета только областью, урегулированную нормами права, значило бы обеднить данное явление, оставить его часть без правового воздействия.

Раздел

**Трибуна
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

М. Д. Абаринова

аспирант кафедры граждан-
ского права ФГБОУ ВПО «Ку-
банский государственный аг-
рарный университет»
margarita –
abarinova@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ДОПУСТИМОСТИ ПОТЕСТАТИВ- НЫХ СДЕЛОК В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОС- СИИ

TO THE QUESTION OF THE ADMISSIBILITY POTESTATIVE TRANSACTIONS IN THE CIVIL LAW OF RUSSIA

Работа посвящена исследованию вопроса о возможности обуславливать права и обязанности, вытекающие из сделки потестативными условиями. Запрещать или нет потестативные сделки? В статье приведены мнения ученых по данному вопросу, изучена позиция законодателя, а также проанализированы подходы, сформированные правоприменительной практикой.

Ключевые слова: Условие; потестативные сделки; законодательство.

The article is devoted to the investigation of the problem about the possibility to determine the rights and obligations arising from the transaction by potestative conditions. Should we prohibit or not potestative deals? The article presents opinions of scientists on the issue, the position of the legislator and analysed approaches formed by the legal practice.

Key words: Condition; potestative transactions; legislation.

Развитие и усложнение экономических отношений в современный период привели к возрождению целого ряда гражданско – правовых институтов. В частности, широкое практическое применение получили условные сделки¹. Сделки под условием, наступление которого исключительно или преимущественно

¹ Ермолова Н. А., Камышанский В. П. Условные завещания: за и против // Наследственное право. – 2011. – № 3. – С. 11-13.

зависит от воли одной из сторон, так называемые потестативные сделки (от лат. *in potestative* – находящийся во власти), до недавнего времени мало интересовали отечественных цивилистов.

Вместе с тем, вопрос о допустимости условий является ключевым элементом во многих правовых традициях. Институт условных сделок был хорошо известен и дореволюционным цивилистам, благодаря научным разработкам которых можно говорить о самобытности развития данного института в отечественном гражданском праве.

В дореволюционной науке гражданского права понятие условия расценивалось в качестве «случайных принадлежностей». В отличие от необходимых принадлежностей, то есть элементов, являющихся характеризующими признаками сделки и обыкновенных принадлежностей, которые обычно встречаются в сделках подобного рода, не составляя при этом их сущности, случайные принадлежности сделки это элементы сделки, которые не входят в ее состав и никогда не предполагаются.

Г. Ф. Шершеневич считал, что между случайными принадлежностями сделки особенного внимания заслуживают условие, срок и наказ. «Условием, в техническом значении слова, называется такое случайное определение в юридической сделке, по которому предполагаемые последствия сделки становятся в зависимость о наступления или ненаступления в будущем известного обстоятельства. Условием называют также и это последнее обстоятельство, а сама сделка носит характер условной»¹. При этом, по мнению ученого, не все сделки допускают включение в их состав условия.

Исходя из сформулированного определения, ученый выделил два существенных признака условия: неизвестность наступления и произвольность установления. Поэтому не составляет условия такое обстоятельство, которое является необходимой составной частью самой сделки (например, отдается вещь на хранение под условием возвратить ее по первому требованию). По той же причине полагал Г.Ф. Шершеневич, условие не должно противоречить закону и нравственности.

Согласно классификации, разработанной данным цивилистом, условия представляют различные виды: положительные, то

¹ Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. – Тула: Изд – во Автограф. 2001. – С. 163

есть когда сделка поставлена в зависимость от наступления известного обстоятельства и отрицательные, то есть когда сила сделки ставится в зависимость от ненаступления известного обстоятельства. Положительное условие признается наступившим, когда совершается то обстоятельство, действие или событие, которое составляет содержание условия. Отрицательное условие наступает тогда, когда наступление условного обстоятельства оказывается невозможным (например, лицо обязуется уплатить долг другого в срок, если тот не заплатит сам, а между тем до срока должник объявляется несостоятельным).

Также выделялись условия отлагательные (суспензивные), от наступления которого зависило установленное сторонами юридическое отношение; и отменительные (резолютивные), когда от наступления условия зависит прекращение юридического отношения.

Когда наступление предусмотренного обстоятельства зависит от воли того лица, в пользу которого исполнится сделка, то условие будет произвольным. Если же наступление условного обстоятельства не зависит от воли того, в пользу которого исполнится сделка, то условие будет случайным. Возможно и соединение произвольного условия со случайным, тогда оно будет называться случайным.

Обсуждение условных сделок можно встретить и в исследованиях других цивилистов. В частности, В. И. Синайский и Е. В. Васьковский считали, что условие, включенное в сделку, влияет на осуществимость юридической сделки¹, а также на ее правовые последствия².

По мнению Д. И. Мейера, правоотношения изменяются лишь с наступлением условия, а потому до его наступления сделки нет³. В целом ученый полагал, что данный термин имеет слишком общее, неопределенное значение и даже в области права оно употребляется в различных значениях. В области гражданского права это побочное, будущее, неизвестное обстоятельство, о наступлении или ненаступления которого зависит существование сделки. Сделка, содержащая в себе такое побочное определение, называется условной. Как отмечал ученый, «в нашем юридическом быту каждое обстоятельство, не известное участникам сделки, хотя бы

¹ Синайский В. И. Русское гражданское право. – М.: Статут, 2002. – С. 154

² Васьковский Е. В. Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003. С. 166 – 167.

³ Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. Ч.1. М. : – Статут, 1997. – С. 192.

и уже наступившее, может быть ее условием»¹. Условная сделка определялась им как готовая сделка, имеющая налицо все существенные принадлежности и лишь волей участников поставленная в зависимость от стороннего обстоятельства, от которого она могла быть и вне зависимости.

К. П. Победоносцев считал, что «устанавливаемое по договору право и обязательство может быть условное, соединенное с условием. Условием служит неизвестное вообще (будущее) или неизвестное сторонами в минуту заключения договора обязательство, от наступления (или от выяснения) которого зависит существование самого права, составляющего предмет и цель договора»².

Таким образом, в дореволюционной России вопросы, связанные с условными сделками, их правовой природой, видах и признаках, о состоянии условной сделки до момента наступления условия активно обсуждались учеными того времени, что позволяет сделать вывод о том, что возможность существования сделок под условием, равно как и допустимость условий, зависящих от воли одной из сторон сделки не исключались в отечественной науке гражданского права.

По мнению А. Г. Карапетова в современной российской юридической науке анализ института условных сделок носит поверхностный характер, детализированная доктрина отсутствует, что приводит к значительным сложностям в правоприменении³. Одной из основных проблем ученый считает неопределенность в вопросе о том, какие условия стороны вправе выбирать, а какие нет⁴. При этом отмечает, что во-первых, в ст. 157 Гражданского кодекса Российской Федерации прямо не утверждается, что условие не может зависеть от воли одной из сторон. Во-вторых, суды признают недействительными условные сделки недействительными только на том основании, что они были поставлены под условие, зависящее от воли сторон, мотивируя это тем, что раз в ГК РФ

¹ Там же.

² Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Часть третья // Классика российской цивилистики. Электронная версия. СПС Консультант Плюс, 2005.

³ Карапетов А. Г. Зависимость условий от воли сторон условной сделки в контексте реформы гражданского права // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 7. – С. 29.

⁴ Руденко Е. Ю. Право собственности на жилое помещение как объект ипотеки жилого помещения // Власть Закона. – 2014. – № 2 (18). – С. 108-111.

написано о неизвестности, значит вероятнее всего, имеется ввиду случайность – которая не должна зависеть от сторон договора.

Однако, как совершенно справедливо отмечается, на самом деле из указания в законе на вероятностный характер будущего условия неизбежно вывод о недопустимости потестативных условий не следует.

Рассматривая возможность обуславливать права и обязанности, вытекающие из сделки, потестативными условиями, Ермолова Н. А. указывает, что «допустимость таких условий, даже несмотря на действие принципа свободы договора, сомнительна, так как исключает возможность объективно судить о добросовестности участника, от действий которого зависит разрешение условия»¹. По мнению ученого, наличие потестативного условия неизбежно приведет к навязыванию условий, заранее невыгодных для более слабого контрагента. Аналогичной позиции придерживается и М. И. Брагинский².

Другие ученые и в частности Агеев А. В. считает, что «само по себе потестативное условие не может нарушить чьи – либо права, вне зависимости от того, под чьим контролем оно находится. Вопрос о допустимости того или иного условия не имеет серьезного значения, так как одно и то же условие в разных обстоятельствах может совершенно по – разному влиять на правоотношение»³.

Вопрос запрещать или нет потестативные сделки, приобрел такую актуальность в последнее время, что не только цивилисты стали искать способы его разрешения.

Разработчиками Концепции гражданского законодательства Российской Федерации (далее по тексту – Концепция) с учетом сложившейся правоприменительной практики и имущественного оборота предлагалось рассмотреть вопрос о возможном расширении понятий «отлагательное условие» и «отменительное условие»⁴.

¹ Ермолова Н. А. Условные сделки в российском гражданском праве: Дисс. : к.ю.н. Краснодар, 2011. – С. 72.

² Брагинский М. И. Сделки: понятия, виды и формы (комментарии к новому ГК РФ). М., 1995. – С. 50.

³ Агеев А. В. Проблемы регулирования потестативных условий // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № № 1, 2. – С. 16.

⁴ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. – №11. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант – Плюс».

Вместо этого в первоначальном проекте Федерального закона №47538 – 6 появилось предложение о том, чтобы дополнить статью 157 Гражданского Кодекса Российской Федерации пунктом следующего содержания: «сделка не может быть совершена под условием, наступление которого исключительно или преимущественно зависит от воли одной из сторон сделки, если иное не установлено законом или не вытекает из существа сделки; совершение сделки под условием не допускается, если это противоречит существу сделки (заявление о зачете, доверенность и т.п.)»¹.

По сути, приведенные выше положения запрещали потестативные сделки, в которых условия зависят исключительно или преимущественно от воли одной из сторон. Под запрет попадали также условия, по которым кредитор приобретает собственность или иное имущественное благо в случае нарушения должником обязательства.

В обоснование необходимости таких изменений в пояснительной записке к законопроекту указывалось, что главной задачей является преодоление складывающейся судебной практики, которая очень строго относится к так называемым потестативным условиям. Также принималось во внимание, что доктрина и судебная практика Западной Европы (Франция, Германия, Нидерланды, Швейцария) отрицательно относятся только к «чисто потестативным» условиям (то есть те, в которых воля сторон является определяющей), а ограничений для «просто потестативных» условий (то есть тех, в которых воля сторон играет роль, но не является определяющей) не предусматривают, поскольку это неприемлемым образом стесняет оборот. Слова «исключительно и преимущественно» в предлагаемой редакции несут на себе основную нагрузку в связи с тем, что в законе невозможно определить, какие условия в сделке не следует признавать неприемлемыми. При этом отмечалось, что окончательная ясность в данной вопрос может быть внесена судебной практикой, исходя из основополагающей идеи, согласно которой условие в сделке не должно несправедливо нарушать баланс интересов сторон².

¹ Проект Федерального закона №47538 – 6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс] // СПС «Консультант – Плюс».

² Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»».

В то же время как отмечает Камышанский В. П. «любая возможность расширения свободы усмотрения в процессе правоприменительной деятельности, заложенная в законе, становится правом сильного и создает дополнительные проблемы для защиты прав слабой стороны в правоотношении»¹. В такой ситуации субъекты частного права становятся уязвимыми перед органами судебной власти, которые могут признать недействительной сделку лишь на том основании, что она содержит условие, зависящее от одной из сторон.

Неудивительно, что предложенный разработчиками Концепции подход вызвал резкую критику как стороны бизнес – сообщества² и был одним из наиболее обсуждаемых и дискуссионных при принятии соответствующих поправок в Гражданский Кодекс Российской Федерации³.

В качестве видимого компромисса было принято решение не изменять существующее положение, оставив вопрос о допустимости потестативных условий на усмотрение судов. В итоге изменения в статью 157 Гражданского Кодекса Российской Федерации так и не были внесены.

Вместе с тем, по мнению А. В. Агеева, «включая в договор потестативное условие, стороны реализуют принцип свободы договора и ... коль скоро потестативные условия востребованы гражданским оборотом, их запрет так или иначе будет преодолен»⁴.

А. Г. Карапетов, высказываясь по данной проблематике еще на стадии подготовки Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации обозначил предлагаемое ее разработчиками решение в целом «неадекватным, ограничивающим свободу договора без внятных политико – правовых на то оснований и неверно считающим опыт зарубежных

Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс] // СПС «Консультант – Плюс».

¹ Камышанский В. П. К вопросу о понятии «Обход закона» в Гражданском Кодексе Российской Федерации // Власть закона. – 2013. – № 2 (14). – С. 15.

² Камышанский В. П. Некоторые аспекты российской гражданско-правовой политики // Власть закона. – 2013. – № 3 (15). – С. 10.

³ Камышанский В. П. Некоторые проблемы интеграции юридической науки и законотворческого процесса // Власть Закона. – 2012. – № 2. – С. 10-12.

⁴ Агеев А. В. Проблемы регулирования потестативных условий // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № №1, 2. – С. 19.

правопорядков»¹. Проведя сравнительно – правовой анализ потестативных и смешанных условий в английском праве и в праве США, где помимо института условных сделок, выделяют также институт обязательственных условий, ученый пришел к выводу о том, что английско – американскому праву условными могут быть как договоры в целом, так и отдельные обязательства по ним. В европейской доктрине условие, которое зависит исключительно от одной стороны, называется потестативным. Если же условие зависит от контрагента частично или даже преимущественно, то его называют смешанным. Доктрина условных сделок во Франции, где акцент делается на условном характере того или иного обязательства, а не на сделке в целом, содержит запрет только потестативных условий, зависящих исключительно от воли должника (так называемых «чисто потестативных» условий – зависящие исключительно от воли должника). При этом, «просто потестативные» условия, которые зависят от действий должника, не влияют на действительность обязательства. Каких – либо проблем с применением потестативного условия на стороне кредитора во Франции не возникало. Законодательство Германии также допускает условные сделки и прямо не вводит каких – либо ограничений на потестативные условия.

По нашему мнению, рассматривая обозначенный вопроса через призму современного гражданского законодательства России нельзя игнорировать и то обстоятельство, что использование конструкции условной сделки не должно препятствовать свободному волеизъявлению участников гражданского оборота, добросовестности которых по общему правилу, предусмотрено в ст. 1 Гражданского Кодекса Российской Федерации предполагается.

В контексте изложенного нельзя не согласиться с выводом Карапетова А. Г. о том, что почти все страны допускают условность как всей сделки, так и отдельных обязательств по ней. При этом страны романо-германской семьи вводят на законодательном уровне запрет на потестативные условия на стороне должника, а правопорядки Англии и США только не в рамках доктрины условных сделок, а в рамках института иллюзорных обязательств добиваются похожего результата.

¹ Карапетов А. Г. Зависимость условий от воли сторон условной сделки в контексте реформы гражданского права // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – №7. – С. 40.

Представляется, что в такой ситуации ссылка отечественного законодателя в обоснование своей позиции о запрете потестативных условий на европейские доктрины и судебную практику наврядли можно назвать корректной. Отсюда можно предположить, что законодатель до настоящего времени так и не определился с позицией по вопросу о допустимости потестативных условий, видимо так и не найдя баланс, основанный на достижениях европейской доктрины частного права и учитывающий реалии современного российского общества. Хотя уже совершенно очевидно, что потестативные сделки – механизм, крайне востребованный в условиях рыночной экономики, в том числе, в крупных внешнеэкономических сделках и потому без всяких сомнений заслуживающий пристального внимания, а также проведения дальнейших исследований в целях избежания принятия законодательных актов или отдельных новелл, не сопровождающихся глубокой научной проработкой.

К. С. Акимова

преподаватель Волгоградского
кооперативного института
(филиал) АНОО ВО Центросо-
юза РФ Российского универси-
тета кооперации, юрист Волго-
градской областной организа-
ции Общество «Динамо»
Г. Волгоград,
c.akimova@yandex.ru

ОДНОСТОРОННИЙ ОТКАЗ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ КАК НОВОВВЕДЕНИЕ В ОБЯ- ЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ПРАВЕ

UNILATERAL REFUSAL OF EXECUTION OF OBLI- GATIONS AS A NOVELTY IN THE OBLIGATIONS LAW

В указанной статье автор рассмотрел одно из нововведений Гражданского кодекса РФ, а именно – допустимость одностороннего отказа от исполнения обязательств. Рассмотрены случаи, когда возможен односторонний отказ от исполнения обязательств, возникающие в результате этого проблемы, и предложены варианты разрешения указанных споров.

Ключевые слова: Односторонний отказ от исполнения обязательств, исполнение обязательств, обязательственное право, нововведение Гражданского кодекса РФ.

In this article the author considered one of the innovations in the Civil code of the Russian Federation, namely the impermissibility of unilateral refusal of execution of obligations. The cases cited, when possible unilateral refusal of execution of obligations arising as a result of this problem, and proposed solutions to resolve these disputes.

Keywords: unilateral refusal of execution of obligations execution of obligations, law of obligations, innovation in the Civil code of the Russian Federation.

Пожалуй, одним из самых объемных, и подчас, требующий глубокого анализа и знаний является раздел цивилистики,

посвященный исполнению обязательств¹. Подавляющее количество судебных разбирательств связано с рассмотрением споров о ненадлежащем исполнении обязательств. Законодатель, решив урегулировать возникающие проблемы, ввел ряд новшеств в обязательственное право². С этой целью был принят Федеральный закон от 08.03.2015 N 42 – ФЗ "О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации"³ (далее ФЗ № 42). В числе прочего, внесены были такие изменения в Гражданский кодекс, как возможность одностороннего отказа от обязательств.

Ранее, до принятия новаций в Гражданский кодекс, Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации выпустил Постановление №16 от 14 марта 2014 года «О свободе договора и ее пределах»⁴. В своем постановлении Пленум ВАС разъяснил, что «Статья 310 ГК РФ допускает согласование в договоре права на одностороннее изменение или односторонний отказ от договора только в случаях, когда договор заключается в связи с осуществлением обеими его сторонами предпринимательской деятельности. Цель данной нормы состоит в защите слабой стороны договора. Следовательно, подразумеваемый в ней запрет не может распространяться на случаи, когда в договоре, лишь одна из сторон которого выступает в качестве предпринимателя, право на одностороннее изменение или односторонний отказ от договора предоставлено стороне, не являющейся предпринимателем». ВАС РФ встал на защиту стороны, не осуществляющей предпринимательской деятельности, и позднее это же положение было закреплено ФЗ № 42.

Известно, что обязательственное право возникло еще в эпоху римского права. Уже в то время были разработаны и внедрены в жизнь последствия неисполнения обязательств: «В случае нарушения времени, места, порядка исполнения обязательства возникала просрочка исполнения обязательства, которая влекла за собой “увековечивание” обязательства. Сторона, просрочившая исполнение обязательства, отвечала за последующие риски

¹ Камышанский В. П. Каким должно быть юридическое образование? // Современное право. – 2010. – № 2. – С. 3-7.

² Камышанский В. П. О количестве и качестве юристов в современной России // Юридическое образование и наука. – 2010. – № 4. – С. 5.

³ Федеральный закон от 08.03.2015 N 42 – ФЗ "О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации".

⁴ Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 N 16 "О свободе договора и ее пределах".

(например, риск случайного уничтожения вещей, которые следовало вовремя передать кредитору по обязательству). Помимо этого должник обязан был возместить убытки, связанные с просрочкой исполнения обязательства, которые определялись наивысшей ценой предмета обязательства в период между возникновением обязательства и его фактическим исполнением, обязан был уплатить проценты по долгу. Ответственность должника за неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязательства выражалась в Древнем Риме преимущественно в обязанности возместить все возникшие убытки (*damnum praestare*). Иногда ответственность применялась объективно, по факту, т. е. независимо от вины нарушителя (повышенная ответственность, основанная на объективном вменении). Таковой, например, была ответственность поручителя, возмещавшего убытки, произошедшие по вине должника. В случае просрочки исполнения обязательства кредитор мог в одностороннем порядке отказаться от договора. От ответственности за просрочку должника освобождала просрочка кредитора. Помимо этого кредитор (если время исполнения обязательства не было четко определено в нем самом) должен был напомнить должнику о необходимости исполнения обязательства, в противном случае просрочка не наступала. ... За умышленное неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязательства ответственность наступала всегда безо всяких исключений, данное правило не могло быть устранено предварительным соглашением сторон»¹

Как видно, вопрос исполнения обязательств, а главное, правовых последствий их ненадлежащего исполнения занимал юристов всех времен.

В. С. Елисеев в статье «Соотношение правовых доктрин об обязательствах» дает такое понятие обязательств: «Отношения, вытекающие из обязательств, пронизывают все сферы общественной жизни, выражая хозяйственный оборот, где его многочисленные участники – физические и юридические лица – обмениваются материальными ценностями, деньгами, возмещают убытки, причиненный имущественный и моральный вред, переуступают друг другу права, координируют свое поведение в предпринимательской, производственной и иной деятельности. Все это многообразие отношений, возникающих в подобных случаях, описывается одним термином – «обязательственные правоотношения». При всем

¹ Кудинов О. А. Введение в римское право: Учебное пособие / О. А. Кудинов. – 3 – е изд. – М. : Издательско – торговая корпорация «Дашков и К^о», 2012. – 220 с

внешнем различии обязательственные правоотношения обладают некой юридической общностью, позволяющей систематизировать эти отношения, выявляя их характерные признаки»¹.

Ежедневно различные субъекты права вступают в различные правоотношения, порождая тем самым взаимные права и обязанности, когда у одного из участников возникает право требовать от другого участника надлежащего исполнения обязанностей.

Так, 01 июня 2015 года вступили в силу новые поправки к Гражданскому кодексу Российской Федерации, вызвавшие оживленный интерес и споры по принятым новшествам. Среди прочих, были приняты такие нововведения как допустимость одностороннего отказа от исполнения обязательств. К примеру, если все стороны обязательств осуществляют предпринимательскую деятельность, то законодатель предоставляет право в таких обязательствах сторонам самостоятельно предусмотреть в договоре основания одностороннего отказа от обязательств.

В случае же, когда предпринимательскую деятельность осуществляет лишь одна из сторон, право одностороннего отказа принадлежит наименее защищенной, по мнению законодателя, стороне – стороне, которая не осуществляет предпринимательскую деятельность. В этом случае, стороны должны предусмотреть основания и случаи когда сторона, не осуществляющая предпринимательскую деятельность, может отказаться от исполнения договора². С такой позицией и выступил ранее Пленум ВАС в вышеуказанном постановлении. Теперь это положение закреплено законодательно.

Таким образом, нововведения в 310 статью Гражданского кодекса о предоставлении права одностороннего отказа от исполнения обязательств являются отсылочными к общим положениям о договоре, порядке его изменения и расторжения. Также ФЗ № 42 введено такое понятие, как «Сторона, которой настоящим Кодексом, другими законами или договором предоставлено право на одностороннее изменение договора». Правда, закон закрепляет, что

¹ Проблемы гражданского права и процесса: сборник научных статей / Министерство образования республики Беларусь, Гродненский государственный институт им. Янки Купалы, с. 101 – 115 / В. С. Елисеев / Соотношение правовых доктрин об обязательствах

² Марухно В. М. Недействительность завещания: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 38.

такая сторона должна действовать разумно и добросовестно, однако законом пределы разумности и добросовестности не установлены¹.

Так, к примеру, при управлении многоквартирными домами право отказаться в одностороннем порядке от исполнения обязательств, а соответственно и от исполнения договора принадлежит потребителю – собственникам помещений в многоквартирном доме. Но непременно возникает вопрос об определении критериев разумности и добросовестности действий стороны.

С другой стороны возникает проблема, что должен делать добросовестный исполнитель, оказывающий услуги потребителю, в случае если потребитель злоупотребляет своим правом, или без достаточных на то оснований выступает с инициативой расторгнуть договор и прекратить обязательства.

К тому же, исполнитель, осуществляющий предпринимательскую деятельность, лишен права выступить с инициативой расторгнуть договор и прекратить обязательства по причинам, когда он не может далее осуществлять такую деятельность. Представляется, что в таком случае лицу остается только один выход – требовать расторжения договора в судебном порядке².

Думается, что имеет смысл предусмотреть механизм защиты стороны, осуществляющей предпринимательскую деятельность от действий недобросовестных потребителей. В настоящее время, закон и практики принимают сторону «наименее защищенной стороны в обязательствах» – потребителя, из – за того, что в законе отсутствует понятие «недобросовестный потребитель». Нередко, потребители злоупотребляют своими правами, зная, что закон для них не предусматривает обязанности соблюдать права предпринимателей. Однако, в последнее время все чаще встречаются случаи «потребительского экстремизма», когда у лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность отсутствует возможность доказать свою добросовестность. Для защиты лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, необходимо разработать понятие «недобросовестного поведения», «недобросовестного потребителя», а также предусмотреть для потребителей не

¹ Камышанский В. П., Ветер Н. Ю. Обход закона и злоупотребление правом: общее и особенное // Власть закона. – 2013. № 4 (16). С. 19.

² Марухно В. М. Недействительность завещания: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 22.

только права, но и обязанность не нарушать права лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

По мнению автора данной статьи, можно предложить следующее определение «недобросовестного потребителя»: «недобросовестный потребитель – это лицо, которое приобретает товар (работу, услугу) заведомо допуская, что не будет использовать указанный товар (работу, услугу) для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, а также лицо, которое в случае обнаружения недостатков в товарах (работах, услугах) своими действиями (бездействиями) препятствует выполнению продавцом своих обязанностей, предусмотренных законом о защите прав потребителей, таких как проведение проверки качества, установление причин возникновения недостатков в товаре (работе, услугах)».

Также предлагается ввести понятие «недобросовестного поведения потребителя»: «недобросовестное поведение потребителя заключается в действиях (бездействиях), когда потребитель заведомо предполагал расторгнуть заключенный договор с продавцом (исполнителем), а также, действия, препятствующие продавцу (исполнителю) исполнить обязательства, предусмотренные действующим законодательством».

В дополнение, по мнению автора, законодатель может предоставить право судам отказывать в удовлетворении исковых требований потребителя, если судом будет установлено, что потребитель действовал исходя не из принципов добросовестности и разумности.

Таким образом, если указанные предложения будут приняты законодателем¹, думается, что будут соблюдаться не только права потребителей, но и права лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

¹ Диденко А. А. Современная система источников российского гражданского права // Политематический сетевой электронный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2007. – № 30. – С. 209.

М. С. Буланов

директор юридической фирмы
MIALEGIS, аспирант кафедры
гражданского права ФГБОУ
ВПО «Кубанский государствен-
ный аграрный университет»
bulanov@zakon.ru

ПРОЦЕНТЫ ПО ДЕНЕЖНОМУ ОБЯЗАТЕЛЬСТВУ В НОВОЙ РЕДАКЦИИ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ

INTEREST ON A MONETARY OBLIGATION IN THE NEW EDITION OF THE CIVIL CODE OF THE RUS- SIAN FEDERATION

В статье анализируется нововведение в Гражданский кодекс в виде статьи 317.1, ставится вопрос о соотношении ее со статьями 395 и 823 ГК РФ, вносятся предложения по практике применения «законных процентов».

Ключевые слова: статья 317.1 ГК РФ, обязательства, денежное обязательство, коммерческий кредит, просрочка, отсрочка платежа, двойная ответственность.

The article analyzes the innovation of the Civil Code as an article 317.1, the question of the relationship between it with Articles 395 and 823 of the Civil Code, and make proposals on the practice of "legitimate interest".

Keywords: Article 317.1 of the Civil Code, obligations, liabilities, commercial credit, delay, delay of payment, a dual responsibility.

Федеральным законом от 08.03.2015 N 42 – ФЗ в Гражданский кодекс с 1 июня 2015 года введено новое понятие – законные проценты по денежному обязательству. В соответствии с пунктом 1 статьи 317.1 кредитор по денежному обязательству, сторонами которого являются коммерческие организации, имеет право на получение с должника процентов на сумму долга за период пользования денежными средствами. При отсутствии в договоре условия о размере процентов их размер определяется ставкой рефинансирования Банка России, действовавшей в соответствующие периоды.

Данное нововведение в гражданское законодательство представляется очень интересным в первую очередь потому, что оно является «изобретением» российского права – нигде в мире никогда такого не было. В Европе, например, плата за просрочку платежа приравнивается к ставке рефинансирования Европейского Центрального Банка с прибавкой от 7 до 10 процентов, что в совокупности с низким уровнем инфляции в должной мере защищает кредитора.

Но смысл идеи российского законодателя заключается в том, что абсолютно любой денежный долг предполагает прирост – определенный процент, причем независимо от того, нарушает ли контрагент обязательства или нет. С экономической точки зрения очень правильная идея, на наш взгляд, так как деньги имеют свойство обесцениваться и этот процесс в экономике идет непрерывно, соответственно тот, у кого находятся эти деньги в любой период времени должен нести бремя их обесценивания. Например, 100 рублей, которые находятся в моем кармане в течение дня обесценились на 1% инфляции и на следующий день на них можно купить товар стоимостью 99 рублей. И этот процесс произошел именно в то время, когда купюра находилась у меня в кармане. Так почему же коммерческие организации должны нести инфляционные риски и терпеть их последствия не только за те денежные средства, которые у них на счету, но и за те, которые находятся в фактическом пользовании их контрагентов? Естественно, такая логика представляется неверной, следовательно, во введении статьи 317.1 в Гражданский кодекс видится совершенно четкая экономическая необходимость.

В первую очередь представляется интересным сравнительный анализ нового понятия «законных процентов» с уже давно знакомым гражданскому законодательству институту – процентами за неправомерное пользование чужими денежными средствами, исчисляемыми по правилам статьи 395 ГК РФ.

Для разрешения этого вопроса стоит обратиться к пояснительной записке к законопроекту, в которой указано следующее: «В отличие от процентов, предусмотренных статьей 395 ГК, применяемых как мера ответственности за просрочку денежного обязательства, указанные законные проценты будут взиматься как

плата за пользование чужими денежными средствами¹». То есть законодатель дает четкое различие – статья 395 ГК РФ – подразумевает ответственность, которая должна вытекать из нарушения права. В тексте самой статьи 395 ГК содержится «вследствие неправомерного удержания денежных средств», то есть для основания ее применения обязательно должно быть какое – либо нарушение со стороны контрагента. К примеру, организация поставила товар контрагенту с условием оплаты в течение 3 – х дней, оплата не поступает – с 4 дня применяется 395 ГК РФ, или страховая компания задерживает страховую выплату на месяц – применяется 395 ГК РФ (при условии, что не применяется законодательство о защите прав потребителей, где установлены иные проценты). Собственно говоря, судебная практика по 395 ГК сегодня сложилась довольно обширная и многообразная и у практикующих юристов и судей сложилось четкое понимание механизма ее применения.

Второй вопрос, это соотношение 317.1 ГК РФ и процентами по 823 ГК «коммерческий кредит». Здесь, на наш взгляд, для уяснения отличий следует обратить внимание на исключительно диспозитивный характер статьи 823 ГК РФ (в отличие от 317.1 ГК РФ), предполагающий, что условие о плате за пользование денежными средствами может быть закреплено в договоре, которое, собственно, и называется коммерческим кредитом.

Более сложный вопрос представляет определение момента начала расчета процентов по 317.1 ГК РФ. Сама статья не содержит четкого указания, с какого момента следует начинать расчет. К известно, в гражданском обороте огромное количество договоров с отсрочкой платежа. Стороны сами устанавливают условие, согласно которому платеж по договору осуществляется в течение, допустим, 30 дней с момента поставки товара. С введением 317.1 ГК РФ вполне резонной представляется логика, в соответствии с которой сторона – поставщик может потребовать с контрагента плату за 30 – дневное пользование деньгами. Если представить, что суммы и сроки платежей могут быть большими, то и такая плата может быть весьма существенной.

Однако, при этом не стоит забывать о том, что плата за отсрочку платежа может быть уже заложена в саму цену договора. В

¹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона N 47538 – 6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант – Плюс».

принципе, так и сложилось в деловом обороте, где стороны – предприниматели прекрасно понимают экономические последствия отсрочки по оплате и предусматривают это в договорах¹. Получается ситуация, при которой сторонам, предусмотревшим отсрочку платежа в цене стоит прямо указать в договоре на то, что 317.1 ГК РФ не применяется, что, на наш взгляд, является не совсем верным и вполне может допустить злоупотребления сторон договора. С другой стороны, в Гражданский кодекс вводится еще один инструмент для участников оборота, которыми они могут пользоваться по своему усмотрению, включать 317.1 по умолчанию или исключить ее, специально это оговорив. Как верно указывают некоторые авторы «предприниматели нуждаются в гибких, не застывших правовых формах. Это побуждает их искать такие договорно-правовые конструкции, которые максимально обеспечивали бы их интересы и позволяли достигнуть желаемого результата проще, дешевле и эффективнее²».

Безусловно, уже сейчас можно говорить о том, что введенная 317.1 в Гражданский кодекс РФ перевернула презумпцию пользования чужими денежными средствами, а именно конкретно указала на то, что пользование деньгами – платное, и с экономической точки зрения это представляется весьма верным решением законодателя.

Ведь по сути, сегодня с практикой по 395 ГК в совокупности со сложностью (и порой невозможностью) доказывания убытков – выгодно вообще не отдавать долги. Недобросовестному должнику куда проще прокредитоваться за счет контрагента, продержат у себя денежные средства, использовать их по своему усмотрению, а максимум что ему за это может грозить – проценты по 395 ГК РФ, рассчитанные по среднерыночной ставке банковского вклада в регионе для физических (почему – то!) лиц. Однако, участники рыночного оборота прекрасно понимают, что даже под такую ставку на практике кредит не получить, так как добавляется большое количество издержек в виде залога, поручительства и т.д. Вот и получается ситуация, при которой недобросовестным быть выгодно, что недопустимо в нормальной рыночной экономике и правовом государстве.

¹ Камышанский В. П. О количестве и качестве юристов в современной России // Юридическое образование и наука. – 2010. – № 4. – С. 5.

² Лескова Ю. Г., Давлетова А. Р. К вопросу о пределах свободы заключения именованного договора // Власть закона. – 2014. – № 2. – С. 35;

Мы полагаем, что на практике стоит предусмотреть механизм возложения двойной ответственности на должника – в виде процентов по 317.1 и 395 ГК РФ одновременно. К тому же сейчас есть этому и обоснование – плати, во-первых, за то, что пользуешься, во – вторых за то, что нарушаешь. Недопустимость двойной ответственности за одно и то же правонарушение здесь исключается как раз ввиду того, что 317.1 ГК не является мерой гражданско-правовой ответственности.

Еще одним плюсом совместного применения 317.1 и 395 ГК РФ является возросшее бремя ответственности для должников, а чем оно больше, тем крепче гражданский оборот и меньше нагрузка на судебную систему.

В любом случае стоит отметить появление статьи 317.1 в Гражданском кодексе как очень позитивный момент в российском праве. Однако, для полноценного внедрения ее в гражданский оборот необходимо выработать четкий подход к практике ее применения, что должно быть осуществлено судебной системой и в первую очередь Верховным Судом РФ в виде соответствующего постановления Пленума.

Т. В. Вологина

соискатель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанского государственного университета»
Kathedra@mail.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

THE MAIN DIRECTIONS OF OPTIMIZATION OF PROCESS OF LEGAL EDUCATION OF TODAY'S YOUTH

В настоящей статье исследуются вопросы и методика оптимизации процесса правового воспитания, которые приобретают все более важное общегосударственное значение, поскольку от правовой воспитанности граждан сегодня зависит успех претворения в жизнь идеи правового государства. Автор указывает на необходимость использования всесторонних методик правового воспитания в образовательном процессе, не только лекций, бесед и проведения семинаров по правовым вопросам, но и использования инновационных интерактивных методик обучения праву. Особенно автором подчеркивается негативное влияние СМИ, интернета и социальных сетей на формирование правового потенциала современной молодежи.

Ключевые слова: Правовое воспитание, правовое сознание, правовое просвещение, интерактивные методики правовоспитательного процесса.

This article explores the issues and methods of optimizing the process of legal education, which are becoming increasingly important national importance because of the legal education of citizens today, the success of the implementation of the idea of the rule of law. The author points to the need for comprehensive methods of legal education in the educational process, not only lectures, discussions and seminars on legal issues, but also the use of innovative interactive methods of teaching law. Especially the author highlights the negative impact of the media, the Internet and social networks on the formation of the legal capacity of today's youth.

Keywords: legal education, legal consciousness, legal education, interactive methods pravovospitatelnogo process.

Правовое воспитание личности, в силу своего влияния на все сферы общественной жизни, является не только ключевым направлением на пути построения правового государства и гражданского общества, но это еще и сложная и многоаспектная деятельность, которая должна развиваться и не отставать от реалий развития современного общества.

Можно отметить, что правовое воспитание – это система мер, направленных на внедрение в сознание индивидов демократических правовых и моральных ценностей, принципов права, стойких убеждений в необходимости и справедливости норм¹. Но недостаточный уровень правовой культуры и правового сознания может привести к проблеме обеспечения реализации основных правовых принципов, в том числе и принципа верховенства закона. Следовательно, наша задача в современных условиях построения правового государства и возрастающей роли закона в системе социальных регуляторов – воспитать личность с прочными знаниями о законодательстве, законности, правовых обязанностях².

В современной России вопросам всестороннего развития и формирования молодого поколения уделяется большое внимание³, как наиболее важным и стратегически значимым для развития общества. Именно поэтому молодежь, как особая социальная группа, выступает важнейшим объектом национально – государственных интересов, основным фактором поступательного развития и дальнейшей стабильности российского общества на ближайшие десятилетия.

На протяжении всей жизни человека на формирование правовой культуры и позитивного типа правосознания и поведения человека, а особенно молодежи, оказывают влияние многие факторы.

¹ Мельников В. Ю. Правосознание и правовое воспитание личности в демократическом, правовом государстве. «Культура: управление, экономика, право», – 2012, – № 3.

² Камышанский В. П. Каким должно быть юридическое образование? // Современное право. – 2010. – № 2. – С. 3-7.

³ Камышанский В. П. О количестве и качестве юристов в современной России // Юридическое образование и наука. – 2010. – № 4. – С. 5.

Ряд этих факторов особенно важен при воспитании молодого поколения, будущего поколения россиян. Такими направлениями и факторами влияния могут быть: характер воспитания и моральный климат в семье, законопослушное поведение родителей; качественный уровень воспитания и обучения в образовательных учреждениях различного типа и вида, в том числе закрепление и развитие у учащихся основ правосознания; распространение и использование доступных для восприятия информационных материалов, формирующих правовую грамотность и правосознание населения¹, в печатном, электронном, аудиовизуальном и ином виде, а также с помощью средств массовой информации; деятельность лиц творческих профессий и их объединений, средств массовой информации, организаторов эфирного и кабельного вещания, издательских организаций, производителей рекламной продукции, направленная на создание и распространение произведений, активно продвигающих в общественное сознание модель законопослушного поведения в качестве общественно одобряемого образца².

Для формирования позитивного правосознания, воспитания в детях внимательности к людям, готовности к дружбе, сотрудничеству, уважения к окружающим, СМИ, теле – и радиоканалы должны демонстрировать и распространять опыт положительных примеров социально активного поведения в обществе.

В России по телевидению вместо отечественной истории и действительной культуры для молодежи ежедневно демонстрируется насилие с убийствами и развратом.

Интересным оказалось для нас мнение представителей СМИ о том, что демонстрацию убийств они не считают пропагандой насилия. По их мнению, это лишь художественные образы, а не демонстрация насилия, это, напротив, борьба с ним.

Под правовым воспитанием обычно подразумевается целенаправленная деятельность по трансляции (передаче) правовой культуры, правовых идеалов, правового опыта и механизмов разрешения конфликтов в обществе от одного поколения к другому, имеющая целью развитие правового сознания человека и в итоге –

¹ Камышанский В. П. О количестве и качестве юристов в современной России // Юридическое образование и наука. – 2010. – № 4. – С. 6.

² Васильев Ф. П., Булатова Л. А. Современное правовое воспитание как необходимый фактор в образовательной политике России. // Административное право и процесс. – 2013. – № 4.

правовой культуры общества в целом.¹ Не только знание гражданами своих прав, свобод, но и понимание обязанностей – является составной частью правовой культуры. Правовое сознание человека включает чувство убежденности в том, что он найдет у государства, посредством его органов помощь в защите своих прав, законных интересов. Государство, справедливо требуя от него выполнения возложенных обязанностей, гарантирует его равенство в правах с другими гражданами, равенство со всеми перед законом и судом². Важно подчеркнуть, что на сегодняшний день практически отсутствует включенность судебной власти в процесс правового воспитания.

Правоохранительные органы, в том числе и судьи, фактически отстранены от правового воспитания населения, что в советское время входило в их обязанность, когда даже судьи "ходили в народ". Рассматривая, в частности, в этом роль судей, А. М. Цалиев справедливо пишет: "С начала 90 – х годов, с реформированием судебной власти, их роль свелась исключительно к осуществлению одной основной задачи – осуществлению правосудия, что привело к удалению судебной власти от народа. Об этом свидетельствуют социологические исследования, многочисленные публикации в печати, указывающие на повышение уровня недоверия к судебной власти"³.

Сегодня народ не ходит даже на судебные заседания, так как во многих районных судах не предусмотрено для посещения граждан соответствующего количества мест. Мы согласны, что определенными каналами правового воспитания населения с некоторых пор стали такие телепередачи, как "Час суда", "Суд идет", "Федеральный судья", что восторженно отмечает П. А. Гук⁴, но, к сожалению, это мало касается молодежи школьного возраста, которая такие телепередачи не смотрит. Для подрастающего поколения нужно живое общение с представителями правоохранительных органов и правосудия⁵.

¹ Алексеев С. С. Права человека. – М.: Норма, 2009. – С. 589.

² Лескова Ю.Г. Некоторые проблемы правового положения учреждений по новому законодательству // Юрист. 2007. № 4. С. 7-10.

³ Цалиев А. М. Деятельность суда по повышению правосознания граждан // Российская юстиция. – 2011. – N 7. – С. 35.

⁴ Гук П. А. Методы судебной деятельности // Российская юстиция. – 2008. – N 3. – С. 59.

⁵ Овсянникова Е. К., Марухно В. М. Коммуникативная компетентность преподавателя высшей школы как фактор эффективности учебно-воспитательного процесса // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – № 4. – С. 186-187.

"Основами государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан", утвержденными Президентом России 4 мая 2011 г., определены следующие направления государственной политики: правовое просвещение, развитие правового образования и воспитания подрастающего поколения в образовательных учреждениях различного уровня посредством внедрения в образовательный процесс учебных курсов, программ, учебно – методических материалов, обеспечивающих получение знаний в области права.

Как видно, средствами трансляции правовой культуры являются правовое воспитание, обучение и образование, но начало XXI в. это начало эпохи инноваций, с коренными преобразованиями в сфере образования, меняющими наши представления о его роли в современном обществе. Сегодня меняются и условия формирования личности, и, безусловно, должны меняться и методы правового воспитания.

Поэтому современная методика правового воспитания и просвещения подрастающего поколения должна эволюционировать не только с учетом изменяющейся социокультурной среды, возрастных и психологических особенностей несовершеннолетних, но и с учетом новых факторов влияния и восприятия молодежью правовой информации.

Молодежь сегодня увлечена и поглощена интернетом и социальными сетями, она не интересуется новостями, не смотрит телевидение, кроме сериалов определенной направленности. Все что им интересно это интернет – общение, активность в социальных сетях и максимум как развлечение – это кинематограф, к которому они подходят очень избирательно. Особо хотелось бы подчеркнуть, что сегодня, общаясь в социальных сетях, подрастающее поколение тратит на них куда более больше времени, чем за чтением художественной и тем более научной литературы.

Британский ученый и писательница Сьюзан Гринфилд доказала, что дети, воспитанные в социальных сетях, теряют способность к сопереживанию. Верить на слово не хочется¹.

А ведь человеческий мозг устроен так, что впечатление о человеке мы на 70 % составляем из невербальной информации. А в социальных сетях получается, что мы отключаем свой мозг, мы готовы общаться с каждым, не задумываясь, не требуя к себе постоянного внимания.

¹ Сайт «Социальные сети: азбука социальных сетей».

Некоторые психологи утверждают, что социальные сети помогают современному молодому поколению не чувствовать себя одиноким, борются с депрессией. Но на самом деле все наоборот: ребенок настолько привыкает к тому, что его постоянно оценивают и замечают, что в реальной среде ему трудно. И либо у него наступает депрессия, либо он целиком уходит в виртуальные сети, отгораживаясь от мира¹.

Ребенок, воспитанный в социальных сетях, не умеет разбираться в людях, не способен грамотно разговаривать и строить диалог, не утруждает себя таким чувством, как сочувствие.

На наш взгляд это очень серьезная проблема, проблема которая в дальнейшем не позволит воспитать человека сопереживающего, ответственного, доброго и способного прийти на помощь.

Особое место в процессе правового воспитания занимает проблема "правового минимума", некоего обязательного уровня знания права, которым должен обладать каждый гражданин любого общества, независимо от его социального статуса.

Поэтому наиболее важной проблемой на сегодня, мы считаем необходимость вовлечения молодежи в процесс правового воспитания. Вовлечение в этот процесс, безусловно, наиболее эффективно может проявить себя через систему образования.

Содержанием правового воспитания является приобщение людей к знаниям о государстве и праве, законности, правах и свободах личности, выработка у граждан устойчивой ориентации на законопослушное поведение. Другими словами, под содержанием правового воспитания понимается часть социального опыта в области правовой культуры.

Но прогресс неизбежен и мир сегодня стоит на пороге новой волны инноваций, которая сможет изменить сложившийся образовательный процесс. Новые технологии проникают во все сферы нашей жизни. Появляются успешные предпринимательские интернет – проекты (Google, Yandex, Facebook, Вконтакте и др.).

В нашей стране инновации в образовании, связанные с правовым воспитанием, в основном ассоциируются с применением интерактивных методов обучения, создающих наиболее благоприятные условия для усвоения нового материала.

Современные тенденции обучения требуют активизировать познавательную деятельность учащегося, что обуславливает сме-

¹ Сайт «Социальные сети: азбука социальных сетей».

Основные направления оптимизации процесса правового воспитания современной молодежи

щение акцента на вопросы: "определи цель и поставь задачи", "выскажи свое обоснованное мнение", "оцени", "реша проблему", "докажи". Поэтому интерактивным методам принадлежит особая роль.

Усвоение информации учащимися происходит комплексно (кинестетически, аудиально и визуально) при доминировании одного из каналов восприятия¹.

Основные интерактивные методы, помогающие достичь целей правового воспитания, представлены такими видами как круглый стол (дискуссия, дебаты), мозговой штурм (брейнсторм, мозговая атака), деловые и ролевые игры, case – study (анализ конкретных ситуаций, ситуационный анализ), мастер – класс.

Таким образом, можно утверждать, что при достижении цели формирования правовоспитанной и правосознательной личности, необходимо использовать максимальный спектр средств, методов и форм воздействия на правовое сознание молодежи. Необходимо шагать в ногу с передовыми образовательными технологиями, использовать их для обозначенных целей в полном объеме, ведь главная цель правового воспитания – воспитание уважения к праву и законности как ценностной установки, формирование представления у законопослушного гражданина понимания того, что недостаточно иметь юридическую информацию, важно еще и уметь грамотно ей пользоваться.

¹ Инновационные и интерактивные методы в процессе правового воспитания (Гунибский М.Ш.) ("Юридический мир", 2014, N 4)

Е. В. Ершова

преподаватель кафедры
гражданско – правовых дис-
циплин Национального иссле-
довательского ядерного уни-
верситета «МИФИ», г. Димит-
ровград, аспирантка ка-
федры гражданского права
НОУ ВПО «Самарская гума-
нитарная академия»
dimsaga@mail.ru,

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ СЕМЕЙНЫХ ПРАВ И МЕРА СЕМЕЙНО – ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

COMPENSATION OF MORAL HARM AS A WAY TO PROTECT FAMILY RIGHTS AND THE MEASURE OF FAMILY – LEGAL RESPONSIBILITY

Закрепление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод личности порождает необходимость разработать конкретные юридические механизмы их осуществления и защиты в рамках семейного законодательства и практики его применения. Особое место в решении этой проблемы отводится к межотраслевому правовому институту – институту компенсации морального вреда, который имеет механизмы реализации и применения при защите семейных прав. В статье проанализированы особенности применения компенсации морального вреда как выражения компенсационной функции при защите семейных прав. Сделаны вводы о том, что в силу особенностей правовой природы защиты семейных прав необходимо применение именно компенсации морального вреда как способа защиты семейных прав.

Автор приходит к выводу, что компенсация морального вреда является выражением компенсационной функции при защите семейных прав участников отношений, возникающих из брака и принадлежности к семье.

Ключевые слова: защита семейных прав, компенсация морального вреда, возмещение морального вреда, психические и нравственные страдания.

Fastening in the Constitution of the Russian Federation of fundamental laws and personal freedoms generates necessity to develop concrete legal mechanisms of their realisation and protection within the limits of the family legislation and practice of its application. The special place in the decision of this problem is taken away to interbranch legal institute – to institute of indemnification of moral harm which has realisation and application mechanisms at protection of the family rights. In article features of application of indemnification of moral harm as expressions of compensatory function at protection of the family rights are analysed. Inputs that owing to features of the legal nature of protection of the family rights application of indemnification of moral harm as a way of protection of the family rights is necessary are made.

The author comes to a conclusion that indemnification of moral harm is expression of compensatory function at protection of the family rights of participants of the relations arising from marriage and an accessory to a family.

Keywords: protection of the family rights, indemnification of moral harm, compensation of moral harm, mental and moral sufferings.

Компенсацию морального вреда причисляют к основным способам защиты гражданских и семейных прав, на что указывает статья 12 ГК РФ¹. Следует обратить внимание, что к предмету научной дискуссии относится вопрос о допустимости использования термина «компенсация» для обозначения восполнения причиненного морального вреда при нарушении семейных прав. Термин «компенсация» в переводе с латинского (*compensare*) означает "возмещать, уравнивать"². В словаре русского языка С.И. Ожегова компенсация трактуется через возмещение³.

Институт компенсации морального вреда продолжает оставаться объектом многочисленных научных исследований в цивилистической науке⁴, однако в науке семейного права данный правовой институт не получил достаточной разработки, что обусловлено целым рядом причин. Во – первых, институт компенсации морального вреда в России существует сравнительно недолго; во – вторых, несмотря на достаточно большой объем рассматриваемых

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994г. № 51 – ФЗ (в ред. от 13.07.2015 N 268 – ФЗ) // Российская газета. 1994. 8 декабря.

² См.: Швецова А. А. Компенсационные нормы российского права: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1999. – С. 28.

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1986. – С. 86.

⁴ Камышанский В. П. Каким должно быть юридическое образование? // Современное право. – 2010. – № 2. – С. 3.

судами дел о компенсации морального вреда, до сих пор нет единообразия судебных решений по таким делам, в особенности это касается защиты семейных прав; в – третьих, недостаточно удачное понятие «моральный вред» в Гражданском кодексе Российской Федерации 1994 года (далее – ГК РФ), сложность объективной оценки наличия, а также глубины и степени психических страданий, преобладающих в результате нарушения нематериальных прав; в – четвертых, несмотря на изменения, внесенные Федеральным законом от 02.07.2013 № 142 – ФЗ "О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации"¹ в ст. 151 ГК РФ, критерии определения размера компенсации морального вреда продолжают оставаться размытыми.

В. А. Белов определяет термин "компенсация" как действия, имеющие целью уравновесить имущественную либо неимущественную потерю посредством уплаты потерпевшему денег в такой сумме или передачи (предоставления) ему какого – либо имущества такого рода, качества и стоимости, которые позволят пренебречь понесенной потерей². Д. Н. Кархалев считает компенсационную функцию специфической, присущей мерам именно гражданско – правовой ответственности³. Этой же позиции придерживается Е.А. Суханов: "Основной, главной функцией является... компенсаторно – восстановительная функция. Она отражает соразмерность применяемых мер ответственности и вызванных правонарушителем убытков, а также направленность взыскания на компенсацию имущественных потерь потерпевшего от правонарушителя"⁴.

Компенсационные нормы по роли и масштабу действия в сфере гражданско-правового регулирования следует рассматривать в качестве не вспомогательных, а имеющих самостоятельное значение⁵. Однако для современной гражданско-правовой науки

¹ Федеральный закон от 02.07.2013 № 142 – ФЗ "О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 27. – Ст. 3434.

² Белов В. А. Гражданское право: Общая часть: Учебник. – М., 2002. – С. 637.

³ См.: Кархалев Д. Н. Гражданско – правовые меры защиты и меры ответственности: Учеб. пособие. – Уфа, 2004. – С. 20.

⁴ Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. / Отв. ред. Е. А. Суханов. 2 – е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. Т. 1. – С. 432.

⁵ См.: Орешкин С. И. Компенсационные нормы российского гражданского права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 11.

актуальна проблема смешивания и отождествления компенсационной и восстановительной функций гражданско-правовой ответственности, на что неоднократно указывала современные ученые, в том числе при исследовании более частных вопросов¹. Нельзя ставить знак равенства между компенсационными и восстановительными нормами права. Термин "компенсация" толкуется как возмещение, тогда как "восстановить" означает "привести в прежнее нормальное состояние, возродить"². Можно согласиться с Н.К. Басмановой, которая отмечает, что различие между возмещением и компенсацией прослеживается, прежде всего, по двум признакам: 1) предмету и 2) назначению. Если предметом возмещения являются убытки, т.е. имущественный вред, выраженный, как правило, в деньгах, то предмет компенсации составляет неимущественный вред (обычно не поддающийся точной денежной оценке) либо имущественный вред (в установленных законом случаях)³. Это особенно проявляется именно при компенсации неимущественного вреда при нарушении семейных прав.

Таким образом, компенсационная и восстановительная функции не являются тождественными и взаимозаменяемыми. Первая направлена на компенсацию того, что восстановить невозможно в силу нематериальности (например, честь) или исключительности (например, авторские права) нарушенного блага. Последняя же восстанавливает то, что можно возродить в натуре или в отношении чего можно точно определить денежную стоимость (например, вещи). Компенсационная функция семейно-правовой ответственности проявляется через компенсацию при нарушении личных неимущественных прав, в первую очередь через компенсацию морального вреда при нарушении неимущественных прав субъектов брачно – семейных отношений.

Полагаем, что термин «компенсация» означает, что восстановление нарушенного блага в первоначальное положение невозможно. Данный признак особенно явно проявляется именно при компенсации морального вреда как способе защиты семейных

¹ Лескова Ю. Г. К вопросу о правовом положении государственных (муниципальных) учреждений: новеллы законодательства // Российская юстиция. – 2010. – № 10. – С. 65-68.

² Орешкин С. И. Компенсационные нормы российского гражданского права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2006. – С. 12.

³ Басманова Н. К. Сущность и особенности возникновения правоотношений возмещения и компенсации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. – С. 12.

прав. В связи с этим, заслуживает интерес позиция А. Т. Табунщикова, который полагает, что корректнее использовать понятие «возмещение» морального вреда¹. Свою точку зрения автор основывает на том, что психика человека способна сопротивляться внешним воздействиям и возвращаться в первоначальное состояние спустя некоторое время после того, как какая – либо причина выведет ее из равновесия, то есть, возможно, ее восстановить. Однако, на наш взгляд, нельзя категорично утверждать, что моральный вред, в том числе и вред, причиненный психике, подлежит полному возмещению. Это не возможно. Данные категории не подлежат выражению в процентных или каких – либо иных показателях, а, соответственно, невозможно доподлинно установить насколько психическое состояние лица соответствует первоначальному. Кроме того, денежная сумма, присуждаемая потерпевшему, дает возможность приобрести какие – либо блага, способные лишь сгладить негативные последствия правонарушения в той или иной степени. Такие пережитые страдания как: чувство стыда, унижения, утрата авторитета и уважения, вызванные распространением сведений, порочащих честь и достоинство лица, едва ли можно забыть, получив денежное возмещение, также как и никогда не будет возмещен моральный вред, причиненный утратой родственника. Следовательно, предложение по изменению термина «компенсация» на «возмещение», а также приведенные в связи с этим аргументы, не могут считаться обоснованными и недопустимы при постановке вопроса о компенсации морального вреда при защите семейных прав. С. А. Беляцкин также высказывал такую точку зрения, что присуждение денежной суммы не может означать реституцию, то есть восстановление нарушенного блага в то состояние, которое было ему присуще до нарушения. В этом смысле, моральный вред невозможно возместить². Таким образом, имущественный вред может быть полностью возмещен присуждением эквивалентной денежной суммы, а моральный вред возможно лишь компенсировать – то есть получить такое удовлетворение, которое может считаться более – менее достаточным за причиненные страдания при нарушении семейных прав.

¹ Табунщиков, А. Т. Институт компенсации морального вреда в российском гражданском праве. Белгород : – Изд – во БелГУ, 2007. – С. 38.

² Беляцкин С. А. Возмещение морального (неимущественного) вреда – М. : Городец, 2005. – С. 17.

Для этого необходимо уяснить смысл, вкладываемый законодателем в понятия «нравственные» и «физические» страдания, которыми определяется моральный вред. Под нравственными страданиями в психологии обычно понимаются эмоционально – волевые переживания человека, выражающиеся в чувстве любого рода дискомфорта, унижения, стыда, ущербности, подавленности, отчаяния, раздражения, гнева и других отрицательных эмоций. Предполагается, что говоря о нравственных переживаниях, стоит учитывать индивидуальные характеристики личности. Так возрастные, гендерные, физические, психические (например, уровень самооценки), интеллектуальные, профессиональные особенности, а также материальное положение каждого человека могут оказать определяющее влияние на восприятие той или иной ситуации.

Следует обратить и на содержание понятия «физические страдания». Так, Постановление Пленума ВС РФ «О компенсации морального вреда» в качестве примера называет только физическую боль, напрямую связывая ее с нравственными переживаниями. Однако в теории гражданского права имеются иные предложения по данному вопросу. К примеру, К. И. Голубев и С. В. Нарижний предлагают понимать под видами физических страданий болезненные симптомы (ощущения), такие как боль, удушье, тошноту, головокружение, зуд и другие,¹ и доказывают самостоятельность данной категории, как составляющей понятие «моральный вред». Данная позиция видится достаточно обоснованной, поскольку физические страдания всегда отражаются в психике человека, вызывая чувство беспокойства, страха, неполноценности и иные негативные эмоции и переживания. Иными словами, физические страдания нередко могут выступать первичным, образующим фактором для психических переживаний, а, соответственно, могут быть охвачены категорией «нравственных переживаний» или «психического вреда».

Данный вопрос, а точнее, его решение, является принципиальным, поскольку в цивилистической литературе мнение авторов по поводу содержания категории «моральный вред» и обоснованности подобной формулировки разделилось. Большинство авторов главенствующее значение придают категории нравственных стра-

¹ Голубев К. И., Нарижний, С. В. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 94.

даний, полагая страдания физические второстепенным или же вообще лишним элементом. Так, Е. А. Михно определяет моральный вред как «отрицательные последствия нарушения имущественных или неимущественных благ, выразившиеся в душевных страданиях и переживаниях»¹. Автор полагает, что физические страдания приобретают юридическую значимость для возложения гражданско-правовой ответственности за причинение морального вреда лишь постольку, поскольку вызывают нравственные страдания (к примеру, эмоциональный ущерб, который потерпевший понес в результате увечья), поэтому не могут быть включены как правовая категория в понятие морального вреда. Подчеркнем, что на наш взгляд такая позиция не может считаться вполне удачной, поскольку она односторонне отражает правовую природу морального вреда.

Необходимо отметить, что в науке распространено также мнение о замене понятия «моральный вред» на «психический вред». Так, А. М. Эрделевский утверждает, что страдания предполагают отражение в сознании потерпевшего действий причинителя вреда, то есть определенную психическую реакцию, которая в свою очередь может выражаться в форме негативных ощущений (физические страдания), и негативных переживаний (нравственные страдания)². С этой позицией соглашается А. Т. Табунщиков отмечая, что психический дискомфорт, являющийся реакцией человека на противоправное деяние в отношении него, в ряде случаев вызывает неврозы и невротические реакции (собственно психический вред), переживания и страдания, испытываемые потерпевшим, являются последствиями причинения психического вреда³. На наш взгляд, данная позиция не учитывает, что если физическим страданиям почти всегда сопутствуют переживания нравственные или психические (беспокойство и страх за свою жизнь и здоровье, чувство социальной неполноценности, скорбь из – за утраты здоровья), то физические страдания (болезненные симптомы) не подпадают под категорию психических страданий, поскольку чаще всего не обусловлены психоэмо-

¹ Михно, Е. А. Компенсация морального вреда во внедоговорных обязательствах : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. С. 45.

² Эрделевский, А. М. Моральный вред и компенсация за страдания. – М. : Издательство ВЕК, 1998. – С. 1.

³ Табунщиков, А. Т. Институт компенсации морального вреда в российском гражданском праве. – Белгород : Изд – во БелГУ, 2007. – С. 36.

циональным состоянием человека. Соответственно, понятие «психический вред» не охватывает физические страдания, которыми характеризуется моральный вред в отечественном законодательстве. Поэтому становится очевидно, что введение в действующий ГК РФ понятия «психический вред» для определения физических и нравственных страданий является нецелесообразным.

Исходя из вышесказанного, на наш взгляд, изменение термина «моральный вред» нельзя считать целесообразным. Во – первых, понятие «моральный вред» прочно укоренилось как в отечественном законодательстве, так и в правосознании граждан, а во – вторых, предлагаемые взамен понятия имеют существенные недостатки, которые могут привести к искаженному пониманию ряда других правовых терминов и институтов. Однако официальное толкование понятий «физические страдания» и «нравственные переживания» способствовало бы единообразному представлению о содержании правовой категории морального вреда и устранению противоречивости судебной практики. В целях установления подлинной сущности данных категорий, необходимо использовать современные достижения психологии, медицины и философии, а также привлечь ведущих специалистов данных областей наук. Полагаем, что компенсация морального вреда является весьма эффективным механизмом защиты нарушенных семейных прав, который, к сожалению, не получил в России широкого распространения¹. Соответственно, присуждение компенсации морального вреда будет являться мерой семейно – правовой ответственности за совершение правонарушения, посягающего на указанные права, интересы и блага.

¹ Ткаченко А. А. Признание права собственности на самовольную постройку: вопросы теории и практики // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2011. – № 74. – С. 560

Т. Ю. Тихенко

соискатель кафедры гражданского и семейного права ГБОУ

ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Г. Петропаловск – Камчатский,

e – mail: tihenko@list.ru

ДОГОВОР ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕВОЗОК И РАМОЧНЫЙ ДОГОВОР: СООТНОШЕНИЙ ПОНЯТИЙ

VOLUME CONTRACTS AND FRAMEWORK CONTRACT: VALUE CONCEPTS

В настоящей статье анализируется правовая природа договора об организации перевозок грузов морским транспортом, предварительного договора и рамочного договора. Проводится сравнительный анализ указанных договоров и доказывается их самостоятельность.

Ключевые слова: правовая природа договора; договор об организации перевозок грузов; договор морской перевозки грузов; предварительный договор; рамочный договор; перевозчик; грузовладелец.

This article examines the legal nature of the agreement on the organization of transport of goods by sea, the preliminary agreement and a framework agreement. The comparative analysis of these agreements and prove their independence.

Keywords: legal nature of the contract; an agreement on the organization of cargo transportation; The contract of marine transportation; preliminary agreement; framework agreement; carrier; Shipper.

При систематических перевозках на морском транспорте прочно вошли в практику договоры об организации перевозок (ст. 118 КТМ РФ)¹. Как правило, такие договоры носят долгосрочный характер и именуются годовыми, навигационными, специальными и т. п.

¹ СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2207; – 2015. – № 29 (часть 1). – Ст. 4356.

В юридической литературе отсутствует единое мнение по вопросу определения правовой природы данного договора¹.

Так, Д. А. Медведев и В. Т. Смирнов характеризуют договор об организации перевозок как организационную предпосылку заключения договора перевозки груза и рассматривают данное обязательство как консенсуальный, взаимный договор, направленный на обеспечение планомерных отправок грузов. В качестве существенных условий договора выделяют объемы и сроки предоставления транспортных средств и предъявления грузов к перевозке, порядок расчетов сторон и пр.². В качестве организационно – правовой предпосылки рассматривают договор об организации перевозок грузов и В. Н. Гречуха³, Г. П. Савичев⁴. Рассматривая договор об организации перевозок как организационную предпосылку с позиции менеджмента, С.Ю. Морозов, относит его к гражданско-правовым договорам⁵.

Большинство ученых склонны считать договор об организации перевозок предварительным⁶. Как отмечается в литературе, долгосрочный договор об организации морских перевозок грузов не порождает прав и обязанностей между грузоотправителем и перевозчиком по перевозке конкретного груза, поскольку лишь опре-

¹ Камышанский В. П., Дудченко А.В. Меры гражданско-правовой ответственности по договору перевозки грузов и пассажира // Закон и право. – 2015. – № 11. – С. 80-82.

² См.: Гражданское право. Учебник. Часть 2 / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М., 1997. – С. 378.

³ См.: Гречуха В. Н. Транспортное право: Учебное пособие. – Ч. 1. М.: МГИУ, 2002. – С. 165; Савичев Г. П. Правовое регулирование перевозок народно – хозяйственных грузов. – С. 59 – 60.

⁴ См.: Савичев Г. П. Правовое регулирование перевозок народно – хозяйственных грузов. С. 59 – 60.

⁵ См.: Морозов С. Ю. К вопросу о правовой природе договора об организации перевозок // Транспортное право. – 2005. – № 3. – С. 15.

⁶ См.: Кабалкин А. Ю. Классификация и толкование договоров // Российская юстиция. – 1996. – N 7. – 1996. – С. 14. Косовская В. А. К вопросу определения понятия договора морской перевозки груза // Транспортное право. – 2002. – N 3. – С. 7; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть первая) / Отв. ред. Т. Е. Абова, А. Ю. Кабалкин. М.: Юрайт, – 2002. – С. 818; Завидов Б. Д.; Комментарий к Федеральному закону «О транспортно – экспедиционной деятельности» от 30 июня 2003 г. N 87 – ФЗ. – М.: Приор, 2003. – С. 7.

деляет порядок будущих взаимоотношений указанных лиц, являясь предварительным договором¹. Противником модели предварительного договора выступает В. В. Витрянский². Не в пользу признания договора об организации перевозок разновидностью предварительного договора высказываются также И. В. Елисеев и М. В. Кротов, которые отрицают обязательственную природу правоотношения, возникающего из предварительного договора³.

В литературе справедливо отмечается о некоторых противоречиях законодательства относительно требований ст. 429 ГК⁴ о совпадении формы предварительного и основного договоров применительно к договору об организации перевозок и договора перевозки⁵. Хотя договор перевозки грузов и договоры об организации перевозки грузов заключаются в простой письменной форме, при этом, однако, не соблюдаются требования ст. 161 ГК РФ. Правила статьи 160 ГК РФ устанавливают, что законом, иными правовыми актами и соглашением сторон могут устанавливаться дополнительные требования, которым должна соответствовать форма сделки (совершение на бланке определенной формы, скрепление печатью и т.п.), и предусматриваться последствия несоблюдения этих требований. Если такие последствия не предусмотрены, применяются последствия несоблюдения простой письменной формы сделки. Между тем, в соответствии со ст. 785 ГК РФ заключение договора перевозки груза подтверждается составлением и выдачей отправителю груза транспортной накладной (коносамента или иного документа на груз, предусмотренного соответствующим транспортным уставом или кодексом). Более удачной представляется норма ст. 117 КТМ, в которой прямо указывается, что договор морской перевозки груза должен быть заключен в письменной форме и его наличие и содержание могут подтверждаться чартером, коносаментом или другими письменными доказательствами. Причина возникающих противоречий, как верно отмечает С. Ю. Морозов,

¹ См.: Симоненко А. М. Комментарий к Кодексу торгового мореплавания Российской Федерации. – М., 2008. – С. 208.

² См.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 4. М.: – Статут, 2003. – С. 264.

³ См.: Елисеев И. В., Кротов М. В. Очерки по торговому праву. Выпуск 7 / Под ред. Е. А. Крашенинникова. – Ярославль, 2000. – С. 218.

⁴ СЗ РФ. 1994. № 32. – Ст. 3301; 2015. № 29 (часть 1). – Ст. 4384.

⁵ См.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 4. М.: – Статут, 2003. – С. 264.

кроется не в сущности договоров об организации перевозок, а в несовершенстве норм о предварительном договоре¹.

Договор об организации перевозок, являясь консенсуальным, не может являться самостоятельным основанием возникновения обязательства перевозки конкретного груза. Также договор об организации перевозок, будучи долгосрочным, не освобождает и от заключения реального договора перевозки.

В литературе уже отмечалось, что на основании одного договора об организации перевозок грузов в будущем возможно заключение множества договоров перевозки грузов, что противоречит буквальному смыслу ст. 429 ГК РФ, в соответствии с которой по предварительному договору стороны обязуются заключить (а не заключать) в будущем договор (а не договоры) о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг (основной договор) на условиях, предусмотренных предварительным договором. Более того, в ст. 798 ГК РФ речь идет о заключении в будущем совершенно различных типов договоров. Кроме договоров перевозки конкретного груза, которые, как известно, являются реальными, для реализации договора об организации перевозок необходимо также заключать договоры о подаче транспортных средств под погрузку и о предъявлении грузов к перевозке (ст. 791 ГК РФ), которые по своей природе являются консенсуальными². Также в соответствии с п. 3 ст. 429 ГК РФ предварительный договор должен содержать условия, позволяющие установить предмет и другие существенные условия основного договора. Тогда как в договоре об организации перевозок не указываются условия о точном количестве отдельных партий груза, его конкретные грузополучатели, сроки подачи судна и предъявления конкретной партии груза, размер фрахта по каждой партии. Данный договор не является и основанием ответственности за нарушение условий перевозки конкретной партии груза. Обычно в таком договоре определяются общие для всех будущих партий грузов условия перевозки, согласовываются прежде всего обязанности сторон, связанные с особенностями перевозимых грузов (например, при перевозке наливных

¹ См.: Морозов С. Ю. К вопросу о правовой природе договора об организации перевозок // Транспортное право. – 2005. – № 3. – С. 16.

² Диденко А. А. Конструкция непоименованного договора в гражданском праве // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2013. – № 90. – С. 1007.

грузов — обязанность отправителя подготовить береговые резервуары, а для перевозчика — обязанность предоставить для налива и слива трубопроводов и шлангов и т. п.). А также обычно регулируется общий порядок расчетов по фрахту и дополнительным сборам¹. Следует согласиться с мнением М. И. Брагинского и В. В. Витрянского, согласно которого необязательность для сторон договора перевозки условий договора об организации перевозок лишает последний признаков гражданско – правового договора и сводит его значение к протоколу о намерениях².

Таким образом, для дальнейшего развития взаимоотношений участников договора об организации перевозок необходимо заключение договора морской перевозки конкретной партии груза. При этом в соответствии со ст. 118 КТМ РФ договор морской перевозки груза заключается на основе долгосрочного договора об организации перевозки. Как верно отмечает Г. Г. Иванова, данные указания следует понимать лишь в том смысле, что условия договора об организации перевозок принимаются во внимание, если они не противоречат договору перевозки конкретной партии груза. При наличии противоречий предпочтение отдается последнему³. Таким образом, стороны договора перевозки вправе отойти от условий договора об организации перевозок и самостоятельно определить конкретное содержание прав и обязанностей.

Федеральным законом № 42 – ФЗ от 08.03.2015⁴ часть первая ГК РФ была дополнена ст. 429.1, закрепившей понятие рамочного договора (договора с открытыми условиями) как соглашения, определяющего общие условия обязательных взаимоотношений сторон, которые могут конкретизироваться и уточняться сторонами путем заключения отдельных договоров, подачи заявок или иным способом на основании или во исполнение рамочного договора.

Таким образом, понятие «рамочный договор» представляет собой сложную договорную конструкцию, состоящую либо из двух

¹ См.: Иванова Г. Г. Комментарий к Кодексу торгового мореплавания Российской Федерации. – М., 2000. – С. 276.

² См.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. Книга 4. – М., 2003. – С. 348.

³ См.: Иванова Г. Г. Комментарий к Кодексу торгового мореплавания Российской Федерации. – М., 2000. – С. 276.

⁴ СЗ РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1412.

договорных отношений: базового договора (генерального соглашения) и отдельных договоров, уточняющих положения базового, либо базового договора (генерального соглашения) и дополнительных соглашений к нему.

Как видно из определения рамочного договора, указанная конструкция имеет сходные черты с договором об организации перевозок. В частности и в том, и в другом договоре оговариваются лишь общие условия будущих взаимоотношений сторон, которые в дальнейшем конкретизируются и уточняются сторонами. Однако, в отличие от договора об организации перевозок, который без заключения конкретных договоров перевозки, не порождает прав и обязанностей по перевозке отдельных партий груза, рамочный договор представляет собой заключенное и полностью действительное соглашение, не порождающее обязательства заключить договор в будущем. Рамочный договор лишь предполагает дальнейшую детализацию его условий либо путем заключения отдельных договоров, либо путем подачи заявок, либо иным способом¹. Однако, до настоящего времени судебная практика, основываясь на правовой природе рамочного договора, а именно на неопределенности предмета обязательства, исходила из изначальной незаключенности рамочного договора до момента дополнительного согласования сторонами всех существенных условий в конкретном договоре или уточняющем соглашении². Иными словами суды не рассматривали рамочный (базовый) договор и уточняющие его приложения или соглашения как единый рамочный договор. Как в судебной практике, так и в научных исследованиях под рамочным договором в строгом смысле понимался только базовый договор³. Представляется, что сформировавшаяся судебная позиция должна быть изменена, поскольку в силу п.2 ст. 429.1 ГК РФ при незаключенности сторонами отдельных договоров либо неурегулированности отдельных положений в данных договорах подлежат применению общие условия рамочного договора. Указанная норма соответствует и

¹ См. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11.

² См., например, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.08.2009 № 09АП – 13929/2009 – АК по делу № А40 – 40958/09 – 2 – 254 // СПС «Консультант – Плюс». 18.12.2015.

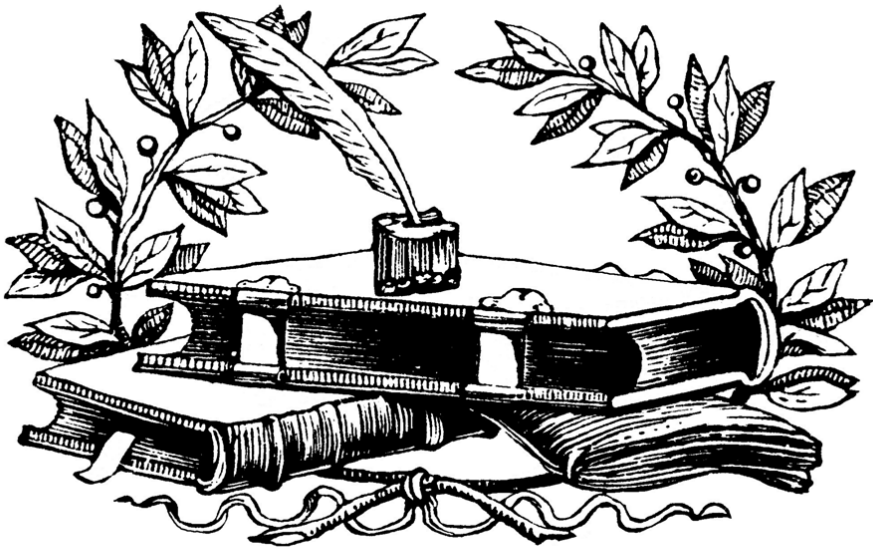
³ См.: Коблов А. С. Рамочный договор и договор с открытыми условиями как комплексные договорные конструкции // Закон. – 2013. – № 1. – С. 133 – 140.

международным нормам, в частности, положениям п.2.1.14 Принципов УНИДРУА 2010 г., согласно которым действительность договора с открытыми условиями может быть поставлено под сомнение в случае, когда стороны договора, а также третьи лица не смогут определить хотя бы одно из условий этого договора. Вопрос о действительности базового договора не может возникать, если стороны приступили к его исполнению, т.е. своими конклюдентными действиями подтвердили наличие дополнительных договоров – приложений. В рассматриваемой ситуации утверждение одной из сторон о незаключенности рамочного договора должно рассматриваться как проявление ее явной недобросовестности¹.

На основании изложенного, можно сделать вывод о самостоятельности, различной правовой природе договоров об организации перевозок и рамочных договоров, не смотря на наличие в них сходных черт, а также о возможности применения в регулярных морских перевозках не только договора об организации перевозок, но и рамочного договора, который дает возможность не заключать договор перевозки на отдельную партию груза, а уточняться путем подачи заявок, либо путем заключения Дополнительных соглашений.

¹ См.: Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 / Пер. с англ. А.С. Комарова
[//www.unidroit.org/English/principles/contracts/principles2010/translations/blackletter2010-russian.pdf](http://www.unidroit.org/English/principles/contracts/principles2010/translations/blackletter2010-russian.pdf).

Раздел

Критика и рецензии

Г. С. Демидова

заведующая кафедрой гражданско-го права и процесса ФГБОУ ВПО «Южно – Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет), кандидат юридических наук, доцент
kafedra_gp@mail.ru

РЕЦЕНЗИЯ

НА МОНОГРАФИЮ ЛОРЕНЦА Д. В. «ВИНДИКАЦИЯ: ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ» / МОНОГРАФИЯ. – МОСКВА: ИНФРА – М, 2011. – 164 С. – (НАУЧНАЯ МЫСЛЬ)

REVIEW

OF THE MONOGRAPH OF LORENTZ D. V., "VINDICATION: THE LEGAL NATURE AND PROBLEMS OF IMPLEMENTATION" / THE MONOGRAPH. – MOSCOW: INFRA – M, 2011. – 164 S. – (SCIENTIFIC THOUGHT)

Тему рукописи Дмитрия Владимировича Лоренца в свете реформирования гражданского законодательства Российской Федерации о вещных правах следует признать весьма актуальной. На разных этапах развития отечественной и зарубежной цивилистической науки вопросы защиты права собственности посредством виндикации всегда вызывали дискуссии среди учёных – правоведов¹.

¹ См., напр.: Камышанский В. П. Приватизация как способ распоряжения государственным и муниципальным имуществом // Закон. – 2005. – № 11; Камышанский В. П. Некоторые проблемы приватизации земельных участков особо охраняемых природных территорий // Хозяйство и право. – 2008. – № 10. С. 63–68.

В настоящее время в цивилистике сложилось известное противоречие между вещным характером виндикации и её обязательственной природой, что позволяет обсуждать возможность применения новых, вступивших в силу 1 июня 2015 года, общих положений об обязательствах к виндикационным правоотношениям (например, для обеспечения исполнения судебного решения об исполнении обязательства в натуре или перемены лиц в обязательстве по возврату вещи). Кроме того, в связи с изменением в 2013 году правового института исковой давности являются своевременными рассуждения автора относительно проблемы определения начала исчисления срока исковой давности по виндикационным притязаниям, когда неизвестна личность нарушителя владения, поскольку такая ситуация затрудняет реализацию права на защиту. Помимо этого, судебная практика заинтересована в скорейшем разрешении полемики вокруг судьбы права собственности виндиканта после истечения срока исковой давности, т.к. закон безмолвствует на сей счёт, что формирует «голое» право истца и «голое» владение ответчика. Неоднозначными в этом плане, создающими сложность приобретения вещи являются существующие в законе условия приобретательной давности. Объективная потребность реформирования конструкции узупапии в России согласуется с тенденциями и перспективами, изложенными в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации.

Немало внимания в монографии уделено изысканию решения важной проблемы защиты прав добросовестного приобретателя, влияющей в итоге на обеспечение стабильности гражданского оборота.

Рецензентом дана положительная оценка обозначенного исследования. В частности, отмечены в качестве юридически зрелых и отражающих научное новаторство параграфы, посвященные обязательственной природе виндикационного правоотношения, развитию положений о поссessorной защите, анализу действительности сделки между неуполномоченным традентом и приобретателем, а также исковой и приобретательной давности. Импонирует наличие практических аспектов при изложении материала, проанализирована судебная практика по защите имущественных прав.

Автор комплексно исследовал виндикацию не только с точки зрения притязания (иска), но и с позиций протекционного обязательства, применяя диалектический подход: последовательно изучены структура, основания возникновения виндикационного

правоотношения, его изменения и прекращения, а также взаимодействие виндикации с иными протекционными явлениями.

На основе обзора положений монографии можно выделить наиболее существенные результаты, отражающие научную новизну исследования:

1. Введены новые понятия: «виндикация» (способ добросовестного приобретения права собственности, который соответствует условиям ограничения виндикации по ст. 302 ГК РФ); «протекционная давность» (фактическое время защиты прав, которое исчисляется со дня нарушения, соответствует сроку приобретательной давности и ограничивает действие юридического времени защиты, т.е. исковой давности). Некое подобие протекционной давности после правовой реформы можно обнаружить в новой редакции статьи 196 ГК РФ.

2. Подвергнута сомнению однозначность деления правоотношений на абсолютные и относительные, поскольку любое правоотношение является относительным и воплощается в обязательстве. Гражданско – правовые по своей природе отношения автор классифицирует по характеру на юридические (обязательственные), т.е. правоотношения в подлинном смысле, и фактические правовые отношения (вещные, личные неимущественные и др.). Обосновано, что понятие «правовое отношение» (природа явления) шире по объему, чем понятие «правоотношение» (характер явления).

3. Обще теоретический трёхуровневый подход к структуре правоотношения (идеологические, юридические и материальные элементы) успешно реализован применительно к виндикационному отношению, что в целом отражает новизну в изучении виндикации.

4. Даны авторские дефиниции виндикационному правоотношению и виндикационному праву требования.

5. С учетом зарубежного опыта правоприменения предложено возродить поссessorную защиту состояния владения, в частности, против самоуправства собственника, и в целях её эффективной реализации обоснована необходимость устанавливать и лишать нарушителя его титула на вещь во избежание последующей виндикации с его стороны.

6. Аргументированы дополнительные условия защиты добросовестного акципента (приобретателя), купившего имущество в результате цепочки сделок у добросовестного отчуждателя или завладевшего имуществом безвозмездно, когда приобретатель не

имеет возможности возместить значительный ущерб, а у собственника такая возможность есть, что отражает общую тенденцию защиты гражданских прав на основе принципа справедливости, которая воплотилась в 2014 году в новых корпоративных нормах ГК (п. 3 ст. 65.2).

7. Автором разработан смешанный подход относительно проблемы конкуренции исков. Все притязания уникальны по своему назначению и основаниям возникновения, поэтому конкуренция требований, по общему правилу, недопустима, поскольку условия применения каждого иска предписаны законом, и у потерпевшего не может быть никакого выбора между ними. Конкуренция исков возможна, но не в силу отсутствия запрета в норме права, а только по прямому указанию законодателя и, если это не будет ухудшать положение обладателя пассивной легитимации.

8. В работе разграничены смежные дефиниции. «Конкуренция исков» – это ситуация, когда несколько различных по природе, но тождественных по характеру (по назначению) притязаний принадлежат одному лицу и направлены против одного нарушителя. «Альтернатива притязаний» – это конкуренция интересов истца, когда потерпевший обладает возможностью предъявить различные по природе и (или) по характеру притязания к разным нарушителям либо потерпевший обладает тождественными по природе, но различными по характеру требованиями к одному нарушителю. «Коллизия исков» представляет собой «конкуренцию истцов»: несколько лиц предъявляют тождественные или различные по природе притязания против одного нарушителя.

9. В изыскании обосновано, что реституция владения обладает самостоятельной юридической природой, поскольку не исключена трансформация реституции владения в денежную реституцию, реституция является синаллагматичной и обладает посессорным характером, что не свойственно для виндикации. Однако отмечено, что, применяя последствия недействительности сделки, можно истребовать индивидуально – определённую вещь (виндикационный характер реституции) либо вещи, определяемые родовыми признаками, приобретаемые как добросовестным лицом (кондикционный характер реституции), так и недобросовестным (признаки деликта).

10. Разграничены генеральные правила о возврате неосновательного обогащения (статьи 1103 – 1109 ГК РФ) и собственно кондикция, условия возникновения которой следует предусмотреть в статье 1102 ГК РФ: добросовестное обогащение вещами,

определенными родовыми признаками, на которые у приобретателя возникает право собственности

11. Разработана теория «относительной действительности сделки» между неуполномоченным традентом и акципиентом, согласно которой сделку, прямо не запрещенную правовым актом, либо запрещенную, но имеющую отличные от недействительности последствия нарушения, следует считать квази – действительной, образующей действительное обязательство, но неспособной достигать вещного эффекта, а потому титул приобретателя должен возникать при накоплении «сложного юридического факта» (виндикации), который отличен от «сложного юридического состава». В настоящее время и в практике Верховного Суда РФ встречаются позиции, что продажа чужого имущества сама по себе не влечет недействительность сделки.

12. Для пресечения предъявления виндикационного иска через неоправданно длительный промежуток времени после нарушения владения выделены два срока. Протекционная давность – фактическое, объективное время для возможности появления притязания на «свет» и его реализации, которое следует исчислять с момента завладения вещь нарушителем, и в целях его согласованности с нормами о приобретательной давности оно должно составлять для недвижимости 15 лет, для иного имущества – 5 лет, а если вещь выбыла из владения собственника помимо его воли – 30 лет (чрезвычайная давность). Исковая давность – юридический срок реализации возникшего с момента осведомленности потерпевшего о личности нарушителя притязания, который может исчисляться только в пределах протекционной давности. Подобные взгляды можно учитывать при окончательном совершенствовании института узупакии в гражданском законодательстве РФ о вещных правах, пакет поправок относительно которого вновь стал актуальным в 2015 году для обсуждения в Государственной Думе РФ.

13. Предложены определенные новеллы относительно условий узупакии:

а) предметами узупакии могут быть только недвижимость, а также регистрируемая движимость, которая используется открыто для окружающих, т.к. владение иными вещами создаёт презумпцию права собственности и, тем самым, стабилизирует гражданский оборот; б) узупакиент является субъективно недобросовестным, поскольку он должен осознавать цель своего владения; в) приобретательная давность должна быть равна сроку исковой давности, если владелец и собственник знают о личности друг друга, или

сроку протекционной давности, когда они не располагают сведениями о друг друге.

Сформулированные в монографии научные положения и рекомендации аргументированы, научно обоснованы, сделаны в результате анализа широкого спектра теоретических работ отечественных и зарубежных ученых, подтверждены судебной практикой, не противоречат фундаментальным положениям юридических наук, базируются на строго доказанных выводах, согласуются с научными тенденциями в цивилистике. Автор достаточно корректно использует научные методы исследования.

Многие выводы монографии являются отражением и источником дальнейшей плодотворной научной работы автора посредством участия в международных научно – практических конференциях и написания множества научных статей в рецензируемых журналах.

Кроме этого, автор работает в новых направлениях по исследованию цивилистической природы человеческих органов и тканей, по изучению перспективных видов вещных прав, что открывает путь к анализу возможности применения научных разработок о виндикации к нестандартным объектам гражданского права¹ или новым, потенциальным субъектам права на виндикационный иск².

Д. В. Лоренц продолжает изыскание по соотношению виндикации не только с классическими исками (реституция, негаторный иск, кондикция, деликтное требование)³, но и со специфическими средствами защиты корпоративных прав на долю участия

¹ Лоренц Д. В. Квази – завещания человеческих органов и тканей // Нотариальный вестник. – 2013. – № 1. – С. 36–43.

² Лоренц Д. В. Субъекты права на виндикацию в свете реформы гражданского законодательства // Современное право. – 2011. – № 3. – С. 71 – 76; Лоренц Д. В. Право личного пользования (узуфрукт): перспективы в России и опыт зарубежных стран // Вестник Южно – Уральского государственного университета. Серия «Право». – 2013. – т. 13. – № 2. – С. 55 – 58.

³ Лоренц Д. В. Проблемы юридической квалификации кондикционных и деликтных правопритязаний // Юрист. – 2008. – № 3. – С. 29 – 32; Лоренц Д. В. К дискуссии о соотношении виндикации и кондикции // Нотариальный вестник. – 2008. – № 10. – С. 34 – 39; Лоренц Д. В. Юридическая природа реституции // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 12. – С. 112 – 116; Лоренц Д. В. О владельческом (поссессорном) притязании // Законодательство. – 2009. – № 1. – С. 11 – 16; Лоренц Д. В. Особенности защиты имущественных прав наследников // Наследственное право. – 2012. – № 3. – С. 21 – 28; Лоренц Д. В. Система гражданско – правовых притязаний и проблема их конкуренции // Гражданское право. – 2008. – № 4. – С. 7 – 10.

в корпорации, поскольку до сих пор в судебной практике встречаются неоднозначные позиции по определению юридической природы доли в уставном капитале и реализации правил её возврата потерпевшему, аналогичных механизму виндикации¹.

Некоторые положения монографии носят лишь описательный характер (в частности, исторические концепции по обоснованию поссessorной защиты), однако, это не имеет сущностно – концептуального характера, не влияет на разработанность темы и не снижает высокий научно – практический уровень исследования Д. В. Лоренца.

Выводы и рекомендации, сделанные в работе, могут применяться в процессе совершенствования гражданского законодательства. Материалы исследования могут быть использованы в научной работе, правоприменительной деятельности, а также в ходе преподавания учебных дисциплин «Гражданское право», «Римское право» и других.

В целом, изыскание написано литературным языком, стиль изложения научных задач и методов их решения четкий и последовательный.

Таким образом, рецензируемое монографическое исследование носит самостоятельный творческий характер, представляет собой завершенную научно – исследовательскую работу на актуальную тему. Новые научные результаты имеют существенное значение для юридической науки и практики.

¹ Лоренц Д. В. Восстановление корпоративного контроля: возвращение доли участия или признание права на долю в уставном капитале? // Хозяйство и право. – 2015. – № 8. – С. 3 – 16.

Порядок и условия публикации

(Утверждены Решением редакционного
совета журнала «Власть Закона»
№ 1 от 27 января 2016 г.)

Порядок публикации

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Тематика журнала в значительной степени связана с обсуждением актуальных проблем гражданского права, теории и истории становления и развития институтов частного права, а также проблемами соотношения публичных и частных интересов участников гражданского оборота.

Рубрики журнала «Власть закона»:

- «Актуальные проблемы современного права»
- «Юридическая наука и практика стран СНГ»
- «Трибуна молодых ученых»
- «Критика и рецензии».

Заявленные тематические разделы журнала не ограничивают авторов в выборе темы публикации, так как при наличии интересного, актуального материала вопросы, обсуждаемые в рамках журнала, могут быть расширены.

2. К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся. Оригинальность текста статьи не должна быть ниже 70 процентов.

3. Авторы опубликованных статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и иных сведений, а также за публикацию материалов, не подлежащих открытой публикации. Автор предоставляет статью в печатном варианте, подписанную им, главному редактору журнала.

4. Представляя в редакцию рукопись своей статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее полностью или частично в ином издании без согласия редакции.

5. Редакция оставляет за собой право не публиковать статью при отсутствии рецензии, не соответствии содержания статьи профилю журнала или оформленную с нарушением порядка и условий публикации. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

6. Публикация статьи происходит в соответствии с графиком выхода журнала, в котором определяются сроки приема материалов и их выход. Журнал выходит не менее четырех раз в год ежеквартально. Статьи принимаются по установленному графику:

- в № 1 (март) – до 1 февраля текущего года;
- в № 2 (июнь) – до 1 мая текущего года;
- в № 3 (сентябрь) – до 1 августа текущего года;
- в № 4 (декабрь) – до 1 ноября текущего года.

Отбор материалов для текущего номера определяется редакционными планами.

7. Все статьи, размещенные на сайтах журнала «Власть Закона» и Научно-исследовательского института актуальных проблем современного

права (НИИ АПСР), находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав. Статьи журнала «Власть закона» размещаются в СПС «КонсультантПлюс», и в РИНЦ (elibrary.ru).

Редакционный совет приветствует стремление авторов в своих научных публикациях, в том числе зарегистрированных ранее в РИНЦе, учитывать позиции других авторов статей, опубликованных в журнале «Власть Закона». Цитирование статей, опубликованных в журнале «Власть Закона» в других научных журналах (не менее 10) позволяет ставить вопрос о внеочередном опубликовании статьи автора.

Условия опубликования статьи

1. Представляемая для публикации статья должна быть самостоятельным, завершенным, характеризующимся внутренним единством исследованием актуальной проблемы, связанной с рубриками (тематикой) журнала; обладать научной новизной; содержать постановку и решение задачи (проблемы); отражать основные результаты научного исследования.

2. Соответствовать правилам оформления.

3. Текст статьи тщательно вычитывается, автор несет ответственность за оригинальность исследования и научно-теоретический уровень публикуемого материала.

4. Публикация в журнале «Власть закона» является бесплатной. Авторы оплачивают только стоимость издательско-редакционных услуг: рецензирование статьи редакционным советом журнала, редакторская обработка статьи, верстка печатного варианта журнала, типографские затраты на издание печатного варианта журнала, размещение статьи на сайте журнала (<http://vzlaw.ru>), работа по регистрации очередного номера журнала в РИНЦ (elibrary.ru), размещение статей в справочно-правовой системе «КонсультантПлюс, других информационных системах, рассылка макета номера журнала по электронной почте автору, ведущим юридическим научным школам в России и ближнем зарубежье, ученым и юристам практикам, а также печатная версия авторского экземпляра журнала. Стоимость 1 страницы (оформленной в соответствии с Порядком и условиями публикации) – 700 руб. Возможна срочная публикация научных статей (по решению главного редактора). Почтовая доставка оплачивается отдельно и составляет 350 руб. для авторов, проживающих в России, и 700 руб. – для авторов из стран Ближнего зарубежья. Оплата издательско-редакционных услуг осуществляется только после сообщения редакцией о принятии рукописи к публикации и производится по присланному редакцией счету-договору и квитанции. Отсканированная квитанция об оплате счета направляется на электронный адрес журнала vzlaw@yandex.ru.

5. Статьи докторов юридических наук принимаются без указанной в п. 4 оплаты и во внеочередном порядке. Статьи докторов наук, написанные в соавторстве с аспирантами, кандидатами юридических наук,

практикующими юристами и т.д. оплачиваются согласно правилам, указанным в п. 4.

6. При оформлении отношений выставляется счет-договор, квитанция (для оплаты через Сбербанк России или другой удобный банк). Также возможна оплата через юридическое лицо.

7. Возможна срочная публикация научных статей (по решению главного редактора и заместителя главного редактора).

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

1. Подписанная заявка от каждого автора и текст статьи в формате Microsoft Word в электронном виде направляются в редакцию журнала по e-mail: vzlaw@yandex.ru для проверки на соответствие формальным критериям.

2. Текст публикации должен быть набран в текстовом редакторе Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25 см, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

3. Объем статьи должен быть не менее 6 страниц, но не более 15 страниц – для аспирантов и соискателей; 20 страниц – для авторов, имеющих степень кандидата или доктора наук.

4. Количество авторов одной статьи не должно превышать трех человек.

5. Статья должна иметь рецензию, подписанную доктором наук. Дополнительно научная статья проходит рецензирование согласно Правилам о рецензировании статей, утвержденных решением главного редактора журнала от 20 ноября 2015 года. Редакция предоставляет услуги по рецензированию статей в случае невозможности автором предоставления рецензии доктора наук. Оригинал рецензии, заявки, статьи в печатном виде, подписанной автором, после принятия решения о публикации направляются по адресу: г. Краснодар, 350044, улица Калинина 13, главный корпус ФГБОУ ВПО «Кубанского государственного аграрного университета», кабинет 307 (получатель - профессор Камышанский Владимир Павлович).

6. Статья должна содержать следующие элементы, оформленные в соответствии с требованиями журнала:

- индекс УДК
- заглавие статьи на русском и английском языках
- фамилии и инициалы автора (ов) на русском и английском языках
- должность и место работы автора (ов) на русском и английском языках
- аннотацию на русском языке, выполненную по требованиям журнала. Для размещения на англоязычной версии сайта журнала и в системе РИНЦ необходим качественный перевод аннотации и названия статьи на

английский язык, с соблюдением грамматических и орфографических правил. Перевод с помощью компьютерных программ и сайтов не допускается. Перевод может осуществляться редакцией при оплате данных услуг. Аннотация должна быть информативной (не содержать общих слов), оригинальной, содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований), структурированной (следовать логике описания результатов в статье), компактной (укладываться в объем от 50 до 100 слов).

- 5-10 ключевых слов на русском и английском языках

- список использованной литературы: в оригинальной научной статье необходимо упоминание не менее 7 источников, имеющих автора. Федеральные и иные законы не приводятся в списке литературы (библиографическом списке). Самоцитирование автора допускается в объеме не более 10% от общего количества цитирования и списка литературы (библиографического списка). Электронные ресурсы, в которых не указан автор материала, статистические сборники, нормативно-правовые акты указываются в постраничных сносках и в список использованной литературы не выносятся

- в статье должны быть сноски на литературу, оформленные согласно списку литературы.

7. Все ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования». Ссылки в тексте – постраничные, шрифт ссылок - Times New Roman, размер шрифта – 12, одинарный межстрочный интервал.

8. Настоятельно рекомендуем ознакомиться с трудами главного редактора, заместителя главного редактора, членов редакционной коллегии и редакционного совета по тематике работы и привести в научной статье не менее двух ссылок на труды названных ученых. Ознакомиться с трудами указанных ученых можно на сайте АНО «Научно-исследовательского института актуальных проблем современного права» (<http://niiapsp.ru>) или в системе РИНЦ (<http://elibrary.ru>), осуществив поиск по ключевым словам.

9. После проверки подписанный автором(ами) экземпляр статьи и оригиналы всех сопроводительных документов (заявка и рецензия) представляются по адресу: г. Краснодар, 350044, улица Калинина 13, главный корпус ФГБОУ ВПО «Кубанского государственного аграрного университета», кабинет 307 (получатель - профессор Камышанский Владимир Павлович). Бумажные варианты всех документов должны полностью соответствовать электронным.

**АНО «Научно-исследовательский институт
актуальных проблем современного права»**

при поддержке **кафедры гражданского права юридического факультета ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет»**

в 2016 году проводит

всероссийские научно - практические конференции

для магистрантов, студентов и аспирантов с участием ведущих ученых, практикующих юристов и преподавателей высших учебных заведений:

1) Для магистрантов очно-заочную конференцию *«Гражданское законодательство РФ: современное состояние, тенденции и перспективы развития»*, обучающихся по направлению «Юриспруденция» - 18 апреля 2016 года (срок подачи заявки и всех необходимых документов – 15 марта);

2) Для бакалавров очно-заочную конференцию *«Актуальные проблемы гражданского, семейного, земельного и предпринимательского права»*, обучающихся по направлению «Юриспруденция» - 23 мая 2016 года (срок подачи заявки и всех необходимых документов – 15 апреля)

3) для аспирантов очно-заочную конференцию *«Реформирование гражданского законодательства РФ: проблемы теории и практики»*, обучающихся по направлению «Юриспруденция» - 21 ноября 2016 года (срок подачи заявки и всех необходимых документов – 15 октября 2016 г.

Подробная информация об условиях участия в конференции представлена на сайте АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права» (<http://niapsp.ru>) и на сайте кафедры гражданского права юридического факультета ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет» (<http://kubsau.ru/education/chairs/law-civil/anopse>).

В рамках конференций объявлены конкурсы на лучшие студенческую работу и работу аспирантов. Победители будут награждены дипломами. Научные тезисы (доклады) победителей конкурсов будут опубликованы в журнале «Власть Закона» без оплаты авторами издательско-редакционных услуг.

По итогам конференций будут сформированы сборники статей участников, представивших статьи (тезисы докладов) в печатном варианте, которые будут размещены в РИНЦ. Каждый участник, заявленный в Программах конференций, получит именной Сертификат.

**Программный комитет
Всероссийских научно-практических конференций**

АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем
современного права».
Юридический факультет (кафедра гражданского права) ФГБОУ ВПО «Ку-
банский государственный аграрный университет»

**Организационный комитет
Всероссийских научно-практических конференций**

Камышанский Владимир Павлович, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права», доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный деятель науки Кубани, главный редактор научно-практического журнала «Власть закона».

Долгов Александр Александрович, директор филиала ФГБУ «ФКП Росреестра» по Краснодарскому краю, председатель аппарата Краснодарского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России».

Седов Владимир Евгеньевич, вице-президент Адвокатской палаты Краснодарского края, почетный адвокат РФ.

Куемжиева Светлана Александровна, декан юридического факультета ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Кубани.

Лескова Юлия Геннадьевна, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», доктор юридических наук, доцент, заместитель главного редактора научно-практического журнала «Власть закона».

Руденко Евгения Юрьевна, старший преподаватель кафедры гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», кандидат юридических наук.

Информационная поддержка

Научно-практический журнал «Власть закона» (*свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ № ФС77 – 38792 от 8 февраля 2010 г.*). Журнал **включен** в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (*Распоряжение Минобрнауки РФ от 26.01.2016 № Р – 4*).

Всех желающих приглашаем принять участие!

Наши партнеры!

Уважаемые партнеры!

Рады представить Вашему вниманию новый взгляд на достойное будущее.

«Фонтаны» – это современный жилой комплекс, где все спроектировано с максимальной заботой о Вашем комфорте:

- 1-, 2- и 3-комнатные квартиры с интересными планировками;
- панорамное остекление;
- климат-системы в каждой квартире;
- охраняемая территория находится под видеонаблюдением;
- паркинг;
- клубную атмосферу создает поднятый на уровень 4,5 м над землей и изолированный парк семейного отдыха;
- комплексное обслуживание домов осуществляет профессиональная управляющая компания.

Завершающим штрихом данного комплекса являются импульсные фонтаны, расположенные на территории собственной зоны отдыха.

В подарок нашим жильцам – картинный вид на главное географическое достояние – реку Кубань и «легкие» города – парк «Солнечный остров».

УСЛОВИЯ ОПЛАТЫ

- 100% оплата
- Ипотека
- Военные сертификаты
- Сертификаты материнского капитала
- Рассрочка

ИПОТЕКА

VTB24

СБЕРБАНК

ГАЗПРОМБАНК

Магазин квартир
г.Краснодар,
ул.Воронежская,47.

ЖК «ФОНТАНЫ»

www.jkfn.ru

2335777•2337711

www.jkfn.ru

2335777•2337711

www.jkfn.ru

2335777•2337711